

Александр Лапшин

РОКОВАЯ СХВАТКА

Александр Лапшин

**РОКОВАЯ
СХВАТКА**

Власов
Сталин
Аллилуева
Гитлер
Берия
и другие-
неизвестное

МОСКВА
КРОН-ПРЕСС
1997

ББК 83.3
Л24

Художник
В. ЧЕРНЕЦОВ

Лапшин А.

Л24 **Роковая схватка. Власов, Сталин, Аллилуева, Гитлер, Берия и другие — неизвестное. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. — 320 с.**

ISBN 5-232-00496-4

В центре романа-исследования А. Лапшина «Роковая схватка» — известные исторические фигуры, такие, как Власов, Сталин, Гитлер, Берия и другие.

Автор предлагает читателю свои необычные гипотезы взаимоотношений и столкновений этих людей. Трагедия генерала Власова — основа сюжета этой увлекательной книги. По-новому в романе представлены личная и семейная драма Сталина и Аллилуевой и обстоятельства загадочной смерти вождя.

Л 4700000000—496
52P(03)—97

ББК 83.3

ISBN 5-232-00496-4

© «КРОН-ПРЕСС», 1997
© Оформление, В. Чернецов, 1997

ОТ АВТОРА

Власов, Сталин... — вокруг этих исторических фигур нагромождено немало противоречивых суждений и досужих вымыслов.

На основании разных источников я попробовал разобраться как в непростой истории предательства генерала Власова, так и в той роли, которую сыграл в этой трагедии Сталин.

Зачем?

Во-первых, подобная тема давно требует более подробного раскрытия. Во-вторых, из тех материалов, которые посвящены этим личностям, большинство грешат явной предвзятостью: Сталина и Власова либо по отдельности выгораживают, либо злобно поносят, как прирожденных убийц и подонков. Ну, а в-третьих, — мы обязаны знать свою историю, как бы неприглядно она не выглядела.

Представляется, настало время, когда к судьбам этих людей мы можем отнестись наконец без излишней запальчивости и какой-либо идеологической предвзятости, дабы спокойнее осмыслить, каким образом один из них оказался в ситуации «изменника Родины», а другой, в немалой степени повинный в этом, превратился из забитого «сына сапожника» в человека-идола, завладевшего душами миллионов людей.

Хотелось бы отметить, что в этой книге Сталин интересует меня не только в контексте нашей истории, но и в чисто психологическом плане — как, из каких душевных вихрей, страстей, кипений, переломов и потрясений выплывало то страшноватое «зеркало», в которое многие из нас так долго смотрелись, а некоторые продолжают смотреться и до сих пор...

Считаю необходимым упредить читателя, что

представляемая на его суд работа содержит немало количество авторских версий по поводу тех или иных белых пятен в нашей истории. Например, это касается происхождения Сталина, установления имени его истинного отца, мотивов, толкнувших будущего вождя выбрать путь из православной семинарии в революцию, причин, по которым не сложилась личная жизнь у Сталина и Надежды Аллилуевой, обстоятельств гибели Аллилуевой и роли, которую сыграл в этой драме первый сын Сталина — Яков, слухов и предположений, связанных со смертью Сталина, и других авторских гипотез, которые я, по возможности, стараюсь подтвердить некоторыми известными документами.

Давно подмечено, что, сознательно накаляя себя ненавистью ко всякому злу, мы нередко, не желая того сами, многократно усиливаем его потенциальную энергию. Особенно это касается зла, сотворенного в прошлом. Отчужденное, проклятое нами, оно как бы подпитывается нашими негативными эмоциями и, получая дополнительную силу, может вновь становиться явью нашей жизни.

На мой взгляд, первый шаг, который следует сделать для нейтрализации этого зла, — постараться понять тех, на кого мы гневаемся и кого ненавидим. В данном случае это касается не только Сталина и генерала Власова, но и Аллилуевой, и Бериин, и Гитлера, и некоторых других людей, которые сыграли немаловажную роль в их судьбах.

Чтобы попытаться понять эти трагические фигуры, я и написал сию книгу.

Часть первая

СМЕРТНИКИ

— Сволочи! Такого позорного поражения Россия не ведала со времен Батгья!.. Они привели к этому, Вера, — эти слепые недоумки буденные и ворошиловы и их безмозглые комиссары!..

— Тише. Услышат...

— Плевать! Постреляли, уроды, почти весь цвет армии, а оставшимся командирам посадили на плечи надсмотрщиков-энкэвдешников и собрались выиграть войну на лошадях! И что в результате?!.. Сразу насрали в штаны, одну за другой сдают целые области, а теперь — и Киев!.. И Жуков хорош! О Господи, ненавижу!..

— Кого?.. Жукова?

— При чем тут Жуков?! Он хоть армию пытался спасти, а этот наш самый Верховный ублюдок...

— С ума сошел!.. Не смей так про Сталина...

Высоченный, изможденный Власов, в порванной генеральской шинели, и военврач его соединения — красивая, но безмерно уставшая женщина лет тридцати с трудом продирались сквозь лесную чащобу...

Командующий 37-й армией Юго-Западного фронта выводил из окружения большой отряд, который тянулся за ним следом. Солдаты шли дни и ночи по скрытым, непроходимым местам, издерганные засадами, перестрелками,

постоянной опасностью вновь наткнуться на противника, измочаленные недосыпанием и голодом.

В лесу уже пахло горьковатой осенью, но солнце, пробиваясь косыми столбами света сквозь рыжеющую крону деревьев, еще дарило тепло; еще по-летнему упоенно перекликались на разные голоса птицы, и в природе творилось вечное торжество жизни, которое, казалось, не имеет никакого отношения к судьбам людей...

Август—сентябрь 1941 года стал для них страшным потрясением, кошмаром наяву.

Угроза окружения Киева и всего Юго-Западного фронта создалась еще в июле. Жуков (в то время начальник Генерального штаба) предложил Сталину, чтобы предотвратить гибель всех армий фронта, целиком отвести их за Днепр. Вождь посчитал это глупостью (без боя сдавать Киев!) и, отстранив Жукова, направил его командовать резервным фронтом под Ельней. Был дан приказ: не сдавать Киев любой ценой до создания нового оборонительного рубежа.

Но произошло то, чего так опасался Жуков: немецкие войска замкнули в «клещи» 5-ю, 37-ю и 26-ю армии и профессионально их «обработали» в огненном, непроницаемом кольце. Огромное число русских было вынуждено сдаться в плен, но еще большая масса была истреблена: в этой мясорубке погибли 677 000 человек, в том числе 60 000 командного состава.

Вырваться удалось лишь самым стойким, дерзким, хорошо обученным и находчивым «счастливицам», среди которых оказались и люди Власова...

Генерал первым вышел из леса на косогор, откуда открывался вид на крохотный железнодорожный полустанок.

На путях стояли два эшелона: один с цистернами горючего, другой с длинной цепью вылинявших товарных вагонов.

Власов достал из нагрудного кармана гимнастерки круглые очки с одним треснувшим стеклом, надел их, зацепив за крупные уши, и стал похож на сельского учителя. Он обернулся на приотставшую Веру и невольно страдальчески поморщился. Ее измученные глаза так не сочетались со всем ее женским естеством, а то, что ей приходилось переносить, было так противоестественно и несправедливо, что его разом пронзили и острая жалость к Вере, и жгучая ненависть к неистребимому злу, которое творили по отношению друг к другу люди... Генерал протянул к ней руки, прижал к груди и через ее покатое плечо увидел, как из чащи один за другим выдираются такие же истерзанные солдаты и офицеры — жалкая уцелевшая горстка ото всей его армии.

Власов вдруг тихо сказал женщине:

— Я женюсь на тебе... хочешь?

— Да, — ответила она. — Я хочу все, что и ты.

Он отстранил от себя женщину, поцеловал в расцарапанный лоб и, вспомнив ее слова, проговорил:

— А Сталин, Вера... он макушкой доходит мне только до орденов. Но у этого карлика такие глаза, в которые не хочется заглядывать. Я поймал себя на этом, когда он вручал мне перед войной награду. Ты поняла?

— Нет.

— Нами, оказывается, правит пигмей. Умный, но страшный, Вера, пигмей, для которого люди — навоз.

Генерал умолк, ибо подошли красноармейцы, многие из которых тут же обессиленно сели или легли на траву. Власов высмотрел среди них своего низенького адъютанта и, указав вниз, на станцию, распорядился:

— Проверь обстановку, Кутиков.

Тот вытянулся:

— Есть.

Капитан Кутиков стал на кривоватых ногах спускаться вниз, обходя разросшиеся кусты цепкого репейника.

Оставшиеся наверху увидели, как из одноэтажного закопченного здания станции, сложенного из красного кирпича, выскочили, будто ошпаренные, молоденький лейтенант и грузный майор войск НКВД. Они беспорядочно заметались от одного эшелона к другому, которые охраняли два взвода солдат... Наконец оба остановились, коротко переговорили, майор кинулся назад в станционный домик. Кутиков тем временем приблизился к лейтенанту и о чем-то спросил его. Тот не козырнул старшему по званию, а наоборот — резко отмахнулся от капитана, нетерпеливо замотал головой и, отвернувшись от него, пошел отдавать какие-то распоряжения охранникам. Кутиков немного постоял и уже более спорым шагом направился обратно.

Поднявшись на косогор, он сообщил:

— Опять не туда вышли, товарищ командующий. Немцы и здесь пути отрезали.

Власов хмуро поинтересовался:

— А чего они носятся?

— А как же? — Кутиков сощурил малень-

кие хитроватые глазки. — Эшелон-то — полный зеков! Приготовили к эвакуации, теперь не знают, куда девать такое добро. Не фашистам же оставлять?

Майор НКВД снова вылетел из помещения на нути и напрямиком помчался к паровозу состава с нефтью. Он что-то приказал машинисту, после чего поезд с тяжелым лязгом тронулся с места и, подав назад, встал вровень с товарняком. Следом, по команде энкэвэdistов, к цистернам побежали красноармейцы и стали открывать в них краны, сливая тягучее горючее прямо на землю.

Генерал, стоя на краю косогора и вглядываясь в происходящее, изумленно охнул:

— Боже, да они... — И, не договорив, со всех ног побежал вниз.

Побежал огромными шагами, напролом сквозь репей, похожий в своей длинной шинели на распашку на идола-великана.

Рванув сзади майора за плечо, он яростно рывкнул:

— Ты что, стервец?.. Спятил?..

Энкэвэdist выкатил на него белые полубезумные глаза и с ходу заорал тоже:

— Кто такой?.. Откуда вылез, чучело?!

Генерал схватил его за грудки и сильно затряс, точно тряпичную куклу:

— Я — командующий 37-й армией генерал Власов, мразь! Там, под Киевом... тысячи солдат кровью харкают!.. А вы, гниды, здесь самосудами забавляетесь?!...

Майор вырвал из кобуры пистолет и выстрелил в воздух. Власов отпустил руки.

— Не тебе тут командовать! Понял?!.. — У энкэвэdistа от надрывного крика взбухли на шее вены. — У меня приказ! С самого верха!..

Куда их, по-твоему?.. — Он выбросил руку с оружием в сторону товарняка. — Гитлеру подарить?.. А отпущу — меня же первого под трибунал! Ты под Киевом уже накомандовал, вижу!.. Так что, ступай на х., товарищ командующий! И быстрее — немцы здесь будут через час! — Он повернулся к замолчавшему генералу спиной и резко отмахнул рукой: — Давай, лейтенант!

Тот поджег спичкой промасленную ветошь и швырнул ее в расползшуюся под двумя эшелонами гигантскую черную лужу.

На Власова пахнуло жаром, от отшатнулся и ошеломленно уставился на разгорающееся море горячего.

— Отходи, защитник! — прокричал ему майор и вслед за убегающими солдатами, лейтенантом и машинистами понесся, сотрясаясь животом, от составов прочь.

Генерал, покрываясь копотью от клубов черного дыма, продолжал стоять на месте, будто парализованный.

Вагоны охватило высоким пламенем, изнутри закричали, панически заматерились зеки и принялись отчаянно колотить, дубасить по дощатым стенам, по запертым дверям руками и ногами. Их вопли стал глушить треск пожираемого огнем дерева...

Прибежавшая Вера дернула за рукав Власова и буквально силой повлекла его обратно к своим. Генерал, словно во сне, поплелся за ней спотыкающимися шагами...

Наверху, с черным от гари лицом, в репьях, облепивших полы его шинели, он снова обернулся на пожарище.

Горящие цистерны начали оглушительно взрываться и пробивать крупными осколками

железа товарняк. Два хвостовых вагона, раскачиваемые изнутри зеками, опрокинулись, разломались пополам, оттуда стали выскакивать люди-факелы и, попадая в еще более страшный ад, кататься и корчиться в огненной жиже...

Власов стиснул зубы, и, закрыв глаза, заплакал...

* * *

Генералу Власову после многочисленных мытарств все же удалось вывести свой отряд из «киевского котла», но некоторое время он не ведал, что с ним будет дальше. Ему было уже известно, что бывшие окруженцы проходят в особых органах «сортировку», в результате которой бóльшая часть восстанавливается в прежних званиях и возвращается на фронт, а меньшая после перекрестных допросов зачисляется в «изменники Родины».

Однако Власова не тронули. Более того — его назначили командующим 20-й армией, стоявшей под Москвой. Почему?.. Вероятно, в немалой степени потому, что он являлся одним из редких талантливых командиров, в которых после общеармейского погрома, учиненного Ворошиловым и Сталиным перед войной, остро нуждались повсеместно отступающие войска, откатившиеся теперь до самой столицы. Но решающая причина, думается, заключалась в том, что генерал не был опасен для сверхподозрительного вождя. В отличие от легендарных Тухачевского, Блюхера, Егорова и многих других «пущенных в расход» за то, что они «много о себе понимали» и, на свою беду, знали кое-какие неприглядные детали из

биографии Сталина, а главное — могли со временем стать его опасными политическими конкурентами, Власов ничем еще себя особо не проявил и принадлежал ко «второму составу» командной верхушки. Эта часть армейских верхов происходила в основном из рабоче-крестьянской среды, она активно приняла идеалы революции, не имела никаких претензий на власть и потому именно на этих военных и собирался теперь опереться Сталин...

После его смерти принялись писать и говорить о том, что, дескать, «вождь всех времен и народов» был нехорошим усатым дядей, не переносившим тех, кто мог бы встать у него на пути. Не прекращают Сталина упрекать в этом и поныне. Но разве не так вели себя и все наши «вожди» последующие?..

Все, одержимые властью, получив эту власть, стараются устранить своих соперников. Разница между ними лишь в методах действия и свойствах их натуры. Одни отправляют своих конкурентов послами в Африку, на пенсию или на политически бесперспективные должности, а другие — прямиком на тот свет. Надо признать: «вождю всех народов» в таком способе устранения соперников не было равных, по принципу «нет человека — нет проблемы».

...А жизненный путь Власова не мог вызвать у Сталина даже малейших нареканий.

Андрей Андреевич родился в 1901 году, в многодетной крестьянской семье, в обычной деревне Нижегородской губернии. Обращало на себя внимание единственное: как и вождь, он окончил духовное училище и так же не довершил образование на следующем этапе

карьеры священнослужителя — в духовной семинарии. Обоим резко изменила судьбу революция, правда, Сталину гораздо раньше. За двадцать лет, с 1919 года, начав, во время гражданской войны, командовать взводом на стороне Красной Армии, Власов к 1939 году дослужился до командира 99-й стрелковой дивизии, для чего ему в 30-м году пришлось вступить в ряды ВКП(б). В 40-м он стал генерал-майором, а в 1941 году за то, что не растерялся при внезапном нападении немцев, а, напротив, — отбил у них Перемышль и удерживал его со своей дивизией несколько дней, смелому генералу поручили командование уже целой 37-й армией, базирующейся под Киевом.

Теперь, окончательно придя в себя после киевского ада и получив новые, свежие войска, Власов, вопреки оборонительной стратегии под Москвой, принятой Ставкой, наперекор уже внедрившемуся в ее сознание страху перед противником решил первым в этой войне совершить дерзкий прорыв под Солнечногорском (район Химок) и погнать немцев от столицы...

* * *

Два небольших, покрытых инеем оконца дребезжали от мощных взрывов. За ними виделось запорошенное снегом поле, а вдали — гряда леса, из-за которой валил густой черный дым, подсвечиваемый частыми красными всполохами. Там на большом участке фронта начался тяжелый бой.

Власов, в новом генеральском мундире, в хромовых сапогах, стоял на коленях в углу

крестьянской избы перед иконой, на подставке которой теплился трепещущий огонек тонкой зажженной свечи, и горячо молился:

— Господи Иисусе Христе Сыне Божий, к Тебе возношу душу мою и сердце мое: не попусти погибнуть нашей Москве, а за ней и всей России! Соделай, Господи, чтобы день нынешний...

Зазвонил правительственный телефон.

Генерал, осекшись, умолк и с досадой оглянулся. Телефон звонил резко и требовательно. Власов поднялся, прошел к столу и рывком снял с аппарата трубку:

— Генерал Власов на проводе!

— Точно! — зло и жестко подтвердил командный баритон. — Из-за твоей самодеятельности мы все будем висеть на проводах! Ты что ж делаешь?

— Не совсем вас понял... Георгий Константинович?..

— Кто тебе дал право начать операцию без приказа Ставки?

Власов сдержанно ответил:

— На основании разведанных, товарищ Жуков, я детально продумал каждый свой шаг. Немец торопится и потому блефует — у него хлипкие тылы. И я решил: хватит нам пятиться, пора...

Жуков заорал:

— Он решил!.. Да от тебя сейчас одни перья полетят! За загубленную армию я тебя, авантюрист, не только из командующих...

Власов вдруг взорвался тоже:

— Не смей на меня кричать!.. Ты бы на Сталина поорал, когда он тебе не позволил из-под Киева фронт за Днепр отвести! И хватит!.. Хватит, Георгий Константинович, своих под-

чиненных на горло брать. Пора бы и с их мозгами считаться!

Жуков, явно не ожидая такого отпора, надолго смолк. Затем тягуче проговорил:

— Ну, смотри... умник. — И повесил трубку.

Генерал угрюмо постоял над телефоном, потом вернулся в угол и вновь опустился на колени перед иконой. Углубленно помолчав, он негромко продолжил прерванную молитву:

— Господи Боже... Вручаю себя милосердию Твоему и предаюсь в волю Твою... Очисти и освяти нашу Русскую землю и избави ее от супостатов!.. Помилуй, Господи, всякого, просящего Твоей помощи. Сотвори сей день днем нашей победы. Погуби Крестом Своим борющаяся нас...

Без стука вошел Кутиков, затопав на пороге избы валенками и отряхивая с них налипший снег.

— Товарищ генерал...

Оставаясь на коленях, Власов обернулся и, не дав договорить, в бешенстве закричал:

— Пошел вон!.. Выйди!..

Адъютант испуганно вжал голову в плечи, открыл спиной дверь и, мгновенно исчезнув, тихо прикрыл ее с другой стороны.

Молитва была вконец испорчена, генерал встал и нервно заходил от стены к стене. В окно он увидел Кутикова, понуро сидящего на ступеньках крыльца. Власов постучал в стекло и поманил его внутрь.

Адъютант явился снова.

Генерал сурово предупредил:

— Еще раз вот так... без стука, возникнешь, — отправлю на передовую.

Тот робко проямлил:

— Так я это... такой случай...

— Какой?

— Немец драпает, товарищ командующий...

По всему фронту!

Власов замер — он верил и не верил в это... Снова зазвонил телефон, генерал бросился к аппарату.

— Да!.. — прокричал он в трубку. — Да, родной, уже знаю! Теперь долбани из всех «катюш» по их тощим задам!.. Уже готово?.. Молотком! Заставь эту сволочь лечь на брюхо, а потом круши с воздуха!.. Нет, Федор, — всю авиацию! И так — чтобы в ключья! Задача: раздавить, заставить обоссаться и загнать в наш «мешок»!.. Да, за киевское пекло! — Генерал положил трубку и закрыл воспаленные от недосыпания глаза ладонями. Разомкнув их, он сказал Кутикову: — Чего стоишь столбом? Не знаешь своих обязанностей?

Адъютант лукаво сощурился:

— Так, того... Уже...

На столе стоял граненый стакан с водкой, налитый до краев. От все и вся сотрясающего шквала залпов «катюш», раздавшихся снаружи, стакан сильно закачало.

Власов впервые улыбнулся и показал сначала на проливающуюся водку, а потом на дрожащие стекла окон:

— Во!.. Где пьют — там не только льют, но и бьют! — И одним махом опрокинул в себя обжигающее спиртное до последней капли...

В этот день потрясенных отступающих немцев смяли — они оставили на заснеженных полях сотни трупов. Впервые за весь период военных действий германская армия стала сдаваться в плен целыми соединениями.

Об этом, во многом решающем сражении,

почти нигде не пишется и не упоминается до сей поры. Как же так: «предатель», «изменник» — и вдруг первым сокрушил и погнал немцев от столицы, создав важную предпосылку для всеобщего Московского контрнаступления наших войск, которое явилось переломным этапом во всей войне?.. Однако, до того как генерал стал числиться предателем, в сводке Информбюро за 12 декабря 1941 года он по значимости перечислялся четвертым среди видных военачальников: Жуков, Лелюшенко, Кузнецов, Власов, Рокоссовский... И кем бы впоследствии ни оказался Власов — история есть история, и, руководствуясь только своими симпатиями или антипатиями, нельзя ее фальсифицировать, чем мы занимались многие годы. Рано или поздно это опять выйдет нам боком...

Сегодня вспоминается, как мы изображали немцев в фильмах военной и послевоенной поры — почти все дураки, трусы и неврастеники, — сознательно умалчивая, что эти «недоумки» гнали нас почти галопом от границ до самой Москвы.

Так же, уже в последние времена, нередко примитивизируют и Сталина, представляя его в образе недалекого, ничтожного злодея, который каким-то чудом взобрался на вершину власти и заставил поклоняться себе десятки миллионов людей. Например, существует распространенное представление о том, что в первые дни войны он якобы со страху пытался бежать из столицы, а некоторые утверждают, что вождь даже залез под диван на даче. Во-первых, под диваны того времени залезть было невозможно, а во-вторых, лишая Сталина ка-

ких-либо положительных качеств, мы примитивизируем и собственный народ.

Вот данные, опубликованные в «Известиях ЦК КПСС», (№ 6, 1990, с.216), которые были извлечены из тетради, где велись записи принимаемых им лиц: 22 июня 1941 года у вождя произошло 29 встреч и бесед с политическими, военными и хозяйственными руководителями страны. 23 июня — таких приемов был 21, 24-го числа — 20, 25-го — 29, 26-го — 28, 27-го — 30, 28 июня — 21 встреча. И так — ежедневно, по многу часов подряд, с раннего утра и до поздней ночи. При таком сверхнапряженном режиме работы вряд ли можно допустить, что он был парализован страхом.

Безусловно, Сталин — роковая и зловещая для нашего государства фигура, но не стоит ее упрощать. Давно подмечено: в народе ходит немало анекдотов про «вождя всех народов», но среди них нет ни одного, где бы он представлялся глупцом, бездарем или трусом. И тираном он был далеко не однозначным.

Г.К.Жуков в своих воспоминаниях, изданных после смерти вождя (казалось бы, чего его теперь обелять?), свидетельствует: «Кстати сказать, как я убедился за долгие годы войны, И.В.Сталин вовсе не был таким человеком, перед которым нельзя было ставить острые вопросы и с которым нельзя было спорить и даже твердо отстаивать свою точку зрения. Если кто-нибудь утверждает обратное, прямо скажу: их утверждения неправильны...»

Весной 42-го года, после окончательного поражения гитлеровских войск под Москвой, вождь неожиданно пригласил к себе в Кремль

Власова. Зачем — генерал не имел никакого представления, ему лишь передали, что прибыть в столицу надлежит незамедлительно... Отяжелевшим сердцем он сразу почувствовал, что добра от этого визита ему наверняка не будет...

* * *

Сталин и в самом деле доходил макушкой Власову только до орденов, и теперь, глянув на генерала снизу вверх, недовольно отметил:

— Какой вы однако... длинный. Присаживайтесь.

Тот, отводя глаза, опустил на край стула, сдержанно проговорил:

— Каким уж мать родила... товарищ Верховный Главнокомандующий.

Вождь, пройдясь по кабинету, остановился и исподлобья посмотрел на Власова.

— Вы, мне известно, — из крестьян?

— Так точно.

— А я — сын простой женщины. И как и вы, недоучился в духовной семинарии. У нас с вами немало общего, согласны?

Власов, поколебавшись, отозвался:

— Не совсем, Иосиф Виссарионович. В Бога... я продолжаю верить.

Сталин чуть усмехнулся в рыжие усы.

— Уважаю откровенных людей, но... не понимаю: вы полагаете, это совместимо с пребыванием в партии?

— Да. На мой взгляд, коммунизм и христианство исповедуют по сути одно и то же. Но, конечно, разными способами.

— Ошибаетесь, товарищ Власов! — Вождь вновь заходил по ковровой дорожке. — Очень

даже ошибаетесь. Мне жаль разбивать ваши иллюзии, но видно, в духовной семинарии я учился лучше вас. Одно и то же — это на первый взгляд. Справедливость, равенство, коллективизм, отношение к труду как к производству ценностей, а не денег, а к самим деньгам как к средству жизни, но не ее цели — все так. Но коммунизм... — вождь поднял кверху палец, — целиком и полностью основываясь на материальных, исторических и социальных законах этого мира, — он подчеркнул слово «этого», — ставит своей конечной целью построение рая на земле, а христианство наоборот: призывая «отречься от мира сего», говорит, что рай возможен только на Небе. Более того, оно утверждает, что земная жизнь дана человеку не для ее улучшения, а для того, чтобы путем праведного поведения, при непременном признании Бога, туда попасть. Я лично уже давно с этим не согласен. А потому хорошо понял: идея коммунизма для христианства куда более опасна и враждебна, чем откровенное зло.

Генерал осторожно спросил:

— Но... почему?

— Потому, что коммунизм, по определению церковников, — это лукавая «обезьянья выходка» дьявола, который украл у христианства внешние признаки, но лишил его истинного духовного содержания и дополнил неизбежностью кровопролития при постоянных потрясениях общества, без которых неспособна обойтись такая химерическая, на их взгляд, цель, как достижение «рая на земле». — Сталин внезапно остановился и в упор вдруг спросил: — А может, они правы, товарищ Власов?

— Н-нет, — не сразу откликнулся тот.

— Почему?

Генерал подумал.

— Насколько я помню Библию, там, еще до грехопадения Адама и Евы, Богом сказано: «Плодитесь и размножайтесь»... Да, именно так.

Вождь не понял:

— Что же из этого следует?

— То, что земля создана для человека и ему ее обустроить. Я думаю, что именно через приятие «мира сего», а не через отречение от него, только и можно обрести истинного Бога... Вы наверняка в свое время читали Ефрема Сирина. Так вот, я не признаю его главный постулат: «Отрицаюсь тебя, скорогибнущий мир». Это — аскетическая крайность. Для меня же — Создатель всегда там, где есть «мера». А посему это абсурд — презреть мир, им созданный, и одновременно возлюбить Его абстрактного как голую идею. Не верю я, что земля есть вотчина сатаны, куда мы, люди, низвергнуты за грехи. Да это и опровергать особо не надо — достаточно выйти по летней зорьке в деревенские пахучие луга. Вот он где, рай-то!

Сталин опять усмехнулся и чуть покачал головой. Потом сказал:

— Это приманка.

— Кого?

— Дьявола.

Власов удивился:

— Но... зачем?

— Чтобы люди, забыв о Небе, стремились к «раю на земле». — Вождь пояснил: — Но это не я говорю, а те же монахи. А вы... такой же, как я, неисправимый материалист. Так что не

надо себя обманывать. И Бога нам с вами лучше оставить в покое.

Генерал не согласился:

— Но без Него все теряет смысл... товарищ Верховный Главнокомандующий.

Тот скептически хмыкнул, сказал:

— Хорошо, пусть... А в этой войне на кого вы больше рассчитываете: на партию или... Христа?

Власов, помедлив с ответом, негромко отозвался:

— В конце концов... все в воле Божией, Иосиф Виссарионович.

— И поэтому молились перед Солнечногорским сражением?

— Да... — слегка растерявшись, пробормотал генерал. — Но откуда... вам известно?

Сталин прищурил темные глаза.

— У каждого своя работа, товарищ Власов. У меня — максимально знать, чтобы максимально предвидеть.

— Тогда... если все так откровенно... позвольте и мне вопрос.

— Пожалуйста.

— Он... не совсем приятный.

Вождь махнул рукой:

— Ничего. Жизнь вообще неприятная штука. Она — обязанность. Обязанность каждого нести свое бремя. Только... не причисляйте и меня к аскетам.

Власов молчал.

— Так в чем ваш вопрос?

— Вы сказали... предвидеть... Но саму войну?..

Верховный Главнокомандующий резко обернулся к генералу.

— Хотите сказать, Сталин ее проморгал. Так?

Тот ответил не прямо:

— Поступало много сигналов, можно было...

— Ерунда! — Вождь опять отмахнулся и подошел к окну.

Там он некоторое время постоял неподвижно, потом сказал:

— Что мне сигналы? Я до них понял — войны никак не избежать.

— Тогда почему... мы не подтянули ударные силы к границе?

— Это был бы ход простака, а не шахматиста.

— Объясните...

Сталин достал из бокового кармана кителя пачку папирос «Герцеговина флор», из другого — спички, закурил, спрятал все обратно и, спустя долгую паузу, неторопливо заговорил:

— Королевой в этой партии была и пока остается Англия!.. Если бы мы вывели войска к границе, Гитлер мог, как он это проделал с Польшей, спровоцировать наши части на столкновение и обвинить СССР в агрессии. А я знал и знаю: Англия, которая непродуманно поспешила первой объявить войну Германии, на тайных переговорах давно клянчит у немцев мир и ей нужен лишь повод, чтобы стать ее союзницей. И наше лженападение англичан вполне бы устроило. Я такого подарка Черчиллю сделать не захотел. Рано или поздно, но я переиграю эту лису и заставлю вступить в союз с нами.

Генерал тихо спросил:

— Но ценой каких потерь... Иосиф Виссарионович?

Вождь, выпустив очередную струю дыма, косо и жестко поглядел на Власова.

— Цена — вполне приемлемая, — отрезал

он. — И вообще: когда решается судьба государства, вопрос о цене не стоит. Обидно другое: до поры до времени я никому об этом не могу сказать. Вам я это говорю, потому что ценю вас как военного и доверяю. А проболтаетесь — не страшно, никто вам не поверит.

Генерал никак на это не ответил, продолжая прямо сидеть на краю стула...

... Этому страшному «шахматисту» поверить было и вправду трудно. И многие не верят до сих пор. Ведь война в начале 41-го была очевидна. И не только для зарубежных разведчиков, которые не уставали присылать донесения о готовящемся вторжении Гитлера в СССР и даже о точных сроках этого нападения, но и для командования самой Красной Армии. В исследованиях историков, в воспоминаниях видных советских военачальников приводится множество подобных фактов.

Военачальники постоянно били тревогу и упрашивали вождя произвести ряд соответствующих мер по упреждению удара со стороны немцев.

Командующий Киевским особым военным округом Кирпонос написал письмо Сталину, сообщив о сосредоточении немецких войск вдоль реки Буг и о возможности их наступления в ближайшее время. Он предложил соорудить противотанковые заграждения и подготовить позиции для обороны. Москва ответила: подобные приготовления явятся провокацией и дадут немцам повод для нападения...

Командующий Прибалтийским округом Кузнецов на свое усмотрение отдал приказ о приведении в боевую готовность всех своих

войск. Москва предписала: во избежание нежелательных осложнений приостановить выполнение приказа...

Маршал Малиновский прямо утверждал:

«Просьбы командующих... разрешить им привести войска в боевую готовность и выдвинуть их ближе к границе Сталиным единолично отвергались...»

Это подтверждает и Жуков:

«Нам было категорически запрещено производить какие-либо выдвижения войск на передовые рубежи по планам прикрытия без личного распоряжения Сталина...»

А третий маршал — Василевский — вопрошает:

«Почему Сталин, зная о явных признаках готовности Германии к войне с нами, все же не дал согласия на своевременное приведение приграничных военных округов в боевую готовность?»

Странное бездействие вождя усматривают в его слепоте, в недалекости, в том, что он излишне передоверился «пакту о ненападении», в «парализованности кролика перед удавом» (по Хрущеву), в самоуверенности, в сознательной и халатной преступности, в желании выиграть время для переоснащения армии и тому подобном... Но Сталин, не без участия которого Наркомат обороны еще 23 февраля 1941 года принял важную директиву, нацеливающую командование округов и флотов на Германию как на самого вероятного противника в будущей войне, как мы понимаем, прекрасно догадывался о неизбежном столкновении с Гитлером. Тогда чем же он руководствовался, если даже в июне 41-го года запретил войскам западных округов сбивать

немецкие самолеты, которые уже нарушали границы СССР?

А тем, что вождь хотел выиграть (неприменно выиграть, а не проиграть!) войну только по *своему* плану и ни по какому другому. И он действительно был «шахматистом», просчитывающим будущие события на несколько ходов вперед. Но сам этот расчет был уже нечеловеческий. Сталин «разыгрывал партию» с Черчиллем, будучи абсолютно равнодушным к предстоящим миллионным жертвам своих подданных, не желая при этом просчитать какой-либо иной вариант грядущей войны. Он, как говорится, «зациклился» на Англии, и это холодное упрямство Сталина можно объяснить лишь его параноидальной и уже глубоко больной личностью.

В результате ценой гигантских человеческих и материальных потерь, но зато удовлетворив свое маниакальное тщеславие, вождь все же «переиграл» Черчилля. Тот как политик продолжительное время испытывал двойственные чувства: он мечтал «видеть германскую армию в могиле, а Россию на операционном столе», однако 26 мая 1942 года был принужден Сталиным определиться и подписать советско-английский договор о союзе в войне против Германии и о взаимопомощи. 29 мая нарком иностранных дел Молотов прилетел уже в Вашингтон, где склонил к антифашистской коалиции и американского президента. Прагматичный Рузвельт, несмотря на господство в его стране совсем иных настроений: «Если мы увидим, что побеждает Германия, мы должны помогать России, а если увидим, что побеждает Россия, то следует помогать Германии», — прозорливо предугадал выгоду Америки в со-

юзе с СССР. И в июле этого же 42-го года высказался следующим образом: «В целом ответ на вопрос: выиграем мы войну или проиграем? — зависит от русских. Если русские смогут продержаться это лето и будут сковывать в боях три с половиной миллиона немцев, то мы определенно сможем одержать победу».

Вспомнить бы эти слова американцам и западноевропейцам, когда они *без русских* не так давно праздновали 50-летие *своей* исторической победы над фашизмом. Ведь, объединись они сразу, не выжидая, с Россией против Гитлера, наш «вождь всех народов» не стал бы «разыгрывать» свою страшную «шахматную партию», на «кон» которой он безжалостно «поставил» огромное число человеческих жизней.

— Скажите, — Сталин вдруг круто сменил тему разговора, — каково ваше мнение о Жукове?

Власов, не ожидая подобного вопроса, замялся:

— Он... добросовестный военный, напорист, знает дело... По-своему талантлив.

Сумрачно глядя в окно, вождь согласно покивал:

— Да... Но после победы под Москвой слишком стал занятой.

— В каком смысле?

— Так устает, что его теперь не могут добудиться. Даже когда звонит Верховный.

Коллега попытался его оправдать:

— Это можно понять, товарищ Сталин... Под Солнечногорском я, например, не спал четверо суток.

Верховный, продолжая угрюмо смотреть в окно, надолго умолк...

Жуков (1896 года рождения) — согласно восточному календарю, родился в год Обезьяны. Вот некоторые характеристики этого знака:

«Лукава... хитра... общительна, что создает впечатление, будто она со всеми ладит. На самом деле она презирает остальные знаки и считает себя выше других... У Обезьяны много здравого смысла... она изобретательна, обладает гибким сознанием и способна разрешать самые трудные проблемы с удивительной быстротой... Обезьяна великолепный работник в тех областях, которые требуют сообразительности, осведомленности... очень ловка для предприятий большого размаха... и может добиться успеха и известности, если будет следовать своему призванию... Она тщеславна... часто карьеристка... и независимая индивидуалистка. Ей ничего нельзя навязать или внушить — это она выбирает!.. Из-за пронизательного ума Обезьяны многие знаки ищут с ней сближения... Союз Обезьяны с Тигром приводит к трениям и вспышкам. Она не любит чрезмерности Тигра и нередко смеется над ним. Но ей следует этого остерегаться, ибо она может стать его жертвой. Тигр должен избегать слишком хитрую Обезьяну или быть с ней настороже...»

Сталин (а он являлся Тигром, но подробнее об этом — в следующей главе) вряд ли имел понятие о каких-либо гороскопах. Он, видимо, больше полагался в этих вопросах на свой богатый опыт и интуицию. И именно интуи-

ция ему все чаще стала подсказывать, что Жуков как человек прост на первый взгляд и, несмотря на свой талант военачальника, вероятно, обладает самым нетерпимым для вождя «пороком» — он считает Сталина в военных делах профаном и не исключено, что в узком кругу друзей нередко над ним подсмеивается. Доказательств на этот счет у Сталина не существовало, но он это по-звериному чувствовал и, вероятно, поэтому долгое время не утверждал присвоение Жукову звания Маршала Советского Союза.

Жуков действительно придерживался невысокого мнения о его способностях как Верховного Главнокомандующего и не раз высказывал по этому поводу свои суждения, но... только после смерти Генералиссимуса, ибо тоже, на уровне подсознания, догадывался, что ему как Обезьяне надобно остерегаться Тигра, дабы не угодить в его «когтистые лапы».

Вот несколько утверждений маршала:

«И перед войной, и в начале ее (Сталин. — А.Л.) имел весьма смутное представление о военном деле».

«На совести Сталина есть такие приказания и настояния, упорные, невзирая ни на какие возражения, которые плохо и вредно сказывались на деле».

«В вопросах оперативного искусства в начале войны он разбирался плохо. Что касается вопросов тактики, строго говоря, он не разбирался в них до самого конца».

«Я был для Сталина неприятный спорщик...»

Лаврентий Берия давно почуял двойственное отношение вождя к Жукову и, опасаясь, что маршал может встать между ним и Стали-

ным, отодвинув его в тень, принялся сразу же после войны собирать на Жукова «компромат». Были арестованы несколько видных, близко общавшихся с Жуковым военачальников, в частности дважды Герой Советского Союза Новиков, — из них пытками и издевательствами стали выбивать показания против Жукова как заговорщика. Берия понимал, что вождь даст приказ на арест маршала только в том случае, если ему удастся «обнаружить» еще один «заговор военных», теперь уже во главе с Жуковым, как это сделал в 1937 году Ежов, обвинив с «заговоре» Тухачевского, Якира, Примакова, Уборевича и ряд других военных руководителей. Однако большинство генералов держались достойно (многие так и сгнули на Лубянке), и Берии кроме «мелочевки» ничего существенного не удалось от них добиться. Добавим, что растущего авторитета Главнокомандующего Сухопутными войсками — такой пост тогда занимал Жуков помимо начальника НКВД — побаивались и министр Вооруженных Сил Булганин, а также Маленков, Каганович и Молотов; и они тоже начали «капать на мозги» «отцу народов», восстанавливая его против популярного маршала.

Вот отдельные выдержки из воспоминаний самого Жукова, приведенные в книге А.Сульянова «Арестовать в Кремле».

«Я чувствовал, что вокруг меня идет какая-то неблагоприятная работа. И наконец разразилась для меня крупная неприятность. Сталин собрал Главный военный совет, на который были приглашены все члены Политбюро, маршалы и генералы... В зал заседаний вошел Сталин. Он был мрачен, как черная туча. Ни

слова не говоря, он достал из кармана бумагу, бросил ее на стол секретарю Главвоенсовета генералу Штеменко и сказал: «Читайте». Это было заявление на маршала Жукова от бывшего адъютанта подполковника Семочкина и Главного маршала авиации Новикова, содержащихся в тюрьме, арестованных органами госбезопасности... Суть сводилась к тому, что Жуков нелояльно относится к Сталину, считает, что он, Жуков, а не Сталин, вершил главные дела во время минувшей войны, что якобы Жуков неоднократно вел разговоры, направленные против Сталина. Якобы я во время войны сколачивал вокруг себя группу недовольных генералов и офицеров. После зачтения этого заявления Сталин предложил высказаться. Выступили Молотов, Берия и Булганин. Все они критиковали меня за то, что я зазнался и не хочу считаться не только с авторитетом Политбюро, но и лично Сталина, что меня следует одернуть и поставить на место... Кончилось тем, что меня сняли с должности главкома сухопутных сил и отправили командовать войсками Одесского военного округа, а на состоявшемся Пленуме ЦК ВКП(б) вывели из состава ЦК без всякой формулировки...»

Маршала после опубликования его мемуаров спросили:

— Георгий Константинович, как могло получиться, что после всего, что вы сделали, Сталин отправил вас в Одессу, а затем в Свердловск?

Он ответил:

— Зависть к моей славе. А Берия всячески это чувство подогревал. Припомнили и мою способность возражать Сталину.

— А вы теперь простили Сталину то, что он так несправедливо с вами поступил?

— Я просто это вычеркнул из своей памяти. Он сделал некоторые шаги для примирения: я стал кандидатом в члены ЦК, он послал меня с визитом в Польшу. Думаю, что он хотел назначить меня министром обороны, но не успел, смерть помешала.

(Представляется сомнительным, что Жуков вычеркнул столь унижительный эпизод из своей жизни. Он, не желая резко высказываться о Сталине, скорее, не хотел зачеркивать свое прошлое, которое неразрывно было связано с вождем.)

...Верховный с силой затушил папиросу в массивной пепельнице, что стояла на подоконнике, медленно приблизился к Власову и пристально в него всмотрелся. Затем, ткнув указательным пальцем ему в грудь, сказал:

— Мне почему-то кажется, что вы — талантливее Жукова... Или нет?

Власов молчал.

(Надо думать, Сталин действительно так считал. Есть свидетельство Хрущева, что вождь, советуясь с ним, кого назначить командующим фронтом под Сталинградом, очень жалел, что не может предложить это Власову, который в то время находился в окружении под Ленинградом.)

— Говорите, — попросил вождь, — я не стану передавать ваши слова Жукову.

— Да... — наконец проговорил генерал. — Я считаю себя способнее.

Сталин убрал руку и удовлетворенно кивнул:

— Мне нравятся ваши честные ответы. И ваша решимость наперекор Жукову и Сталину самостоятельно начать Солнечногорское сражение. — Он вновь принялся прохаживаться. — Некоторые наши военачальники эту операцию почему-то недооценивают. Что ж, видно, придется этим товарищам хорошо разъяснить их ошибку. Пусть они сами напишут, что вы первый за всю войну нанесли врагу сокрушительное поражение и дали зачин всему Московскому наступлению!.. Подойдите.

Генерал встал и прошел к большому столу.

Там, занимая почти всю его поверхность, лежала личная карта Верховного Главнокомандующего, исчерченная разноцветными кружками, дугами, пунктирными линиями и стрелками. Вождь жестом попросил Власова склониться ближе к карте.

— Вот Волховский фронт!.. — показал он. — Вот положение 2-й ударной армии! Как видите, она почти в кольце. Остался единственный проход, который называют «коридором смерти». По этому коридору обозами, по узкоколейной железной дороге и по воздуху ведется снабжение армии и вывозятся раненые... — Сталин поднял лицо к генералу. — Возглавьте 2-ю ударную! Укрепите ее позиции и удержите по всему кольцу линию фронта!

Власов невольно спросил:

— Но... как можно было умудриться загнать ее в этот «мешок»?

Вождь зыркнул на него исподлобья.

— Я пригласил вас не для диспута... товарищ командующий 2-й ударной армией!

— Извините... — Генерал проглотил в горле нервный комок

Верховный сухо пояснил:

— На резервы не рассчитывайте, резервов нет. Ваша задача: продержаться имеющимися силами столько, сколько будет возможно. Для немцев 2-я ударная — кость в горле! Пока она жива — Гитлер не двинется на Ленинград.

Власов все же осмелился заметить:

— Но если немцы захлопнут коридор, это... смерть, Иосиф Виссарионович. Без боеприпасов, без продовольствия из «мешка» не вырваться.

Сталин заверил:

— Обещаю: поможем, чем сможем, пропасть 2-й ударной не дадим! Но советую — больше надеяться на себя. Вы способный командир и заявили об этом только что сами. Кто, кроме вас, справится с этим сложнейшим участком фронта? Никто!.. Или я ошибаюсь?

Генерал выпрямился во весь рост:

— Когда вылетать, товарищ Верховный Главнокомандующий?

— Сегодня же!

Вождь отклонился от карты и, оказавшись рядом с Власовым, опять обнаружил, что головой доходит ему только до орденов.

— И все-таки... вы чересчур надо мной возвышаетесь! — Он шутливо погрозил генералу пальцем. — Но я это стерплю. А вот перед Ворошиловым — советую хоть немного подгибать колени.

Власов скупно улыбнулся:

— Постараюсь, Иосиф Виссарионович.

Сталин неожиданно поинтересовался:

— Ваш военврач — она уже ваша жена?

Генерал опешил.

— Н-нет... Еще нет. А в чем дело?

— Но — беременна?

Он удивленно pokrutil головой.

— Меня все больше поражает ваша осведомленность, товарищ Сталин.

— Я предупредил: у каждого своя работа. Оставьте ее в Москве, мы обо всем позаботимся. Не уцелеете вы — останется ваш сын.

У Власова тревожно засосало под ложечкой.

— Да... конечно... — заставил он сказать себя. — Благодарю.

Вождь машинально приподнял руку, собираясь положить ее на плечо генералу, но понял, что это будет смешно, потому что ему придется туда тянуться, и опустил руку обратно.

— Очень надеюсь, что благодарить буду вас я. Сумеете выстоять и спасти Ленинград — считайте себя командующим фронтом.

— А если... нет? — спросил Власов.

— Тогда — не обессудьте.

Генерал опустил глаза, взгляд его опять упал на карту, на заштрихованный «коридор смерти»...

* * *

По этому «коридору» в расположение 2-й ударной армии продвигалась очередная колонна солдат. Люди с трудом тащили на плечах тяжелые мешки с продовольствием и вели за собой на поводу лошадей, навьюченных огромными тюками с боеприпасами. «Обоз» по обеим сторонам лесной просеки сопровождали цепи автоматчиков. Никто не разговаривал, все смотрели себе под ноги, скользя по весенней раскисшей глине.

Некоторые солдаты шли мокрыми по шее: на пути попадалось немало воронок, доверху залитых водой, и, принимая их за обычные

лужи, они проваливались туда, отчаянно матерясь. Товарищи помогали им выбраться обратно, все молча брели дальше...

Из-за поворота леса показалась идущая им навстречу длинная вереница красноармейцев с ранеными, которых они выносили на Большую землю. Солдаты тащили их на самодельных носилках из жердей, веток и хвои; и, отошавшие, изголодавшиеся, еле плелись сами...

Поравнявшись, отряды приостановились и, освобождаясь от клади, оттянувшей руки и плечи, сделали кратковременный привал.

— Ребята, дайте покурить и чуток пошамать!.. — К идущим в «волховский котел» гурьбой подвалили выходящие из него, оставив на траве носилки с ранеными. Кто чем мог, тем и поделился — сухарем, махоркой, ломтем черного хлеба. Никто друг друга ни о чем не расспрашивал: людям не хотелось травить себе душу очередными пересудами. Все жадно курили, проглатывали скудную пищу или просто сидели, выбрав местечко посуше.

Внимание солдат привлек поначалу нарастающий рокот, а потом и возникший в небе транспортный самолет с пятиконечными звездами. Он пролетел над просекой и, снижаясь, стал уходить за гребень векового соснового бора.

Красноармейцы, задрав головы, следили за самолетом до тех пор, пока он не скрылся.

Один из них — старый воин, явный крестьянин по виду, широко перекрестился:

— Слава Господу! Может, на нем и наша надежда прибыла.

Его спросили:

— Кто, Парфеныч?

— Генерал Власов. Он теперь орудовать станет.

Многие оживились:

— Это который? Что под Москвой, никого не спросясь, немца турнул?

Парфеныч подтвердил:

— Тот самый и есть!

— Откуда знаешь?

— Шофер командующего фронтом Мерецкова шепнул. Земеля он мой.

Лица некоторых «волховцев» просветлели:

— А что, с таким, может, еще и поживем?.. А, мужики?..

— И немцу, глядишь, вмажем!..

— Вона — разбежался! Нам бы ноги отсюда унести!..

— Да, этот порядок наведет... Точно!..

Маленький кряжистый солдатик решительно возразил:

— Ни хрена он не сделает, ребята! Пустое брюхо дисциплиной не накормишь. Вот, кабы...

Его хмуро одернул нескладный верзилистый сержант — один из автоматчиков охраны:

— Тебе, Клепиков, лишь бы всегда каркать!.. Давай!.. — Он махнул всем рукой. — Двигай! Не скучивайся!..

Одни вновь взяли в руки носилки, другие опять взвалили на спины тяжеленные мешки, колонны двинулись в противоположных направлениях.

Но не успели они сделать и десяток шагов, как с обеих сторон просеки всех их неожиданно накрыл мощный минометный огонь, а следом бесперебойно застрочили тяжелые пулеметы. Солдаты очумело заметались и, сбрасывая наземь поклажу, принялись разбежаться

по сторонам, нарываясь на косящие их нещадно пули. Они падали как подкошенные, тонули в глубоких воронках с водой, а некоторые оказались придавлены упавшими лошадьми, на спинах которых от сплошного огня начали взрываться тюки с боеприпасами...

Разлетающиеся осколки стали кромсать живых и раненых, превращая узкую полосу незащищенного пространства в кровавое месиво...

* * *

Самолет нового командующего был уже далеко от этого района...

Подлетая к месту своего назначения, Власов рассеянно смотрел в крохотный иллюминатор на приближающуюся по мере снижения жухлую заболоченную местность, которую кое-где пересекали участки леса и редкие сухие возвышенности.

Настроение у генерала было муторное, мысли хаотично толпились, в памяти обрывками возникали те или иные картины последних суток.

...Потерянное и одновременно изумленное лицо Веры в госпитале, куда Власов заехал попрощаться: «А как же я?..». Ее цепляющиеся за его рукав тонкие белые пальцы. Собственные неубедительные слова, мол, «что поделать, Вера, война максимум месяц-полтора, и снова увидимся», в которые он сам не верил. Потом жгучее, какое-то отчаянное желание тут же, в ординаторской, овладеть Верой (напоследок, что ли?), но неожиданно вошел хирург и позвал ее помочь на операции, кроме того, она была уже на шестом месяце. Власов

тогда вдруг осознал — все! эта женщина сейчас уйдет навсегда, однако заставил себя думать, что это бред, всего лишь его распаленное воображение и они еще выживут друг для друга, обязаны! — ведь у них, как почему-то решил Сталин, будет сын. Он стиснул ее, теплую, обвисшую на нем, и быстро ушел...

«Да, влип! — подумал Власов, продолжая глядеть на землю. — И не просто в безнадегу, но и прямо в эти смердящие болота. Нет!.. — В нем сразу все запротестовало. — Выкручусь! Не из таких передрыг выходил, я везучий».

Впереди чихнул его адъютант Кутиков, генерал недобро глянул на плоский затылок капитана.

«А этот, сучонок... — подумал он о Кутикове. — Дай Бог памяти, когда же его ко мне приставили? Ну да, как раз накануне моего отъезда в Китай. Чтобы я там Чан-Кай-Ши чего-нибудь не то не присоветовал... Какие он, интересно, в НКВД на меня рапорты составляет? Ведь двух слов, гаденыш, связать не может... Ладно, с ним еще разберусь».

Власов мысленно опять вернулся к Вере, но его отвлекла Мария Воронова — его повариха. Она молча сидела рядом, смотрела в другую сторону, но от девушки исходили такие токи, что генерал невольно покосился на нее сбоку. Маше, так он ее называл, было двадцать с небольшим, крепко сбита, по-русски дородная, черноглазая, темноволосая, с бровями вразлет, она напоминала казачку и была, что говорится, «кровь с молоком». Власову назначили Воронову «хозяйкой» еще зимой, как только он получил в распоряжение 20-ю армию. Она великолепно готовила, была опрятной, исполнительной, немногословной, реши-

тельно отшивала от себя бесперебойных охотников до ее богатого тела, а при общении с генералом держалась подчеркнуто по-деловому. Однако как многоопытный мужчина, Власов ощущал, что он девушке нравится, а, может, и более того, но сам не выказывал ей особого расположения — и по субординации, да и из-за Веры, которая часто бывала рядом. Хотя неоднократно ловил себя на мимолетно возникающем к этой Маше сугубо мужском вожделении. И сейчас оно у него вдруг вспыхнуло особенно остро...

Генерал отвернулся от девушки и про себя усмехнулся:

«О чем ты, старый козел, думаешь?.. Тебе армию спасти, а ты — о бабах!»

Самолет толкнуло снизу — он коснулся почвы и сильно затрясся, сбавляя скорость...

* * *

Власов первым сошел вниз по железным ступенькам приставного трапа и поднял к чистому весеннему небу голову.

Там всюду заливался жаворонок, и генералу на миг почудилось, что он прилетел в детство, в свою родную деревню, где вот так же он слушал пение птиц, лежа на берегу реки или в ржаном поле, бездумно глядя в синее поднебесье и ощущая себя растворенным в разлитой повсюду благодати. У Власова тоскливо защемило сердце, ибо он давно знал, что то время, как и у многих других людей, и было истинным его счастьем — таким, которым человек обладает естественно, не думая, и даже не подозревая об этом.

Он перевел взор на поле.

Там стояла истрепанная «полупорка» с открытым бортом, где лежали на носилках раненые, а подле машины — напряженно вытянувшись, встречали нового командующего (их сменилось уже двое) трое офицеров и шестеро солдат.

Генерал сразу почувствовал, что они до предела измучены, но, подойдя к ним, нарочито беспечно улыбнулся:

— Благодать-то какая! А вы, товарищи бойцы, гляжу, не по погоде кислые.

Один из офицеров — крупный, угрюмый мужчина, с черными мохнатыми бровями — вскинул на Власова колючие глаза, с вызовом ответил:

— Виноваты, товарищ командующий! «Лимонок» мы тут, наверное, переели. Плюс по 60 граммов сухарей и по 100 конины на день. — И холодно представился: — Начальник особого отдела — майор Жгут.

Генерал исподлобья метнул на особиста ответный неприязненный взгляд и, не подав руки, неожиданно поинтересовался:

— Вы с какого года?

— С вашего... 901-го.

— И до сих пор в майорах?

Жгут передернул плечами:

— Было время, ходил и в полковниках. Но, видно, манна небесная не на всех сыплется.

Власов чуть усмехнулся и, решив не развивать эту тему, перевел взгляд на другого военного.

— Сапожников, ты?.. — Искренне обрадовавшись, он стиснул за плечи грузного невысокого человека.

Тот, снимая фуражку и обнажая стриженую

седую голову с большой лысиной, полусмущенно отозвался:

— Я, Андрей Андреевич... Думал, не признаете — с гражданской не виделись. И во как получилось — начальник вашего штаба!

— Комиссар Орешин! — назвался третий офицер. Костлявый, угловатый — ходячие мощи. — Простите, что не смогли встретить вас на легковушке. В ремонте.

Жгут, стоявший с ним бок о бок, бесстрастно добавил:

— Зато бензин сэкономили.

Генерал, как бы не услышав слов майора, сухо кивнул комиссару:

— Понятно. — И, шагнув к рядовым красноармейцам, обменялся с каждым из них молчаливым крепким рукопожатием.

Особист тихонько толкнул локтем Орешина:

— Вона, как популярность зарабатывают, комиссар.

Власов резко обернулся, у него оказался отличный слух.

— Вы, майор Жгут, не правы, — заметил он спокойно. — Популярность я заработал гораздо раньше. Кстати... — Он извлек из кармана шинели письмо. — Запоматова. Жгуту... — Генерал протянул особисту запечатанный конверт. — В штабе фронта просили передать.

— Благодарю. — Майору явно с трудом далось это слово, он сунул письмо в планшетку.

Комиссар, желая разрядить неловкую ситуацию, спросил:

— Разрешите доложить обстановку?

— А что ее докладывать?.. Вот она — лицо! — Генерал кивнул на изнуренных солдат,

на которых было еще зимнее, латанное-перелатанное обмундирование.

Кутиков и Воронова тем временем выгрузили из самолета на поле вещи и стали перетаскивать их к машине.

Власов, показав на них офицерам, пояснил:

— Мой адъютант — капитан Кутиков, и... Маша. Сестра-хозяйка.

Жгут, бросив косой взгляд на пышнотелую «сестру», опустил ироничный взор и поджал губы.

Это не ускользнуло от генерала.

Комиссар повернулся к красноармейцам, распорядился:

— Не мешкайте! А то опять сейчас немец налетит!

Те принялись спорить, но осторожно снимать с «полуторки» раненых и переносить в самолет.

Командующий отошел в сторону и, оглянувшись по сторонам, закурил.

«И смех, и грех... — мелькнула у него мысль. — Везде у нас особисты. И наверняка туда, где хуже положение, сознательно назначают самых ретивых мерзавцев».

Когда с погрузкой было покончено, майор Жгут, распахнув дверцу кабины «полуторки», громко сказал:

— Прошу, товарищ командующий! Это место — лично для вас!

Генерал хмуро затоптал окурок, прошел к грузовику и молча запрыгнул в кузов, сев там среди вещей, между Кутиковым, Вороновой и солдатами.

Особист поглядел на сестру-хозяйку:

— Тогда, может... дама?

— Нет... — Маша замотала головой. — Я

уж со всеми... — И усмешливо добавила: — Кавалер!

Жгут обратился к Орешину и Сапожникову: — Выбирайте, кто из вас?

Те вместо ответа тоже забрались в кузов.

Майор развел руками и кривовато усмехнулся:

— Выходит, сегодня мне повезло. — И сам устроился подле шофера, хлопнув за собой дверцей.

«Полуторка» не сразу, с чихающими перебоями, завелась, заскрежетала коробкой скоростей и, понемногу набирая ход, покатила, подскакивая на кочках, и выехала на размытую талой водой дорогу...

Километра через полтора, когда грузовик запетлял уже сквозь сосновый бор, Власов заприметил из кузова группу солдат, которые в подштанниках, но в ватниках и шапках возились в болотной жиже, заполнившей небольшой ров.

Командующий застучал по крыше кабины, машина притормозила. Он спрыгнул на мокрую землю, поскользнувшись, упал, но тут же выпрямился и размашисто зашагал в сторону красноармейцев.

Комиссар и начальник штаба глянули друг на друга, тоже слезли вниз и направились за генералом.

Солдаты что-то увлеченно ловили. Трое брели по колено в воде вдоль узкой впадины и длинными сучковатыми палками шумно взбалтывали зеленоватую, прокисшую воду, а двое, согнувшись, медленно двигались им навстречу и вместо сети волокли растянутую за полы гимнастерку с завязанными воротом и рукавами. На суше горел костерок, над ним на

штыке, положенном на две рогатины, висел закопченный котелок с какой-то булькающей похлебкой, от которой страшно воняло.

Власов приблизился к краю рва и, поморщившись от запаха этого варева, зычно произнес:

— Здравия желаю, мужички-солдаты!.. Чем промышляете?

Те подняли головы и, увидев возвышающегося над ними генерала, застыли на месте.

— Никак, рыбалкой забавляетесь?

Первым вытянулся «во фрунт» старшина — в порванной телогрейке и в грязных исподних портках, с которых потоками потекла вода.

— Так точно, тарыщ генерал! — отрапортовал он по-военному. — Почти шта!.. Отлавливам лягушатику!

— Зачем?

— Руска-хранцузка кухня получася! — Старшина указал на дымящийся котелок.

Власов озадаченно протянул:

— Ясно... А что же в этой вашей вонище русского?

— Как жа?.. Строганина!

— То есть?..

— Снимам стружку с копыт околевших коняк.

— И... варите?..

— Ну!.. Така уха — оближишьси!

— Сам сибиряк?

— Точна! — На небритой физиономии мужчины возникло подобие улыбки. — Из-под Тобольску!

Генерал оглядел остальных красноармейцев.

Они — предельно худые, обтянутые одной кожей, синюшные от холодной воды, тоже

застыли по стойке смирно, вытянув заскорузлые, натруженные руки.

— Вылазьте! — приказал он им. — Я ваш новый командующий, мне больные солдаты в армии не нужны!

Солдаты послушно выбрались из болотной тины и, обсушиваясь, отогреваясь, тесно сгруппировались у огня.

Власов подступил к котелку, зачерпнул оттуда алюминиевой ложкой варево, подул и, преодолевая отвращение, попробовал на вкус. Тут же отхаркнув эту гадость и еще несколько раз сплюнув, он обтер рот ладонью.

Старшина виновато оправдался:

— Видать, не дошло чуток, тарыщ командующий. Ишо не кондиция.

Тот слабо пошутил:

— Как знать, может, для французов в самый раз. — И уже серьезно поинтересовался: — Ну, как она вообще... жизнь?

За всех опять ответил сибиряк:

— А чо? Живем — пока жуем.

— Это я и сам вижу. Просьбы какие есть?

— Никак нет, тарыщ генерал!

— Почему?

— А чо солдату надо? Живу остаться. Остальное — оно, небось, и само приложится.

— Курите?

— А как жа? Дымим!

— Чем?

— Траву сушим.

Власов залез в карман и вручил старшине пачку «Казбека».

И вдруг, как стоял, опустился перед этими босоногими, продрогшими и голодными людьми на колени.

— Спасибо вам, братцы, — сказал он подсевшим голосом. — От всей России спасибо!..

Красноармейцы вытаращили на командующего глаза.

Орешин и Сапожников, остановившиеся за его спиной, обомлели тоже.

Власов, поднявшись, резко повернулся и быстро пошел прочь.

Комиссар и начальник штаба, нагнав его, пристроились сбоку и вместе пошли к машине.

— Почему так скверно с питанием? — на ходу спросил их генерал.

Ответил Сапожников:

— Не только с ним... С горючим и боезапасом не лучше. Патроны — и те выдаем поштучно... А лекарств — и вовсе никаких! Раненые мрут как мухи.

Орешин ему возразил:

— Зато морально мы сильнее немца. И наш солдат...

— Будет! — оборвал его Власов. И, остановившись, гневно добавил: — Мне ваше комиссарское «шапкозакидательство» давно уже вот где! — Он приставил ребро ладони к горлу.

Тот не столько напуганно, сколько изумленно притих.

— Я хочу знать: как могло сложиться такое положение, если постоянно действует «коридор»?

И комиссар, и начальник штаба непонимающе на него воззрились.

— Как постоянно?.. — неверяще переспросил Сапожников. — Почти всю зиму узкоколейная дорога была в руках немцев, пока в марте они нас окончательно не закупорили. «Коридор» открыли совсем недавно. Мерецков

ударил со своей стороны, мы отсюда, столько людей полегло — страсть!

Генерал застыл, уставившись себе под ноги... Затем, ни к кому не обращаясь, проговорил:

— Но почему... он не поставил меня об этом в известность?

— Кто?

— Неважно, — рассеянно откликнулся Власов. И сам себя спросил: — Боялся, что не соглашусь добровольно лезть в петлю или... послал на верное заклятие?..

Его подчиненные недоуменно переглянулись. Генерал отвернулся от них и пошагал дальше...

Они уже почти подходили к машине, когда в небе вдруг раздался протяжный гул бомбардировщиков.

— Воздух!.. — закричали у «полуторки», и солдаты, соскакивая с грузовика, бросились врассыпную.

Из кабины выскочил и понесся к лесу и водитель, но майор Жгут почему-то остался сидеть.

Сверху посыпались тяжелые, ухающие бомбы, по самолетам со всех сторон из укрытий забили зенитки.

Сапожников и Орешин побежали прятаться в глубь бора, за поваленные стволы деревьев, а командующий лишь присел на корточки там, где его застигла бомбежка, и обхватил руками голову.

Окружающее пространство под градом смерти начало как бы опрокидываться: вырывались с корнями, с треском сталкиваясь и ломаясь на высоте, толстенные сосны; вздымались груды воды, глины, щепок, ядовито-смрадной

тины. Показалось даже, что и сам воздух, как бы уплотнившись, тоже стал «падать» кверху.

Подле Власова чвакнулась в лужу чья-то оторванная по локоть рука, он резко оглянулся — на месте костра с котелком зияла глубокая, еще дымящаяся воронка.

Генерал собрался подняться, но тут кто-то вихрем налетел на него и, опрокинув на спину, закрыл всем телом. И вовремя — неподалеку оглушительно рванул очередной снаряд.

Бомбардировщики исчезли так же внезапно, как и появились. Установилась мертвая тишина.

Некоторое время Власов лежал неподвижно, потом заворочался и, пытаясь сесть, высвободился из-под навалившегося на него человека. Это была Мария.

— Ты?.. — произнес он.

Девушка бережно счистила с его щеки кусочки прилипшей грязи.

— Что же это вы... присели, Андрей Андреевич?.. — Она озорно сощурилась. —словно на горшок. — И сдавленно засмеялась.

Генерал невольно улыбнулся тоже:

— Верно... Видно, со страху... — И, продолжая ощущать на своем лице ее мягкие пальцы, вдруг неожиданно для себя сказал: — Запах от тебя... какой... Душишься?..

— Откуда ж взять?.. — Воронова, спрятав глаза, опустила ресницы. — Дух просто такой... бабий... — Она поднялась.

Власов встал тоже и, отряхнув шинель, осмотрелся.

Из-за завалов начали появляться красноармейцы и собираться обратно к уцелевшей «полуторке». В кабине по-прежнему сидел особист и молча покуривал.

Генерал указал на него шоферу, проходившему мимо:

— Майор ваш... Он, что, заговоренный?

Тот приостановился.

— Да, нет... Горе у него новое, товарищ командующий.

— Какое?

— Теперь и сына убили.

Власов догадался:

— Это что же... мое письмо? Что из штаба?

— Так точно. Прочел и говорит: «Еще одно мне наказание».

— Ну?..

— Я его за рукав тяну, а он: «Беги, прячься сам, мне подумать надо». А что думать? Тут уж, думай не думай...

— А кого... до сына?

— Супругу. Аккурат, месяц назад... А парнишке — всего восемнадцать. На фронт ему не терпелось, так мать держала. А как ее... Все, ушел и в первом же бою...

Генерал и Мария молча стояли, не двигаясь с места.

Шофер спросил:

— Идти можно, товарищ командующий?

— Да... Ступай.

Водитель направился к машине, Власов вновь перевел взгляд на особиста. Майор бесстрастно курил в кабине, и у генерала невольно возникло к этому неприятному человеку чувство уважения.

Позади раздался хруст валежника, командующий, обернувшись, увидел начальника штаба и комиссара, выбирающихся из леса. С ними были трое незнакомых солдат — истерзанных, ободранных, в запекшейся крови.

Еще не доходя до Власова, Сапожников выкрикнул:

— Живы?.. А то тут новость — хуже не придумаешь!

Генерал двинулся к ним навстречу.

Солдатами оказались крестьянин Парфеныч, маленький кряжистый Клепиков и нескладный, верзилистый сержант-автоматчик. Они были единственными, кто вырвался из «коридора смерти».

Начальник штаба им приказал:

— Говорите!

— Того, товарищ командующий... — объявил Парфеныч. — Сызнова нам клизьму...

Власов нахмурился:

— Не понял?..

Сапожников пояснил:

— Эти трое — все, кто уцелел от сегодняшнего обоза с Большой земли. Немцы снова захлопнули коридор!

Генерал закрыл ладонями глаза и надолго замер. Затем поднял голову и посмотрел в небо.

Там вновь заливался жаворонок...

* * *

А Россия продолжала платить в этой войне свою, по определению вождя, «вполне приемлемую цену» — с востока на запад не прекращали тянуться бесконечные вереницы советских пленных.

Навстречу им двигалась свежая боевая техника Третьего рейха, красноармейцы сходили на обочину, чтобы уступить ей дорогу. Она, поднимая клубы пыли и чада, проезжала; безмолвные серые колонны в сопровождении ав-

томатчиков с овчарками брели дальше, тяжело шаркая сапогами, словно один гигантский, смертельно уставший человек.

Лица солдат были тусклыми, ничего не выражающими, большинство неотрывно смотрело в землю...

О чем они тогда думали? Чего ожидали? Естественно, что ничего хорошего, но вряд ли предполагали, что грядущая реальность превзойдет все самые худшие их предчувствия. Впереди зияли раскаленные пасти печей фашистских концлагерей, чтобы планомерно ликвидировать более 3 000 000 только одних русских, для немалого числа уцелевших «везунчиков» уже после мая 1945 года топорщи­лась вышками и ощетинивалась «колючкой» «родная зона» сроком на 10 лет. Притом, как писал А.Солженицын, дома «горше и круче судили тех, кто побывал в Европе, хотя бы ост'овским рабом, потому что он видел кусочек европейской жизни и мог рассказывать о ней...»

В этом же 1942 году оказался в плену и первый сын Сталина — Яков Джугашвили. У некоторых это вызывало и до сей поры продолжает вызывать недоумение.

При своем положении он, казалось, мог вообще не воевать и никто наверняка не осмелился бы в том его укорить, но Яков отправился на фронт в первые же дни войны. Почему? Что им двигало? Патриотизм, стремление выглядеть в глазах окружающих сыном, который должен быть достоин своего отца; желание разделить с народом общую, горькую долю? Безусловно, все подобные порывы имели место, ибо Якова воспитали честным, добрым и типично советским человеком. Но,

представляется, что этот поступок обуславливала и еще одна, глубоко скрытая душевная причина.

Всем, вероятно, известно, что в 1930 году Яков стрелялся. Стрелялся в кремлевской квартире, где он продолжительное время проживал рядом с отцом и мачехой — Надеждой Аллилуевой. Яков тогда промахнулся, пуля задела лишь ребра, и многим знакомы страшные слова Сталина, произнесенные им тогда: «Какой ты мужчина? Даже застрелиться — и то не сумел как следует!»

Отчего Яков стрелялся и как мог так бесчеловечно отреагировать на его попытку самоубийства родной отец? Немало исследователей опять все валят на якобы врожденный дьяволизм «вождя всех народов». Мол, этот монстр своим изуверским поведением как в семье, так и в стране и побудил покончить с собой мягкого, незащитного, интеллигентного Якова, а потом и собственную жену, хотя некоторые даже утверждают, что он застрелил ее сам.

К теме непростых отношений в семье Сталина мы вернемся в следующей главе. А пока сообщим лишь о том, что он почему-то не захотел вызволять сына из плена и в ответ на предложение немцев обменять его на их генерала отчеканил примерно такую фразу: «Я низших офицеров на генералов не меняю...»

* * *

Яков был старшим лейтенантом. И теперь он, сутулый, очень похожий внешне на отца, окруженный высокими немецкими чинами в штабе германской армии «Центр», в Виннице, сидел за столом, который был заставлен фрук-

тами, деликатесами и бутылками с дорогими напитками.

С ним беседовали через капитана-переводчика:

— Ваш отец объявил изменниками Родины всех военнослужащих, попавших в руки врага. Вам это известно?

Сын Сталина сосредоточенно смотрел в белоснежную скатерть.

— Нет, — тихо ответил он. — Но... я могу его понять. В условиях войны ему трудно поступать иначе.

— Вероятно, поэтому он и отказался обменять собственного сына на нашего генерала?

Яков вскинул глаза и с холодным достоинством проговорил:

— Повторяю: прежде всего я не желаю этого сам.

— Но по какой причине?.. Вы до сих пор нам этого не объяснили.

Он опять опустил голову и, снова уйдя в себя, умолк.

Переводчик, так и не дождавшись ответа, показал на стол:

— Почему вы ни к чему не притронулись?

Яков Джугашвили неопределенно повел плечом и после некоторого колебания решил:

— Вина... я, пожалуй, выпью.

Ему подали наполненный бокал, и он спокойно и неторопливо его выпил.

Подождав, когда сын Сталина поставит пустой бокал на стол, один из офицеров поинтересовался:

— В чью победу вы верите в этой войне?

Яков поднял на него серьезный взгляд.

— Разумеется, в нашу... Неужели вы и в самом деле вознамерились занять такую ог-

ромную страну? Это нереально... «Русских могут завоевать только сами русские». Это давно поняли некоторые ваши умные немцы.

Переводчик уточнил:

— Значит ли, что Сталин и его товарищи больше боятся не оккупации советской территории, а «внутреннего врага»? Или, по вашей терминологии, — национальной контрреволюции?

Яков задумался.

— Да, — наконец отозвался он, — это действительно было бы опасно. Тем более, что в среде офицеров Красной Армии иногда велись подобные разговоры.

Немцы примолкли и переглянулись. Среди них находились и те, пока немногие, но дальновидные офицеры из высших армейских кругов, которые уже понимали всю пагубность похода Гитлера против России и пытались нащупать пути спасения Германии от предстоящей катастрофы.

* * *

По другую сторону фронта немца допрашивали русские. «Язык» был совсем юным, лет девятнадцати. Избитый, взъерошенный он примостился на табурете и затравленно озираясь по полутемным углам землянки. Лицо его освещала керосиновая лампа, висевшая под низким потолком.

У стен, оставаясь за кругом света, сидели, не шевелясь, Власов, Сапожников и Орешин.

Допрос вел особист Жгут. Он устроился перед пленным за грубо сколоченным столом и, время от времени сжимая и расплетая цепкие кисти, задавал вопросы:

— Численность и боевая оснащённость твоего соединения?

Немец решительно заявил:

— Я ничего не буду сказать своей армии!
Нет!

Майор скривил тонкие губы, посоветовал:

— Ты свой нос лучше укороти... выродок.
Мало получил?.. Добавим.

Юноша промолчал.

— Где ты научился говорить по-русски?

— Берлин. Я хотел стать переводчик.

— Зачем?

Пленный едко усмехнулся:

— Видеть русский солдат на колени!

— То есть... ты переводил допросы наших пленных, я верно понял?

— Да!

— У кого?

Немец не ответил.

— Я спрашиваю, — жестко произнес майор, — при ком, в какой части ты служил?

— Я ариец! Я — никогда не предавать своей Германии!

Жгут подытожил:

— Ясно. Чистейшей воды фашист!

— А ты есть русский быдло! — Немец с вызовом вскинул глаза: — Я ненавижу вашу страну! Славяне не есть человек, он есть мусор! Теперь я это сам вижу! Я вас — никак не боюсь!

В его голосе, во взгляде было столько неподдельной злобы и убежденности, что все, даже особист, невольно притихли и переглянулись... Сапожников негромко спросил:

— За что же вы... юноша, так нас ненавидите?

— Вы — низший раса! Вам не знать и не понимать, как жить Европа. Вы — любить пить, красть, много, много есть и не работать. Вы есть безмозглый рабы Сталина!

Жгут, поиграв желваками, мрачно предупредил:

— Еще одно такое слово, гнида, — и ты здесь же ляжешь.

— Погоди, майор... — Начальник штаба невольно поморщился. — Ты же видишь — он напичкан их пропагандой. — И вновь обратился к немцу: — Всему этому... про славян, вас научил фюрер?

— Да. Он! Наш фюрер есть бог! Он — все!

— И вы готовы за него бесстрашно умирать?

— Я готов такой делать много раз! Фюрер выполнять исторический миссия. Он будет стереть Россия и ваш коммунизм с земли. И так — быть!

Особист скрипнул зубами:

— Нет, ну каков ублюдок, а?.. Пора с ним кончать, толку от него все равно не будет. — Он вопросительно повернулся к командующему.

Генерал по-прежнему сидел неподвижно и молчал.

Сапожников вновь поинтересовался:

— Не слишком ли вы, немцы, самонадеянны?.. От Москвы вас уже турнули.

— Москва — есть досадный недоразумений. Вам лучше смотреть — где есть сейчас вы. В болото! Во вши! Мы заставить ваш солдат питаться здесь падаль. Мы знать — вы считать каждый снаряд по штука. Вас скоро уничтожать по всему кольцу. И вам — никто не

помогать. Я знать, что говорить. Вы скоро есть смертники!

Офицеры вопросительно посмотрели на Власова. Он, оставаясь бесстрастным, впервые подал голос:

— Я вам не верю, молодой человек.

Тот не понял:

— Почему — есть так?

— Вам нечем повести против нас наступление. Тем более по всему кольцу. Почти все ваши силы прикованы к Ленинграду. А во вторых, даже если вы и рискнете оголить фронт на севере, то нам обязательно помогут. Русские, как великая нация, никогда не бросают в беде русских.

Командующий все это проговорил сознательно, он понял, что информацию от такого фанатика можно получить, лишь играя на его презрении к России. И не ошибся.

Пленный даже чуть привскочил:

— Вы — не есть нация! Вы — племя! Наша разведка у вас в тыл известно — вам не будет помощь. Я это хорошо знать! Своим — вы есть болотная гниль!

Особист протянул к нему руку, его как бы осенило:

— Провокатор! Специально подосланный провокатор... Ах ты, сволочь!.. — Он привстал и, перегнувшись через стол, сильно ударил пленного кулаком в переносицу.

Тот, рухнув с табурета, ничком свалился на земляной пол.

Жгут поднялся на ноги, чтобы ему добавить, но командующий крикнул:

— А ну, сидеть! — И, сверкнув глазами, приказал: — Держите себя в руках, майор!

Особист неохотно опустился на прежнее

место, начальник штаба помог пленному подняться. Он, зажимая ладонью разбитый нос, снова сел на табурет.

— Ты бить меня сколько хочеть! — с ненавистью сказал немец особисту. — Но скоро быть здесь два новых дивизий Бавария. Топить вас болота! Всех!..

— Но он же провокатор! — Майор в бесильной ярости заскрежетал зубами. — О Господи! Неужели не видите?!.. — И, вскочив, нервно заходил по землянке.

Сапожников выкрикнул срывающимся фальцетом:

— Хватит нас учить, майор! Он что, специально подставился нашим разведчикам, чтобы те его захватили и вот так отделали?

— Да! — заорал Жгут. — Он фанатик! Такие ради своего уroda Гитлера пойдут на все!

Начальник штаба неожиданно спросил:

— А твой... погибший сын?.. Он разве не шел... за Сталина?

— Что?!.. — У особиста глаза полезли на лоб. — Ты кого с кем сравниваешь? Спятил?.. Полковничек... Или куда захотелось?..

От его сверлящего взгляда Сапожников оробел.

— Ты это... Ты дело мне не шей... Я ничего и никого не сравниваю, я одно говорю: и твой и этот — еще пацаны... И вообще...

— Что «вообще»?! — Голос майора сорвался. — Может, от этой мрази, — он показал на пленного, — моему пуля и досталась! Тогда валяй, вместо того чтобы эту тварь шлепнуть, отпусти его!.. Пусть гуляет!

Начальник штаба, не поднимая на особиста глаз, тихо проговорил:

— А так бы оно и следовало... Может, через

это он и станет по-другому о нас... о русских думать.

Жгут онемел, затем медленно перевел взгляд на Власова.

Лицо командующего ничего не выражало.

— А почему вы... никак не реагируете? — протянул майор.

Генерал холодно поинтересовался:

— И что же... ты прикажешь мне делать?

— Ваш начальник штаба... он разложенец и капитулянт, а вы его даже не одернете... Отчего так?..

Власов спокойно отозвался:

— Оттого, что я с ним согласен.

Особист изумленно покачал головой и, прислонившись спиной к стене, замер.

К генералу повернулся ошарашенный комиссар Орешин:

— Вы что... все это серьезно... товарищ командующий?

— Вполне.

— Но... нас никто не поймет. И в первую очередь солдаты из разведроты, которые его брали. Этот пленный сопротивлялся, как звереныш, и одного из них ранил... Как же такое — отпустить?.. Что мы скажем красноармейцам?

Ответил Жгут. Процедил язвительно:

— А товарищ командующий опять встанет перед ними на колени. Он у нас...

— А ну, заткни рот, стервец!.. — Власов с искаженным лицом выпрямился во весь свой огромный рост. — Ты что себе позволяешь?!.. Кто такой?.. Я чхать хотел на тебя и на твою контору! Ты понял?!.. — И сел обратно.

В землянке установилась неестественная тишина.

Немец, ожидая решения своей участи, напряженно застыл...

После долгого молчания генерал неожиданно сказал:

— Хорошо... Но пусть этого мальчишку... ровесника своего сына... шлепнет сам майор Жгут. Лично!

Особист, не ожидая такого поворота событий, неприятно ухмыльнулся.

— Вон оно как... — протянул он. — Тогда что ж... Да я с превеликим удовольствием!..

* * *

Сапожников долго смотрел вслед майору, который с пистолетом в руке повел подчеркнуто прямо идущего пленного в ближайший лесок. Дождавшись, когда оба скроются за деревьями, он тяжело вздохнул и направился к землянке командующего.

Постучавшись и не дождавшись ответа, начальник штаба приоткрыл дверь.

Жилище генерала ничем не отличалось от тех, которые занимали офицеры армии. Самодельный стол, лавка, два табурета, лежанка и керосиновая лампа.

Власов, заложив под голову руки и вперив неподвижный взгляд в потолок, лежал на топчане, который был ему короток, вытянув за его край длинные ноги.

Сапожников деликатно покашлял.

— Разрешите?..

Тот, не отрываясь от потолка, бесцветно ответил:

— Входи.

Начальник штаба присел на лавку, коман-

дующий не пошевелился, оставшись в прежней позе.

— Я чего зашел... — после некоторой паузы проговорил Сапожников. — Этот пленный... похоже, не врал он...

— Ты про что?

— Про Баварские дивизии... Наши разведчики заметили еще раньше — немцы явно готовятся к размещению новых частей. Выходит, все совпадает.

— Выходит, так, — согласился командующий.

— Что станем делать, Андрей Андреевич? Генерал вяло откликнулся:

— Ничего.

Начальник штаба удивился:

— Но ведь нельзя же... так?

— Как?.. — не меняя положения, переспросил Власов. — Как — если этот немец сказал и другую правду?

— Какую?

— Для них — мы уже болотная гниль.

— Для кого «для них»?

— Для Мерецкова, для Ворошилова... для Сталина. Ты и сам их всех знаешь.

Начальник штаба осуждающе покачал головой:

— Ну, это... пожалуй, слишком... Им что, наша армия не нужна?

Командующий резко сел, и в упор, сквозь стекла своих круглых очков, уставился на Сапожникова. Глаза его неестественно блестели.

— Нужна! — сказал он жестко. — Но нашей же кровью. Который день телеграфирую в штаб фронта: коридор захлопнут. Мерецков молчит. Почему?.. А он не мог не доложить Сталину.

Сапожников опустил седую голову и ничего не ответил.

Генерал объяснил сам:

— Им нечем идти к нам на прорыв, Иван Саныч. Нечем! А другие фронты они подставлять не станут. Убежден.

Начальник штаба предложил:

— Тогда выбиратья самим. И прямо с завтрашнего дня.

Власов отрезал:

— Без особого распоряжения нельзя — раз. И тебя и меня первыми поставят к стенке. Два — что делать с ранеными?.. Тащить на себе в бой? Или оставить на добивание немцам? Их тысячи!.. Наконец, три — неподготовленное выступление наверняка захлебнется, понапрасну положим людей, израсходуем последний боезапас — и тогда мы точно смертники. Мы уже попытались самостоятельно вернуть себе узкоколейку, что вышло? Сотни трупов!

— Какой же выход?

— Ждать приказа на отход, серьезно продумать предстоящий бой и просить, умолять, требовать — хотя бы огневой поддержки.

Начальник штаба тяжело вздохнул.

— И все же... Ожидание — та же гибель, Андрей Андреевич. Противник укрепитя еще больше, а главное — за это время подоспеют те самые Баварские дивизии. И все — немец не оставит нам для прорыва и щелки.

Командующий, опустив голову на грудь, тихо заключил:

— Значит, такова наша с тобой участь.

Оба надолго замолчали.

Снаружи послышался топот сапог, скрипну-

ла дверь, в проеме показалось мрачное лицо особиста.

— Войти я могу?.. — спросил он тягуче.

И генерал и Сапожников, взглянув на него исподлобья, ничего не ответили.

Майор вошел и встал у порога.

— Ну, что? — угрюмо поинтересовался у него Сапожников. — Шлепнул парнишку-то?

Жгут, помедлив, отозвался вопросом на вопрос:

— А ты как думал?.. — И, помолчав немного, сообщил: — Но пришлось еще и своего.

Начальник штаба встал, ошеломленный.

— Ты что?.. Или вовсе взбесился?.. За что?..

— За то, что жрал человеческое мясо.

— Как?!..

— Обыкновенно — зубами! — Особист сардонически ухмыльнулся: — Так что, поздравляю — дошли, как говорится, до ручки.

Сапожников повернулся к Власову.

Тот глухо застонал и, прикрыв глаза, закачался, сидя на топчане, точно от острой зубной боли.

— Иди, Саныч... — пробормотал командующий. — Мне одному... Оба идите...

Начальник штаба понимающе покивал и следом за майором неслышно удалился из землянки.

Генерал пошарил рукой под лежаком и достал оттуда бутылку водки.

* * *

Адъютант Кутиков хорошо запомнил Солнечногорск и теперь, прежде чем войти к Власову, предупредительно побарабанил костяшками пальцев в дверь.

— Давай!.. Заходи!.. — услышал он голос командующего из глубины землянки.

Кутиков переступил порог, собрался что-то спросить, но... передумал.

Генерал сидел за столом без очков и был крепко пьян — его близорукие глаза тяжело блуждали по комнате. Увидев адъютанта, Власов с трудом сосредоточил на нем взгляд.

— А... — сказал он протяжно. — Ты?.. Садись! — И стукнул ладонью по столу рядом с револьвером, который подскочил от удара. Вместе с ним подпрыгнули, зазвенев, две бутылки. Одна уже пустая, вторая наполовину выпитая. Больше на столе ничего не было.

Кутиков, давно зная, что в подобном состоянии от Власова можно ожидать чего угодно, несмело приблизился и опустил напротив генерала на край табурета.

Тот молча налил себе и адъютанту по полстакана, тщательно следя за тем, чтобы в стаканах было поровну.

— Давай, Кутиков... на прощанье.

Адъютант неуверенно хихикнул:

— Сразу по последней, что ли?.. Или как?..

Командующий ответил:

— Сейчас узнаешь.

Он первым опрокинул в себя спиртное и, подождав, когда выпьет Кутиков, грузно облокотился на стол и, положив крест-накрест большие узловатые руки, уставился на него продолжительным, немигающим взглядом.

Адъютант нервно заерзал на своем месте.

— Вы чего... товарищ генерал?..

Власов сумрачно проговорил:

— Вот, сколько не думаю, не пойму тебя, Кутиков... Человек ты, вроде, как все... Водку пьешь, баб любишь, со мной из «киевского

котла» выходил... Теперь в эти болота притащился... А на НКВД работаешь... Зачем?

Тот опешил:

— Да вы что... как это?..

Командующий сузил глаза:

— Ты мне дурочку не валяй... сучонок... Как Сталин узнал, что я перед солнечногорской мясорубкой молился?

Кутиков застыл с приоткрытым ртом.

— Ты не ответил: зачем работаешь на НКВД?

— Так это... не один я... По рангу — всем адъютантам командующих положено...

— И все — доносят?

— Ну!.. Только я — нет... — Кутиков заторопился, заулыбался. — Я — мелочевку! А покрупному... Я им так выверну, что все наоборот! Вы, вон, недавно во сне Сталина материли, так я ж — нет... Я ни гу-гу...

— Пошел вон.

Адъютант не понял:

— В каком смысле?

Власов взял со стола пистолет.

— Еще раз глазки твои мерзкие увижу — пристрелю.

Кутиков, обалдев, замер.

Командующий рявкнул:

— А ну, встать!

Тот, опрокидывая табурет, вскочил, вытянув руки по швам.

Генерал приказал:

— Ступай... Нет, беги через лес к своим и скажи: «Вы — поганые твари! Вы в семнадцатом сначала обманули, потом измучили, а теперь и вовсе собрались свести на нет весь русский народ. Но ни хрена у вас не выйдет. Мы, профессиональные генералы, без ваших

долбо...-комиссаров победим и Гитлера и Сталина. И под корень скovyрнем их изуверские порядки!.. Беги!

Адъютант тряхнул головой, словно пытаюсь сбросить с себя кошмарное сновидение.

— Вы чего... вправду, что ль?..

Командующий сухим шелчком спустил на револьвере предохранитель.

Кутиков медленно попятился, затем резко повернулся и пулей вылетел вон.

В дверях он столкнулся с сестрой-хозяйкой.

— Черт!.. — У Вороновой с тарелки соскользнули соленые грибы, которые она несла на закуску генералу. — Скипидаром смазали?.. Или что?..

Адъютант молча махнул рукой и растворился в сгущающейся вечерней темноте.

Мария вошла в землянку и... застыла.

Власов, склонив голову, неподвижно стоял к ней спиной посреди тесного помещения, держа в опущенной руке пистолет с пальцем на спусковом крючке. В его высоченной, страшноватой фигуре было столько обреченности и молчаливого отчаяния, что лицо девушки болезненно исказилось.

С тихим испугом она произнесла:

— Андрей Андреевич...

Генерал резко обернулся и взглянул на Воронову провалившимися глазами.

— Родненький!.. — Мария тут же к нему кинулась. — Миленький ты мой!.. Не надо!..

Командующий сделал шаг назад, споткнулся о табурет, который опрокинул Кутиков, падая, попробовал удержаться за девушку, но повалил ее за собой на пол. Она упала сверху и стала покрывать поцелуями его темное каменное лицо.

— Не убивайся, родненький!.. Ты сильный, хороший... А они — сволочи!.. Я ведь люблю... Давно... А ты... Да очнись же!.. — Воронова сильно затрясла Власова и вдруг затихла: он неожиданно коснулся руками ее груди. — Да... — кивнула Мария. — Да!.. — Она заплакала. — Для тебя — все!.. Возьми...

Девушка с треском дернула на себе гимнастерку и обнажилась до пояса...

* * *

Сталин стоял у окна своего кремлевского кабинета и хмуро курил папиросу. На большинстве фронтов создалась сложная ситуация, он пребывал в дурном расположении духа.

Чувствуя мрачное настроение вождя, за длинным столом настороженно сидели Маленков, Мерецков и Ворошилов.

Верховный главнокомандующий, не обращаясь к ним, протяжно спросил:

— Ну, так какие будут предложения?

Военачальники молчали.

— Я жду, товарищи полководцы. — Последние слова прозвучали в устах Сталина с плохо скрытой иронией.

Неуверенно поднялся Ворошилов.

— Я, Иосиф Виссарионович, незадолго до прибытия Власова в «волховский котел» вылетал туда сам. Положение тогда было относительно нормальное. Теперь, я думаю... — он не договорил.

Вождь круто развернулся, взгляд его темных глаз стал холодным и острым.

— Теперь?.. — желчно переспросил он. — А что вы думали до «теперь»?.. И думали ли вообще, когда загоняли в этот «относительно

нормальный котел» целую армию... товарищ Ворошилов?

Климент Ефремович, судорожно сглотнув слюну, замолк...

...Звезда Ворошилова стремительно закатывалась: Сталин все яснее понимал, что «легендарный Клим», этот лихой в прошлом рубака, безнадежно устарел для современного ведения войны.

Именно он, Ворошилов, наиболее резко возражал в 1939 году против создания крупных подвижных танковых соединений и, добившись расформирования уже имеющихся механизированных корпусов, как нарком обороны делал ставку в грядущих военных действиях только на своих любимых лошадок. Он тогда решительно заявлял:

«Необходимо прежде всего раз и навсегда покончить с вредительскими тенденциями о замене лошади машиной, об отмирании лошади».

Первый настораживающий «сигнал» нарком получил тогда, когда его жена Екатерина Давидовна вдруг принялась собирать «революционные реликвии» своего мужа, дабы организовать музей его имени. Сталин, узнав об этом, с усмешкой спросил ее: «А не рано ли?».

Екатерина Давидовна, предельно преданная Клименту Ефремовичу, всегда считала, что он намного умнее и талантливее вождя и что тот завидует его «неувядаемой славе», а потому естественно передала эту язвительную реплику супругу.

Ворошилов уже давно догадывался о своем возможном «закате», и не без оснований —

недалеко было то время, когда вождь спешит его в тираж, перестав приглашать на все важные совещания.

Хрущев на XX съезде КПСС сообщит в своем выступлении:

«Сталин запретил ему присутствовать на заседаниях Политбюро и получать документы. Когда происходили заседания Политбюро и Ворошилов узнавал об этом, он каждый раз звонил по телефону и спрашивал, разрешено ли ему присутствовать на совещании. Иногда Сталин давал ему на это разрешение, но всегда показывал свое недовольство...»

...И теперь, одолеваемый тяжелыми предчувствиями, Климент Ефремович продолжал молчать, потому что не смел сказать, что 2-я ударная армия загонялась в «котел» не без участия Верховного Главнокомандующего...

Сталин махнул в его сторону рукой:

— Садитесь! — И отвернулся обратно к окну.

Тот вновь опустился на стул.

После продолжительного молчания вождь вдруг поинтересовался:

— Так что же «теперь думает», — он опять подчеркнул эти слова, — наш прославленный военачальник Клим Ворошилов?

Ворошилов, уже не вставая, тихо ответил:

— Мы... переоценили его способности, товарищ Сталин.

— Абсолютно точно! — поддержал наркома Мерецков. — Власов явно не сумел справиться со своими обязанностями в столь сложной обстановке.

— Вот как... — Верховный, прищурившись,

оглядел присутствующих. — А вы... — он кивнул в сторону Маленкова, — считаете так же?

Тот спокойно выпрямился.

— Я не согласен, Иосиф Виссарионович. Причина в ином: у нас не было возможности оказать серьезную поддержку 2-й ударной. Власов — крепкий, инициативный командир и доказал это под Солнечногорском. Но в таком положении... — Маленков развел руками.

— Да как же так?!.. — Теперь взволнованно встал Мерецков. — Я, товарищ Сталин, сам руководил операцией 59-й армии по расширению волховской горловины. Мы расчистили ее до пятнадцати километров!.. Разве эти действия — не поддержка 2-й ударной? А далее мы ждали ваших указаний, товарищ Верховный Главнокомандующий.

Вождь, зыркнув на него исподлобья, решил: «Пусть постоит», — и в глубокой тишине вздвинулся вперед заходил по ковровой дорожке. Спустя некоторое время он напомнил:

— Вы так и не ответили: какие будут предложения?

Мерецков проговорил:

— Только одно: отдать приказ 2-й армии выходить, Иосиф Виссарионович. Бросить ей навстречу часть моих соединений и...

Сталин остановился.

— И открыть в вашем фронте брешь для прорыва на Ленинград?.. Так?

— Да, это опасно, но... и армию спасти надо.

Вождь ничего не ответил и снова зашагал от стены к стене, сосредоточенно размышляя. Затем заложил ладонь за борт кителя и встал в позу, очень напоминающую ту, в которой его изображали на величественных полотнах в рост.

— Перед волей самой истории, товарищи, мы бессильны, — сказал Сталин. — Она требует от нас новой цены, которая должна быть уплачена за Ленинград. За спасение колыбели нашей революции... Каждое орудие, каждый самолет, каждый солдат у нас — на счету! А потому из «котла» Власов должен выбираться сам. — И непреклонно добавил: — Только сам! Идите и подготовьте соответствующий приказ генералу!

Мерецков, Ворошилов и Маленков переглянулись — они поняли, что вождь сейчас практически вынес 2-й ударной армии смертный приговор.

Верховный произнес:

— Все свободны!

Полководцы, ни о чем больше не спрашивая, молчаливо, один за другим, удалились из кабинета.

Сталин, о чем-то раздумывая, постоял, затем сел за стол к телефону и набрал несколько цифр на диске.

— Лаврентий... — тихо сказал он в трубку. — Ты мне нужен.

Повесив трубку на рычаг аппарата, он надолго и отрешенно уставился куда-то, в одному ему видимое пространство. Его лицо застыло, фигура устало обвисла, он стал похож на тяжелый камень. Почувствовав чье-то присутствие, Сталин поднял глаза и слегка вздрогнул.

На пороге кабинета, поблескивая пенсне, стоял Берия.

Вождь недовольно проговорил:

— Ты меня пугаешь, Лаврентий.

— Почему, товарищ Сталин?

— Возникаешь, как привидение.

Начальник НКВД растянул в улыбке тонкие губы.

— У каждого свой талант, Иосиф Виссарионович.

Сталин нехорошо усмехнулся:

— Только этот?.. — спросил он. — Или, может, ты и какой другой от меня скрываешь?

С Берии мигом слетела самоуверенность.

— Вы что... имеете в виду? — поинтересовался он настороженно.

Вождь некоторое время неотрывно, как бы изучающе, смотрел на начальника НКВД, затем вместо ответа объявил:

— У нас больше нет 2-й ударной, Лаврентий... Но Власов должен остаться живым и быть здесь — в Москве... Ты все понял?

Тот бесцветным голосом отозвался:

— Абсолютно, товарищ Сталин.

— Выполняй.

Берия отступил назад и исчез так же бесшумно, как и появился...

* * *

Власов, нагнувшись, стоял над столом и, облокотившись на разложенную карту, в который раз изучал расположение войск противника и своей собственной армии. «Мешок» сократился до минимальных размеров — не более двадцати километров по периметру неровной окружности. Генерал искал хоть какую-нибудь лазейку — ее не было. Там, где немцы отстояли от линии фронта относительно далеко, располагались непроходимые болота.

«Выбираться через топи?.. Нет, — верная гибель. А что делать?.. Вероятно, одно... Да, только это — идти напролом. Боже, но это

сущее безумие!.. И все же — нет! Кто-то, да уцелеет... Хорошо, тогда в каком направлении?..» — Размышления командующего прервал грубый стук в дверь.

Он поднял глаза, недовольно отозвался:

— Кого там еще?.. Входите!

На пороге землянки возник особист.

Власов прибавил света в керосиновой лампе и выпрямился. Опытным глазом он сразу подметил, что Жгут пьян и довольно сильно. Генерал неприязненно поинтересовался:

— Вы что, майор... вдруг решили себе позволить?..

Тот, растягивая слова, с легким вызовом ответил:

— Ну?.. Не вам же одному?..

Власов сухо усмехнулся:

— Надо понимать, среди нас рухнула последняя опора дисциплины — НКВД?

Особист покачал головой:

— Не надейтесь, генерал... НКВД — стояло и стоять будет. Это — столп! — И с маху сел у двери на лавку.

Генерал жестко проговорил:

— А если я этому «столпу» сейчас дам отсюда под зад коленом? Как он на такое посмотрит?

— Не стоит торопиться, — спокойно посоветовал Жгут. — Я ведь к вам не на посиделки зашел.

— Тогда... зачем?

Майор поднял на Власова тоскливые глаза, тихо спросил:

— У вас выпить не найдется?

Командующий немного поколебался, затем извлек из-под лежака бутылку с остатками водки, сдвинул в сторону карту и, поставив

рядом стакан, молча вылил туда все содержимое бутылки.

Особист поднялся, пересел на табурет к столу и залпом опрокинул в себя спиртное. Поставив со стуком стакан обратно, он некоторое время смотрел на бревенчатую стену, потом с расстановкой произнес:

— Значит, так... Из моей, как вы ее окрестили, «конторы»... поступило распоряжение: держать вас под неусыпным наблюдением. С чего бы такое?

Власов поначалу удивился его откровенности, затем насмешливо протянул:

— А что же тут сверхординарного?.. — И, вспомнив Кутикова, едко прибавил: — Вам всех нас сторожить по рангу положено!

Жгут покривился:

— То есть, для вас я всего лишь цепной пес?.. Так?

Генерал невозмутимо поправил:

— Не для меня — для них.

— Допустим, — согласился майор. — Я им — собака. Но тогда — кто вы?

— Не понял?..

Он объяснил:

— Это указание мне отстучали сразу после того, как вы получили приказ о выводе армии из окружения.

Власов насторожился:

— И что вы... в этом усматриваете?

— А сами не догадываетесь?

— Пока нет.

Особист с легким злорадством усмехнулся:

— В «указивке» мне еще предписано способствовать вашему вылету в Москву.

— Какому вылету?.. Когда?

— Не знаю.

Командующий задумался. Помолчав немного, он протянул:

— Странно... Но я туда вроде не собираюсь. Майор подтвердил:

— Вот то-то и оно... За вас, получается, это решили другие.

— Кто?

Жгут желчно отозвался:

— Рядовых псов в подобные дела не посвящают.

— Но как... интересно, вы намеревались содействовать моему вылету?

— Понятия не имею. — Особист мрачно-то посмотрел на генерала. — Вот... пришел вас спросить об этом самого.

Власов опустил на другой табурет, стоящий у стены, и вновь умолк. Затем, прищурившись, проговорил как бы про себя:

— Иначе говоря... саму армию они уже похоронили, а я зачем-то им еще нужен... — И спросил Жгута: — Зачем, майор?

Тот с мстительной ухмылкой ответил:

— Каждому свое: мне — быть псом, вам — вероятно, судьба уготовила роль козла отпущения.

Командующий покивал:

— Похоже... — И пристальней всмотрелся в особиста. — Непонятно другое: почему вы меня об этом предупреждаете?

Глядя в стол, Жгут откликнулся:

— Как сказать... — И через силу растянул рот в улыбке: — Наверное, симпатию почувствовал... Как смертник к смертнику.

Оба надолго умолкли, каждый раздумывал о своем. Власов первым нарушил тяжкое молчание:

— Скажите... за что вы лишились звания полковника?

Особист неохотно отозвался:

— Так... сдуру. Ляпнул, по пьянке, что мы ничем не отличаемся от опричников. Так же ломаем кости своему народу.

— Зачем же... пошли в органы?

Майор уставился на генерала тяжелым, угрюмым взглядом.

— Потому что верил и верю! И в Сталина и во все!.. И вас с первой секунды раскусил — чужой! Нутром почуял!.. Знаете, сколько у нас таких?

— Сколько?

— Не счесть!.. А что делать?

— И меня же вы об этом спрашиваете?

— Ну, да. А кого же?.. Как вам объяснить, что без железной метлы России в этой войне не выстоять?

— А — до нее?

— И до и после! — Жгут рубанул ребром ладони по столу. — Всегда!.. Свобода русскому человеку — яд.

Командующий с издевкой уточнил:

— А вы... там, в органах, выходит, наши благодетели?

Особист снова опустил голову.

— Не знаю... — произнес он. — Теперь не знаю. Скорее, все это — ублюдство!.. А как?.. — Майор опять взглянул на Власова.

Тот, оставаясь неподвижным, ничего не отвечал.

— Вот!.. Вы тоже не знаете! — Жгут вновь уставился в пол.

— А костей... — вдруг тихо проговорил генерал, — наломали порядочно?

Не поднимая лица, особист поморщился:

— Хватает... И, видно, за это...

— Что?..

— И жену и сына...

— Давно вы это поняли?

— Как письмо в машине прочел...

Командующий безжалостно заметил:

— И чтобы это поправить, шлепнули мальчишку-немца?

Майор снова поднял на Власова свой тяжелый, немигающий взор и, помолчав некоторое время, объявил:

— Ладно, пойду я. — Он, покачнувшись, встал, дошел до двери и, прежде чем открыть ее, неожиданно признался: — Отпустил я его, генерал... Вот так! — И вышел вон.

Командующий, пораженный, застыл...

«Война... Как она людей выворачивает — даже таких!.. — подумал он. Его мысли вернулись к предупреждению особиста. — Соврал?.. Провоцирует?.. Да нет, зачем? Я и до этого открыто высказал все, что думаю, о его «конторе»... Тогда что — правда?.. Какая?.. Неужели на меня хотят повесить гибель 2-й ударной?.. Кто?.. Мерецков?.. Сталин?.. Нет! Не до такого же он предела... А впрочем, есть ли он у них? У пигмея — нет точно. Тогда — он!.. Нет, все же не верится... Да он, он!.. Нет, не верю!..»

* * *

Но поверить пришлось...

Наутро Власов услышал из своей землянки рокот приземлившегося самолета. Наскоро ополоснув из кружки лицо и одевшись, он вышел наружу.

Неподалеку, с еще работающим двигателем,

стоял четырехместный У-2, от него к командиру широким шагом направлялась массивная фигура полковника НКВД. За ним семенил начальник штаба Сапожников.

Генерал тотчас догадался: вот оно — то самое, о чем вчера говорил Жгут.

— Здравия желаем, товарищ командующий! — Энкэвэdist, остановившись, зычно поприветствовал его и с вальяжной улыбкой отдал честь. — Полковник Евтушенко!.. Разрешите доставить вас и вашего начальника штаба на Большую землю?

Власов наморщил лоб:

— Простите... не совсем вас понял?

— Приказ командующего 4-м фронтом товарища Мерецкова!

— А... — Генерал скупно усмехнулся. — А я, дурак, напугался, подумал, вы прилетели нас с Сапожниковым арестовывать.

— Как можно?.. За что?..

— Ну... например, за то, что едим здесь всякую падаль. А по уставу не положено. Верно?

— У вас и шуточки, генерал...

Власов вдруг резко его одернул:

— «Товарищ генерал»!

Полковник согласился:

— Да, извините.

— Не «да», а повторите: «товарищ генерал-лейтенант»!

— Так точно... товарищ генерал-лейтенант! — С энкэвэdistа мигом сползла фамильярность, лицо его стало отчужденным и замкнутым. — Теперь все в порядке?

Командующий достал из кармана очки и, нацепив их, остро взглянул на полковника

— Так зачем же мы понадобились... товарищу Мерецкову?

— Он намерен обсудить с вами план вывода 2-й ударной из «котла».

— Вот как... — Власов чуть усмехнулся. — Передайте: у нас не осталось времени на пустые разговоры. А план один: вырваться напролом. Теряя тысячи людей под шквальным огнем противника.

Полковник проговорил:

— Но товарищ Сталин... Он сказал, что хотел бы видеть вас... живым.

— Кому? Вам лично?

Энкэвэdist замешкался:

— Нет... Я полагаю... Лаврентию Павловичу.

Власов посмотрел на него с иронией.

— Что ж... — сказал он. — Спасибо за такую заботу. Но вряд ли товарищ Сталин, да, думаю, и Лаврентий Павлович, одобряют действия командующего, который в критический момент оставит свою армию. Впрочем... Иван Саныч... — Генерал обратился к доселе молчавшему Сапожникову. — Ты — полетишь?

Тот помотал головой, тихо ответил:

— Нет.

— Вот видите!.. — Командующий развел руками. — Куда же мне без своего начальника штаба?

Полковник переспросил:

— Иначе говоря — вы не желаете подчиниться приказу высшего командования?

— Именно так.

— А не много ли... на себя берете?

Власов негромко, но непререкаемо приказал:

— А ну: кругом — марш!

Энкэвэdist зло взглянул на командующего,

резко повернулся и размашисто пошагал обратно к самолету.

Начальник штаба выкрикнул ему вслед:

— Возьмите с собой сколько можете раненых!

Полковник, не оборачиваясь, грубо отрезал:

— Нет!.. Будешь теперь вытаскивать их на своем горбу!..

* * *

Сквозь ночной туман с трудом просматривалось расплывчатое желтоватое пятно от полной луны. Вдали угадывался гребень высокого леса, там стояла мертвая и какая-то зловещая тишина.

Власов взглянул на ручные часы со светящимся циферблатом — они показывали 23.00. Он кивнул начальнику штаба, тот поднял руку и запустил в небо белую ракету.

Впереди, на расстоянии друг от друга, приподнялись с земли несколько длинных цепей красноармейцев и, дождавшись, когда ракета угаснет, настороженно двинулись с автоматами наперевес в слепую темноту. В тишине были слышны лишь их шаги по траве и сдавленное, сипловатое дыхание.

Внезапно безмолвие как бы оглушительно лопнуло и разорвалось невиданным по мощи перекрестным огнем, который открыли с двух сторон из пушек и минометов по выходящим из окружения.

Немцы явно знали о дне, часе и месте прорыва из «волховского мешка», тщательно к этому подготовились и теперь изничтожали в куски и клочья застигнутого врасплох противника...

Заполыхало сразу все: разлетающиеся в щепы деревья, трава, осока, почудилось даже, что загорелась вода на окрестных бологах.

Красноармейцы вжались в землю и с неммым ужасом уставились на фантастическую «стену смерти».

Комиссар Орешин первым нашел в себе силы встать.

— Вперед, славяне!.. — закричал он. — Или сгнием в топях — или прорвемся! Двум смертям не бывать!.. За Сталина!.. — И повел людей за собой.

Прямое попадание снаряда почти тут же разметало тело комиссара на куски. Но солдаты уже поднялись и двинулись напролом сквозь сплошную завесу огня. Сокрушительный шквал смерти косил их десятками, но остающиеся в живых все шли и шли, словно в каком-то горячечном бреде, забыв, что они сотворены не из железа, а из плоти и крови. Это был пик яростного отчаяния гибнущей армии...

Массированную стрельбу немцев усилили бомбардировщики. Неожиданно возникшие в ночном небе, они принялись кромсать пытающихся вырваться из рокового кольца людей тяжелыми бомбами.

Красноармейцы наконец дрогнули и, пятясь, поползли обратно из этого кромешного черно-багрового ада.

Власов, наблюдавший за растерзанием своей армии, обхватил руками голову. Потом поднял потерянное лицо к Сапожникову, сказал:

— Мы — самоубийцы... Сигналь отход!

Начальник штаба стоял с закушенным до крови ртом.

— Сигналь! — повторил генерал.

Сапожников выстрелил в небо зеленой ракетой.

Она подсветила туман в отсветах невиданного гигантского пожара и медленно растаяла...

* * *

Этой же ночью командующий отдал приказ остаткам 2-й ударной армии: выбираться из котла самостоятельно, небольшими отрядами и по разным направлениям, — так было легче просочиться сквозь заслоны противника.

Жгугу Власов предложил:

— Если хотите, можете примкнуть к моей группе.

— А кто в ней?

— Я, начальник штаба, трое охранников и Воронова.

Особист был предельно мрачен, он не одобрял решения Власова, но понимал, что другому уже нельзя.

— Хорошо, — согласился он. — Я сейчас соберусь. — И отправился в свой блиндаж...

Там майор принялся, торопясь, перебирать, просматривать какие-то бумаги, некоторые из них комкать и бросать в одну кучу на земляной пол. Потом подумал, сгреб все остальные и, кинув туда же, поджег спичкой.

Опустившись на табурет, Жгут вперил взгляд в пляшущие язычки быстро прогорающего костра и отрешенно застыл, решая какую-то дилемму.

На столе неожиданно заработал телеграфный аппарат.

Особист вздрогнул и перевел глаза на выползающую из него змеевидную ленту:

«Полковнику Жгуту... Особо секретно... Обеспечить выход Власова из кольца... Любыми средствами... При невозможности выполнения задачи — действовать согласно инструкции... Власов не должен попасть в плен живым... За операцию отвечаете головой... Поздравляем с восстановлением звания полковника».

Жгут чему-то покивал и медленно растянул рот в злой ухмылке.

— Наконец-то... — проговорил он, — облагодетельствовали... Только вот вам! — Особист вдруг прижал локоть со сжатым кулаком к животу. — Суки!.. Отвечайте уж теперь за все сами!

Он спокойно достал из кобуры пистолет, пристроил дуло чуть выше уха и, судорожно вздохнув, выстрелил себе в висок.

Его голова упала на стол, на свернувшуюся серпантинном ленту с приказом из Центра и стала заливать ее черной кровью...

* * *

В темноте леса маленькую группу Власова встретил пулеметный огонь из замаскированного дзота, который тут же уложил наповал двух идущих впереди красноармейцев. Остальные залегли за гнилыми поваленными деревьями.

— Отползай!.. — приказал командующий. — Будем обходить болотами...

Болота жутковато булькали и фосфоресцировали мерцающим, таинственным светом. Топи тянулись в глубь корявой чащобы, теряясь в мертвенном, зеленоватом ночном тумане.

Единственный оставшийся в живых пожилой солдат выломал в молодом березняке крепкую жердину и первым ступил с ней на вязкую почву.

Хлюпающая трясина тотчас потянула в себя его ноги.

Солдат отпрянул и, выбрав место посуше, посоветовал генералу, Вороновой и Сапожникову:

— Покуда никто не суйтесь. Разведую.

Он осторожными шажками двинулся в топи. Силуэт его напряженной фигуры, подсвеченный болотным сиянием, по мере удаления как бы стал постепенно таять, пока совсем не растворился в белесой завесе.

Власов тревожно прокричал:

— Невинный!..

Солдат, словно с того света, отозвался:

— Иду!.. — И его зычный голос разнесся над заболоченным пространством гулким эхом.

Командующий, Мария и начальник штаба, застыв у края трясины, чутко прислушивались к звукам его редких шагов. Затем вдруг донеслись приглушенная матерщина и какое-то страшноватое чавканье.

— Невинный!.. — еще громче заорал генерал. И повторил: — Невинный!!

Не сразу, солдат откликнулся:

— Здесь я!.. Жив!.. Сапог оставил, собака!.. — И, помолчав, сообщил: — Видать, не пройти!..

Власов распорядился:

— А ну, возвращайся!.. Ты слышишь — давай обратно!..

— Иду!.. — протяжно отозвался Невинный. И тут же сдавленно вскрикнул: — Ух... Ой, зараза-а... Му-у... — И затих.

Командующий непроизвольно рванулся ему навстречу и сразу провалился в трясину по пояс.

Сапожников мигом стянул с себя шинель и, распластав ее в воздухе, бросил генералу. Тот уцепился за полу, начальник штаба и Воронова с трудом вытянули его на сухое место. Поднявшись, Власов начал с омерзением оттирать травой руки и очищать одежду и сапоги от липкой грязи.

Сапожников взгляделся в глубь болота — силуэт солдата не появлялся. Он, что было силы, позвал:

— Невинный!..

Не последовало никакого отзвука, кроме тоскливо затихающего эха: «Невинный!.. Невинный... Невинный...»

Все трое замерли.

Болота хранили зловещее молчание и, продолжая фосфоресцировать пугающим светом, лишь время от времени утробно булькали...

* * *

Ворошилова всего трясло от ярости, он кричал, сильно брызгая слюной:

— Ищите!.. — Перед ним стоял командир танкового взвода. — Где хотите, ищите!..

Танкист попытался оправдаться:

— Но мы... все прочесали. И потом... прошло почти две недели... Он вряд ли жив...

— Ищите!.. — Климент Ефремович топнул ногой и, угодив в край лужи, окатил себя и командира мутной водой. — Доставь Власова живого или мертвого! — Тот стоял, не шеве-

лясь, с грязными брызгами на лице. — Не сумеешь — пойдешь под трибунал!

Ворошилов, побелев от бешенства, достал платок, вытер им голенище хромового сапога, затем свое мокрое перекошенное лицо и ушел в блиндаж, слегка переваливаясь на своих ногах бывшего кавалериста.

Командир взвода пошел к своему танку, забрался в него и из люка махнул рукой. Стоявшие рядом четыре танка взревели, и, круто развернувшись на вздыбившейся комьями почве, покатали напролом в лес...

* * *

Утро было ясным, день обещал быть погожим. Предчувствуя солнечный свет, в бору оживленной засвиристели птицы, и он не замедлил пасть на землю, осветив лес, точно храм из подкупольных окон.

Власов, Мария и Сапожников давно потеряли всяческие ориентиры и бродили в окрестностях огромного Волховского лесного массива уже около месяца и, скорее всего, по кругу...

Стояло лето, и они могли отыскать себе кое-какую пищу: первые грибы, ягоды, болотных лягушек, березовый сок из стволов, а однажды им посчастливилось подбить толстой палкой глухаря, которого тут же изжарили на костре...

Измощенные, измотанные, с почерневшими лицами окруженцы выбрались из колючей чащи на поляну, которая как бы полыхнула им навстречу алым цветом поспевающей земляники. Однако тут же они отпрянули назад, за деревья: навстречу из дубравы молча выхо-

дила цепь немецких автоматчиков. Человек двадцать.

Командующий, начальник штаба и Воронова, стараясь не шуметь, побежали назад в лес, забыв об усталости.

Немцы, пораженные обилием ягод, загалдели и, задержавшись на несколько минут, начали вырывать их целыми кустиками и отправлять в рот, пока старший по званию не приказал всем продолжать прочесывать лес.

Окруженцы, задыхаясь от бега, наткнулись тем временем на глубокую нору-яму, заваленную сухими ветвями и прошлогодними прелыми листьями. Остановившись, Власов показал на нее рукой:

— Сюда!..

Сапожников испугался:

— Да ты что, Андрей Андреевич?.. Это же берлога.

— Пусть!

— А вернется хозяин?.. У меня — на всех всего один патрон.

Власов махнул рукой и первым полез в нору. За ним последовали остальные.

Тщательно замаскировав проем в берлоге, они присели там на корточки и, прижавшись друг к другу, затихли. Стало слышно, как приближаются шаги, где-то над их головой затрещал валежник. Двое немцев приостановились неподалеку от норы, вероятно, помочиться. Справляя нужду, они о чем-то переговорили и отправились догонять остальных, уходящих в глубь бора... Наконец звуки шагов удалились, вновь воцарилась тишина. Генерал шепнул начальнику штаба:

— Ты немецкий знаешь... О чем эти двое там толковали? — Он показал вверх.

Сапожников хмуро пояснил:

— Тебя ищут... генерала Власова. Гадали: жив ты или уже мертв? Твой труп им велено доставить тоже.

— Куда?

— Об этом не говорили.

— А еще что?..

— Ругались. Мол, никто не представляет, в каком направлении ты мог выходить из окружения и тебя можно так искать до бесконечности... Но им откуда-то известно — к русским ты пока не выбрался.

Беглецы еще немного посидели на дне ямы и осторожно вылезли наружу.

Наверху командующий молча сорвал с себя генеральские нашивки и швырнул обратно в берлогу.

— Так лучше, — сказал он.

Начальник штаба с усмешкой кивнул на его галифе:

— А лампасы?..

Власов отмахнулся:

— Хрен с ними! Не без штанов же ходить?

Все двинулись в противоположную от немцев сторону — обратно к земляничной поляне...

* * *

На закате дня Власов и Воронова, предельно вымотанные, вышли из леса на опушку и вдали, над излучиной узкой реки, что переливалась багровыми отблесками, заметили небольшую деревеньку. За ветхие крыши домов заваливался угасающий диск светила.

Генерал облегченно выдохнул:

— Слава Богу — жилье!.. — И, оглянувшись, спросил: — А где Иван Саныч?

Мария без сил рухнула на спину в высокую траву.

— Видно, снова отстал... — Девушка прикрыла глаза. — Сколько уж блудим — не мудрено.

Командующий пошел назад...

Сапожников сидел, сгорбившись, на широком пне, без сапог и портянок и, морщась от боли, разглядывал свои стертые в кровь крестьянские ноги.

— Все, — объявил он Власову. — Больше я не ходок.

Командующий ответил:

— Не дури! Мы к деревне наконец вышли. Попросим еды, выясним, где находимся, переродимся — и дальше.

Начальник штаба упрямо помотал головой:

— Нет... Шабаш!

— Мы тебя понесем... с Машей.

Сапожников исподлобья посмотрел на генерала и усмехнулся:

— Куда?.. К Сталину?.. — с горечью спросил он и опять покачал головой. — Нет... Это у немцев: не справился — пожалуйста в отставку. У нас другая статья: расстрел, в лучшем случае тюрьма. А мне сидеть — сам понимаешь, возраст уже не тот. Лучше уж сразу...

Власов молчал.

— Вот так-то, Андрей Андреевич... — снова произнес начальник штаба. — За страшные грехи нам такое... А Жгут, какой он ни есть, — видно, раньше нас с тобой это понял. И ушёл... по-солдатски.

Командующий тихо подтвердил:

— Да... Он мне сам в этом признался... Но мы?... За что нас-то Господь наказывает?

— А за то, что воевали мы с тобой и в гражданскую, и в эту за безбожную власть. За нее, «родимую», других жизни лишали, будь она трижды проклята.

Генерал опустил тяжелые веки. Перед его внутренним взором мелькнули тонкие, цепляющиеся пальцы Веры и ее растерянное лицо: «А как же я?..» Он вновь поднял глаза на Сапожникова.

— У меня в Москве Вера осталась, Саныч... — глуховато проговорил он. — Этот... наш кровосос... он забрал ее под залог.

Сапожников светло и спокойно улыбнулся:

— Вот и иди, Андрей Андреевич... С Богом... А я для этой власти вконец ноги стер.

Власов, прикусив губу, постоял, потом резко отвернулся и пошагал к опушке. Сзади прозвучал сухой выстрел — начальник штаба использовал свой последний патрон. Командующий схватился за тонкий ствол осины и с нутряным хрипом, точно он выстрелил в себя сам, закачался вместе с деревом из стороны в сторону...

* * *

Власов и Воронова вырыли ножом, руками и острыми сучьями для Сапожникова неглубокую могилу, опустили его туда, засыпали землей и, постояв молча некоторое время, еле волоча ноги, побрели в деревню. Быстро сгущались синеватые сумерки.

Дойдя до реки, они слышали тележный скрип и спрятались в прибрежном кустарнике.

С холма, на котором в наступающей темно-

те неясно виднелось несколько силуэтов домов и сараев, спускалась водовозка, запряженная худющей кобылой. Рядом, держа в руках вожжи, шел человек. Это был невысокий седой и плешивый старик.

Остановив лошадь у воды, он снял с телеги ковш на длинной рукоятке и, увидев поднявшегося из укрытия командующего, так и застыл с ним, вытаращив глаза... Затем, различив и полумраке генеральские лампасы Власова, выронил черпак и, вытянувшись «во фронт», рявкнул:

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие!

Генерал поморщился:

— Тише! — И оглянулся по сторонам. Кругом никого не было. Чуть улыбнувшись, он поинтересовался: — В царской армии служил, дед?

Старик сразу перешел на полутаинственный тон:

— Ну?.. — ответил он очень тихо и настороженно. — А чо?.. — И перевел глаза на привставшую из-за кустов Марию.

— А в гражданскую — за кого был?

Дед замялся и заскреб лысину. Его глаза беспокойно забегали, пытливо изучая Власова из-под клочковатых бровей.

— Так это... — проговорил он. — Тогда ведь как было... — И наконец, решившись, твердо выпалил: — За красных, ваше высокоблагородие! За кого же еще-то?..

Командующий указал на виднеющиеся дома:

— Сам — оттуда?

— Ну? — опять произнес старик.

— Что за деревня?

— Деревня?.. — переспросил он. — А деревня — она и есть деревня. Пузыриха!

— Какой это район?

— Так район, он опять же — район... Кто его разберет. Неграмотный я.

— Немцы здесь есть?

— Немцы?.. А чо им тута делать? Немец, он не дурак, чо ему в глухомани-то нашей?..

— А были?

— Единожды. Глянули — тут все голые да босые. Чо с нас взять?.. Да и ушли.

— Давно?

— Ну... ежели не соврать... Не боле недели.

— Точно?

— Вот те крест!.. А сами-то... кто будете?

Генерал, поколебавшись, назвался:

— Власов я... Слышал о таком?

На лице деда отразилось искреннее изумление.

— Вона-а... — протянул он ошарашенно. — Да кто ж не слышал?.. Токмо вас, сказывали, того... вроде как совсем...

— Кто... сказывал?

— Так это... бабы наши.

— Откуда им известно?

— Слухом земля полнится, ваше высокоблагородие... Иль нет?..

Власов пытливо всмотрелся в старика, спросил:

— Накормить нас сможешь?

— А чо ж нет?.. Хлебца да молочка сыскать можна.

Командующий строго приказал:

— И как следует спрячешь!

Дед охотно согласился:

— Сделаем! Все шито-крыто будет.

— И смотри — никому ни слова!

Старик обиженно развел руками:

— Я чо, дурень какой?.. — Он указал в

сторону обветшалой бревенчатой постройки на краю деревни. — Да вон и сарайчик мой. Тута с краю завсегда тихонько.

Генерал вновь улыбнулся, теперь намного теплее:

— Гляжу, дед, мозги у тебя еще варят.

Тот, довольный похвалой, похвастал:

— Не то слово! — И бросив лукавый взгляд на женщину, добавил: — И не токмо одни мозги!

Воронова и Власов приглушенно рассмеялись.

Генерал сказал:

— Тогда... от греха подальше, поезжай-ка, дед, к своему сараю.

Тот стегнул вожжами клячу, она потянула телегу обратно в гору. Командующий и Мария, прячась от нечаянных глаз, последовали позади бочки, стараясь держаться к ней вплотную...

В сарае старик постелил гостям несколько охапок свежего сена, принес черного хлеба, крынку молока и даже кусок сала.

— Ешьте, спите, по зорьке растолкаю... А покуда я тута ненароком и про район разузнаю. — Дед сам себя треснул по лбу ладонью. — И все же — дурень я! Восьмой десяток доживаю, а где — и самому невдомек... А окромя района, можа, еще чо надо?

Власов, подумав, отозвался:

— Если сумеешь, разведай, в каких местах от вашей деревни располагаются немцы. Но опять же — осторожно.

Старик хитровато сощурился:

— Сказано — сделано. Я на вид прост, но так все выведаю — комар носу не подточит! Ну, бывайте. Я вас, ваше высокоблагородие,

снаружи запру. Тут недалече пьянь Федька живет, сдуру в сарай тыркнется, а он снутри закрыт. Чо не то подумает.

— Хорошо, — согласился генерал. — Спасибо тебе, дед.

Тот исчез и, как и обещал, замкнул ворота сарая на железный ржавый замок.

Командующий сказал Марии:

— Забавный старик.

Воронова кивнула:

— Угу... — Она уже жадно прожевывала пищу и запивала ее крупными глотками прямо из кувшина...

На заре Власов и Мария проснулись от заскрежетавшего в замке ключа.

Ворота широко распахнулись, в сарай шагнули несколько немцев с автоматами и офицер. Из-за их спин выглянул маленький дед.

— Вона он, гад!.. — Он ткнул пальцем в сторону генерала. — Сам и назвалси! Еще спрашивал: за кого я, мол, в гражданскую?.. Да вас, красную воровскую нечисть, на каждом дереве вешать надобно! С этой гражданской вы нас всех и обчистили!

Воронова и командующий, обомлев, переглянулись и, приподнявшись на локтях у бревенчатой стены, замерли, все еще не веря в происходящее...

* * *

Сталин сидел в своем кабинете и пил чай, макая туда белые сладкие сухари. Неожиданно он вздрогнул и медленно повернулся к двери.

Там, вероятно уже давно, стоял Берия. Его неизменное пенсне отливало неприятным хо-

лодом, и он чем-то напоминал сейчас застывшую кобру.

Вождь хмуро проговорил:

— Опять... пугаешь, Лаврентий?.. А ну, выйди и зайди после разрешения.

Начальник НКВД исчез и через секунду негромко постучался в дверь.

Сталин ернически отозвался:

— Кто там?

— Я... Иосиф Виссарионович.

— Кто «я»?

— Лаврентий Павлович...

— Не припомню: кто такой?

— Начальник НКВД.

— Но я тебя не вызывал!

По-прежнему из-за двери Берия подтвердил:

— Все верно, товарищ Сталин. Но у меня срочное сообщение!

— Ладно, заходи.

Начальник НКВД вновь переступил порог.

Сталин, зыркнув на него исподлобья, спросил:

— Теперь запомнил, как надо ко мне входить?

— Да, Иосиф Виссарионович.

— Что у тебя?

— Сводка немецкого радио... Только что сообщили: взят в плен генерал Власов. Утром по доносу местного крестьянина его накрыли в деревенском сарае. Он ночевал там со своей поварихой.

Вождь застыл с сухарем в руке. Затем недоуменно спросил:

— С какой поварихой?..

— Его личная «хозяйка». Поступила в распоряжение Власова еще под Солнечногорском.

Сталин бросил сухарь в чай и рывком поднялся. Он нервно походил по кабинету, опять сел, снова встал и, уставившись в пол, вымолвил:

— Почему он не застрелился?

Берия поежился, как будто был сам в этом виноват.

— Не знаю, товарищ Сталин... Видно, тот еще... оказался негодяй.

Вождь из-за плеча бросил жесткий и неприязненный взгляд на начальника НКВД.

— Ты, Лаврентий... в сорок первом наложил в штаны и предложил мне взорвать Москву, чтобы она не досталась Гитлеру. Не забыл?

— Нет, Иосиф Виссарионович.

— А Власов вопреки всем страхам и твоей панике первым нанес противнику сокрушительный удар.

Берия молчал...

...Сталин явно старался забыть, что, когда немцы подошли вплотную к Москве, в «штаны наложил» и он тоже, предприняв через Берию попытку выпросить у Гитлера позорный мир, и что именно с его ведома, как отмечает А.Микоян, был издан приказ Государственного Комитета Оборона:

«В случае появления войск противника у ворот Москвы поручить НКВД — т.Берия, т.Щербакову (секретарю столичного горкома. — А.Л.) произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя эвакуировать».

Согласно этому приказу под 12 городских мостов было заложено более 20 тонн взрыв-

чатки и были заминированы все железнодорожные и другие крупные объекты.

...Сталин снова прошелся по ковровой дорожке, затем в крайней досаде всплеснул рукой:

— А!.. Старею, наверное!.. Как я мог в нем ошибиться? Он мне нравился больше других...

Начальник НКВД, выждав паузу, напомнил:

— Неспроста он отказался вылетать из «котла» на самолете, товарищ Сталин...

Вождь близко подошел к Берии и больно ткнул ему в грудь указательным пальцем.

— Ты его прохлопал!.. Ты!.. А потому — никакого плена, Лаврентий! Все должны знать: генерал Власов убит.

Начальник НКВД пробормотал:

— Да, но... как...

— Не знаю! — отрезал Сталин. — Это уже твоя забота. И потом... как мне помнится, не я хвастал, что у каждого свой талант.

Берия собрался спросить что-то еще, но увидев у вождя те самые глаза, в которые, как говорил Власов Вере, лучше не заглядывать, лишь нагнул голову и, пятясь, удалился из кабинета...

Часть вторая

**ВЕЛИКИЙ
ГЕРЦОГ
АРМЕНИИ**

Более четырехсот лет назад известный предсказатель Мишель Нострадамус упомянул в своих, весьма туманных пророчествах о появлении у гипербореев «Великого герцога Армении».

В эпохи смут и общественных потрясений люди, как известно, пристальнее всматриваются в подобные мистические откровения, ищут и находят в них ответы на свои вопросы о путях развития Истории. Революции, народные волнения, низвержения власти, появления тиранов повторяются из века в век, и невольно возникает мысль о роковой предопределенности этих событий.

Существует новейший русский стихотворный перевод этих прорицаний, в котором предстает Россия («Тартария» — по Нострадамусу) XX века.

«Великий герцог Армении», говорится в этих четверостишиях, будет долго править этой страной после того, как там вспыхнет революция. Ясновидец, точно в зеркале, разглядел сквозь толщу столетий грядущие события:

«Я вижу, как рушатся царские троны,
Как всех их свергает людской ураган.
Республику сделают хуже короны,
И красных и белых жестокий обман.

Догматиком создана новая вера,
Все зрелища славят великий обман.

Зверей благородною меркою мерят,
И зло как добро преподносится нам».

Нострадамус, считая «Великого герцога Армении» третьим правителем новой эры (вероятно, после Керенского и Ленина), так описал его главную сущность:

«Мне страшен неведомый третий правитель
Загадочной, варварской, снежной страны.
Его же соратники им же убиты,
И старость его только ад охранит».

«Великий герцог» — это естественно метафора, означающая верховную власть. Но почему «Армении», ведь известно, что Сталин был грузин? Однако Нострадамус не ошибся, и об этом будет сказано далее.

А пока мне хочется предупредить читателя, что данная глава — это мое личное видение Джугоева-Джугашвили-Сталина, плод моих собственных умозаключений об истоках, о переломных этапах и путях формирования этой ключевой для советского периода личности, которая не утратила своего влияния и поныне и, думаю, не скоро утратит его и впредь. Ибо корни «сталинизма» (если их понимать широко: как превратное толкование человеком своего места в мире, а именно — самопровозглашение себя «царем» всего Сущего, а не Его частью), эти корни произросли в России (и не только в ней) гораздо раньше появления самого Сталина и отнюдь не отмерли после его кончины.

Как всякий свободный человек, я полагаю, что имею полное право высказать на этот счет свое относительно независимое суждение.

(«Относительно независимое» — по той причине, что абсолютной независимости от окружающих нас мнений не существует.) Вполне возможно, мою точку зрения кто-то примет во внимание, а кто-то напрочь и отвергнет. Однако я убежден, что она не окажется бесполезной, ибо истинная, *живая* История, по моему мнению, пишется не в учебниках, а в душах людей, и ее незримая субстанция образуется именно из индивидуальных взглядов, восприятий и переживаний каждого из нас по поводу тех или иных крупных исторических событий, поворотов и их вершителей — образуется в виде суммарной, объемной ауры, которая, оставаясь в этом мире и после нашей смерти, продолжает воздействовать на будущее.

Все вышеизложенное не означает, что свою версию становления Сталина я собираюсь «высасывать из пальца», — она сложилась у меня на основании как напечатанных, так и не опубликованных еще материалов, на хорошо известных и пока мало знакомых фактах его бурной биографии, а также на основе моих личных восприятий этой сложной фигуры полагаю, характерных для того немалого числа «неблагодарных» людей, которые волею судеб родились и выросли при Советской власти, воспитались ею, а затем, когда она рухнула, без особого сожаления с ней расстались.

Когда умер Сталин, мне было тринадцать с половиной лет. Сейчас скороспелые «демократы» любят вспоминать, что *все* тогда плакали (это даже стало своеобразным штампом), и тем самым как бы снимать с себя собственную

ответственность за пассивное или активное участие в возвеличивании образа «вождя всех народов» — мол, «мы, как и подавляющее большинство народа, были одурачены и находились под каким-то гипнозом».

Да, в день смерти Сталина действительно плакали. Однако далеко не *все*. Кроме сотен тысяч искренних сталинистов, которые, стремясь к его телу, устроили давку в Москве, плакали еще лицемеры, карьеристы и двоедушники — те, кто по окончании «всеобщего плача» яростно обрушились на своего прежнего кумира, когда им это было разрешено Хрущевым. (Кстати, и сам Хрущев, который в 37—38-м свирепствовал в Москве и на Украине не хуже Сталина, он ведь тоже «глубоко скорбел» у гроба вождя.) Основная же масса народа в 1953 году, как всегда, безмолвствовала. И не столько от горя, сколько от смятения и удрученности: «Что же будет дальше?», зная по опыту, что ничего хорошего ожидать не придется.

Мне представляется, что моя семья, мои сверстники, все мое окружение были самыми типичными и рядовыми представителями той поры, а посему свидетельствую: не плакала ни моя мать (она нередко говорила, что вся ее жизнь — это борьба за существование), ни мой отец, ни моя сестра, ни брат, ни мои одноклассники, ни я сам. Нас тогда собрали на траурную общешкольную линейку. Всхлипывали лишь директор школы, завуч и учителя — но им было положено, они не смели в то время не плакать.

Всеобщая удрученность людей, о которой я упомянул, была и в моей душе: «Как же теперь без Сталина — ведь без него все пойдет ку-

вырком?» (Рабская это психология или нет — скорее да, но для тех, кого не коснулись репрессии, вождь всегда являлся гарантом их не Бог весть какого, но все же стабильного существования.) Стоя на «линейке», мы слушали по радио наших видных деятелей партии, которые, прощаясь со своим «кормчим», клялись, «как зеницу ока беречь заветы Ленина — Сталина и неуклонно вести советский народ к победе коммунизма». Помнится, мне больше всех понравилось выступление Берии. Я тогда еще толком не представлял, кто он и какое занимает положение, но его твердая, мужественная, яркая и самая обнадеживающая речь произвела на меня сильное впечатление: «Вот он — этот человек, с которым мы все не пропадем!». И как же я был ошарашен, когда по истечении недолгого времени выяснилось, что Лаврентий Берия оказался замаскированным агентом иностранной разведки и потому был расстрелян как «враг народа» вместе со своими «вредителями-соучастниками».

Это было мое первое «политическое» потрясение (и, вероятно, не только мое), которое посеяло сомнение относительно «чистоты рядов нашей партии»: «Если такой негодяй смог пробраться на самый «верх», то что же творится «внизу»? Сколько же там может быть подлецов и шпионов?».

Но как-то вернулся домой с работы муж моей сестры (это было еще до XX съезда) и потряс меня снова. Он рассказал о «Закрытых письмах ЦК КПСС» по поводу «культы личности», которые зачитывали на секретных собраниях только партийцам. Из них выходило, что Сталин был страшным тираном, причиной гибели огромного числа своих граждан и веро-

ломным предателем, поправшим «святые заветы Ильича». Я наотрез отказался верить такому бреду, но когда о «культе личности» громко и открыто заговорила вся страна, пришлось принять и это. В то время мне исполнилось 16 лет, и в моих глазах начало разрушаться доверие к руководящей верхушке Советской власти.

В 18 лет это доверие окончательно рухнуло.

Это случилось летом 1957 года во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов, когда Москва как бы «обалдела» от первого дуновения свободы, от раскованной непривычной атмосферы грандиозного празднества и от беспрепятственного общения с иностранцами, в том числе с неграми, которые в память о себе не замедлили оставить многим москвичкам свое потомство. Я был уже студентом Московского института физкультуры, гимнастом и вместе с сокурсниками находился на спортивных сборах — нас готовили к показательным выступлениям в Лужниках. Мы жили тогда прямо в аудиториях, по 15—20 человек в каждой.

Однажды поздно вечером к одному из наших товарищей заявился полупьяный гость и во всеуслышание сообщил, что Берия никакой не шпион — это туфта, но так же, как и он, вскоре будут разоблачены и отовсюду изгнаны Молотов, Каганович и кто-то еще, чью фамилию он не запомнил. Никто не воспринял это всерьез — обычный пьяный треп. Но он уверял нас, что это уже свершившийся факт, что всех, начав с Берии, под себя подминает «Никита» и, чтобы объявить об очередных «антиленинцах», Хрущев ждет лишь подходящего момента. Я мысленно тогда сказал себе: «Если

это произойдет, значит, нас всех держат за баранов. Прикрываясь «ленинскими принципами», наша партийная верхушка борется не за «светлые идеалы», а насмерть дерется за портфели». Кто был тот ночной гость — из «органов» или связанный с людьми подобного круга — неизвестно, но именно так все и случилось. Со своих постов «полетели» и Молотов, и Каганович, и «кто-то еще» — им оказался «примкнувший к ним Шепилов».

С этого дня, начиная с «Никиты», я перестал верить нашим правителям. Правда, сам «фундамент» Советской власти — ее идеи — оставались для меня некоторое время незыблемыми. Я еще верил в расхожую байку того периода: «Будь Ленин жив, страна пошла бы по другому пути, и мы бы давно превзошли по материальному достатку всех капиталистов вместе взятых». И только намного позже узнал и осознал, что и сами «ленинские принципы», воплощаемые в обмане и насилии, были в корне порочны, ибо они ниспровергали не просто царский режим, а главное естество человека — его «образ и подобие Божие».

До меня это дошло, когда я, так сказать, пронизанный «радиацией» атеистического общества, стал, как, наверное, и многие, подспудно приходить к тому, кого так люто ненавидел Ленин, — к Богу.

Сегодня нередко можно услышать: «Ну вот, теперь пошла мода на Бога!». Или такое: «Бог — это нечто сугубо интимное, сокровенное, и о нем следует не рассуждать, а молчать». Как правило, подобное говорят закоренелые атеисты. Их почему-то не беспокоит, что пошла мода на «голубых», «розовых» или

на «секс» вместо любви, а вот, что на Бога — явно уязвляет.

Сказать «мода на Бога» равносильно тому, что произнести «мода на Красоту, на Небо или Землю». Можно носить крест напоказ, но Господь к подобной «модe» не имеет никакого отношения. И помолчать о нем, конечно, можно было бы, если бы мы не жили в деградирующем обществе. Посмеиваясь над повальной устремленностью людей к Церкви (вот главный плод «перестройки», а не гласность, которая тотчас превратилась в фальшивку), призывая не рассуждать о Создателе, атеисты прекрасно понимают, что Бог — это прежде всего иное мировоззрение, которое выбивает у них из-под ног почву.

В 18 лет я был еще очень далек от этих мыслей, однако, не отдавая себе в том отчета, невольно усвоил одну из основополагающих христианских заповедей: «Не сотвори себе кумира». Усвоил, благодаря нарастающему разочарованию в наших новых, сменяющих друг друга вождях.

Именно поэтому я и ставлю всех послереволюционных правителей в один ряд. Ленин — Сталин — Хрущев — Брежнев — Андропов — Черненко — Горбачев — Ельцин — каждый из них был последовательным продолжателем предыдущего, ибо все они «мазаны одним миром» — безбожным большевизмом, который неизбежно приводил их к произволу.

Ленин не просто совершил в стране переворот — он «отменил» православную Россию и заставил бы, уверен, поклоняться вместо Бога самому себе, проживи он еще с десятков лет. За него это проделал Сталин — так что никаким «вероломным предателем, поправшим заветы

Ильича», он не являлся. Хрущев был вынужден «приоткрыть крышку кипящего котла», который около трех десятилетий «разогревал» его предшественник, дабы «выпустить часть пара». Но сам закончил «волюнтаризмом», нарастанием нового, уже своего «культа» и очередным погромом церквей. И пошел бы наверняка дальше, не останови его Брежнев с компанией заговорщиков. Сам «дорогой Леонид Ильич» тоже занял все ключевые должности в государстве и, доправившись до маразма, наградил себя «лично» всеми мыслимыми и немыслимыми орденами и медалями. Андропов начал с массовых отловов неработающего населения по баням, магазинам и парикмахерским и только было взялся за наведение в стране «железного порядка», как вовремя скончался. Черненко, слава Господу, ничего выдающегося наворотить не успел, но вот Горбачев «облагодетельствовал» народ «новым мышлением» и «перестройкой с ускорением», не продумав даже в общих чертах, «куда», «зачем» и «как ускоряться», чем и привел государство к неминуемому распаду. Наш нынешний «монарх» Ельцин завершил «дело Горбачева» в Беловежской пуще, обрушил на население раздевающие до нитки «реформы» (явно с чужой подсказки и не понимая, что он делает), расстрелял среди бела дня впервые избранный демократическим путем парламент, ликвидировал «советы» и, наделив себя полномочиями, которые не снились ни одному самодержцу, назвал созданный им в стране криминальный бардак «демократией».

Всем этим правителям была свойственна общая «родовая» ипостась — насилие над обществом, которое они беспрестанно умудря-

лись осуществлять, одновременно как бы повинуюсь самому ходу Истории. Все они ставили (и ставят) людей «с ног на голову» и «телегу впереди лошади», провозглашая на разный лад один и тот же постулат: «материя — превыше всего». А из-за того, что они в силу свойств своей большевистской натуры нарушали и продолжают нарушать само естество жизни, их действия закономерно сопровождались (и сопровождаются) неизбежной деградацией. Как своей собственной, так и всей страны — ее культуры, экономики, идеологии, а в последние годы и элементарной нравственности.

Как можно остановить этот нарастающий вал деградации, который увлекает за собой все большее количество людей и затягивает в пропасть небытия Россию?.. Думается, только одним способом — начать каждому уважать в себе Божеское начало и перестать поклоняться кому-либо и чему-либо. Будь то самый прекрасный вождь, у которого «семь пядей во лбу», или очередное, теперь уже самое «наивернейшее учение», опровергающее все прежние и на сей раз на все сто процентов гарантирующее нам невиданное благоденствие. Критерий любому намечаемому преобразованию должен быть один: если в его основе не заложен приоритет Божественного, значит, оно рано или поздно обречено на крах и очередную трагедию. А посему поклоняться (да и то не фанатично, а осмысленно) можно лишь Творцу всего Сущего. Можно — хотя бы потому, что Он ничего не обещает, но Сам уже давно все нам дал: и жизнь, и природу, и любовь, и совесть, и разум, говоря: «Я есть Путь, Истина, Жизнь».

Именно к этой всеобъемлющей заповеди всех заповедей я, как и многие, в конце концов и пришел — через ряд самообманов, освободившись от пут марксистской демагогии, в которую, точно в кокон, нас «пеленали» с детского сада, и активно не приемля сегодняшних «рыночных идолопоклонников». И еще один мой итог: мы должны вернуться к Богопомазаннику, к *духовному* лидеру нации, но уже на новом витке своего внутреннего развития, после осмысления всего груза наших прошлых и нынешних духовных ошибок.

Дабы глубже осознать это, я и обращаюсь к фигуре бывшего «вождя всех народов», в образе которого, как в зеркале, наиболее ясно видна вся наша собственная греховность. Именно наша. Ибо не предай мы при очередном народном безумии (в 1917 году, а до этого — в Смутное время) Господа, не возжелай мы «материи» посредством «убиения в себе духа», не пойдя мы на поводу у таких чуждых нашему менталитету людей, как Ленин, Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Каменев и еще целого сонма подобных бесов, считающих Россию «кучей хвороста, пригодной для разжигания мирового пожара», а ее народ — «биологически вредной массой» и «насекомыми», — не было бы и деспотизма Сталина. Посему я вовсе не собираюсь валить все наши беды и несчастья на того, руками которого, кстати, была осуществлена в 37—38-м годах Божья кара над главными «героями Октября». Будучи до поры до времени «одним из них», Сталин ликвидировал вредоносную для России «партийную элиту» не из-за «духовного прозрения» и не по сугубо личному произволу — он первым почув-

ствовал, что необходимо подчиниться новому повороту в российской истории, иначе она сметет его самого.

Начну с того, что «Великий герцог Армении» явился на свет как «дитя порока». (Это не «досужие сплетни», а уже точный факт, установленный ученым и историком Суреном Айвазяном.)

Сам ребенок, зачатый в грехе, естественно ни в чем не виноват, а потому современные люди, «лишенные предрассудков», как правило, не придают этому особого значения. Однако издавна у многих народов отношение к «согрешившей» девушке и к произведенному ею на свет ребенку было однозначно отрицательным. Это объяснялось тем, что при внебрачном зачатии плод уже в чреве матери попадал под воздействие темных и злых сил (сегодня мы бы сказали — в поле отрицательной энергетики), которые сопровождали его всю жизнь, стремясь подчинить своему влиянию. И сие отнюдь не являлось суеверным вымыслом — на протяжении столетий люди убеждались в этом на обычной житейской практике, и «дети порока» от рождения несли на себе печать отверженных.

Даниил Андреев — автор широко известной книги «Роза мира», который «многое воспринимал при помощи различных родов внутреннего зрения», был, например, абсолютно уверен, что Сталин вступал в общение (в состоянии «хохи») с высокими демоническими силами не во сне и не в трансе, а при полном сознании, то есть он достиг степени осознанного сатанизма. Вот строки из «Розы мира» Д.Андреева:

«В 30-х и 40-х годах он владел хоххой настолько, что зачастую ему удавалось вызвать ее по своему желанию. Обычно это происходило к концу ночи, причем зимою чаще, чем летом; тогда мешал слишком ранний рассвет... Свет в комнате оставался затенен, но не погашен. И если бы кто-нибудь невидимый проник туда в этот час, он застал бы вождя не спящим, а сидящим в глубоком, покойном кресле. Выражение лица, какого не видел у него никто и никогда, произвело бы воистину потрясающее впечатление. Колоссально расширившиеся черные глаза смотрели в пространство немигающим взором. Странный матовый румянец проступал на коже щек, совершенно утративших свою обычную маслянистость. Морщины казались исчезнувшими, все лицо неузнаваемо помолодевшим. Кожа лба натягивалась так, что лоб казался больше обычного. Дыхание было редким и очень глубоким. Руки покоились на подлокотниках, пальцы временами слабо перебирали их по краям... Хохха вливала в это существо громадную энергию, и наутро, появляясь среди своих приближенных, он поражал всех таким нечеловеческим зарядом сил, что этого одного было бы достаточно для их волевого порабощения...»

Лично я отношусь к бóльшей части внутренних видений Д.Андреева с определенной долей скептицизма. Во-первых, к Сталину он относится явно предвзято: отдавая ему должное только в «гениальности тиранства», во всех остальных вопросах он считает его «идиотом». Автора «Розы мира» можно понять — именно по «милости вождя» он отсидел несколько лет в тюрьме, но нельзя согласиться с

его характеристикой Ленина, который, по утверждению Андреева, «не сделался кровожаден, ни активно жесток... он по-своему любил народ и человечество... он желал им блага, как сам это благо понимал, и если прибегал порой к весьма крутым мерам, умея проявлять даже неумолимость, то это диктовалось не мстительностью, не бесчеловечностью, а уверенностью в том, что такова печальная революционная необходимость». Или Гитлера — в котором «чисто человеческие черты (в отличие от Сталина. — *А.Л.*) окончательно не искоренились».

Естественно, когда Андреев писал свою книгу, он еще не знал тех материалов, которыми ныне располагаем мы и из которых явствует, что первый вождь был ничуть не менее «кровожаден и активно жесток», чем тот, кто пришел ему на смену. Однако странно, что обладающий «внутренним зрением» писатель не мог хотя бы почувствовать, что суть обоих была абсолютно одинакова, а Гитлеру — диктатору, который по зверству «переплюнул» Сталина, придумав сжигать ненужных ему людей в лагерных печах, приписал «окончательно не искорененные человеческие черты».

Мне представляется, что Сталин не являлся воплощением прирожденного дьяволизма — иначе он не пошел бы учиться поначалу в духовное училище, а затем и в семинарию — но в том, что потусторонняя нечисть пыталась постоянно завладеть его душой, не сомневаюсь. Могу согласиться с Д.Андреевым в одном: что с годами (не сразу) она все же подчинила себе вождя и он стал черпать от нее силу.

Но вернемся к происхождению Сталина.

Почему же Нострадамус назвал его «Великим герцогом Армении»?

Мать Иосифа — Екатерина Георгиевна Геладзе (Кэто или Кека) родилась и выросла в бедной армянской семье, в Гори. Почему в армянской, если у нее была грузинская фамилия? В этом местечке Грузии испокон века жили именно армяне (до 90 %), со временем огрузинившиеся. Дело в том, что издавна на армянском языке Грузию называли и продолжают называть и доньше Врастан (Верховина). Многие горы, реки, отдельные районы носят в Грузии армянские названия. «Кура» — по-армянски «сестра», «Араг-ви» — «быстрая», «Алгет-и» — «красная река», да и Тифлис — тоже типично армянское название, пока этот город не переименовали в Тбилиси. Иначе — в этих областях издревле обитали армяне, но со временем изменялись границы Армении, ее теснили новые народы и коренные армяне, населявшие эти территории, постепенно теряли свой язык, обычаи, имена и фамилии. Например, такие известные деятели культуры, как В. Мурадели (Мурадян), З. Палиашвили (Пальян) и другие, могли считать себя грузинами армянского происхождения. Аналогичные процессы происходили и в России. Например, известный русский историк Карамзин происходил из армянского рода Карамзянов.

Итак, мать Сталина Кэто была армянкой с грузинской фамилией. Будучи бедной она с юных лет зарабатывала себе на жизнь, обслуживая дома богатых, как кухарка, уборщица, посудомойка или швея.

Тифлис (в середине XIX века его жители тоже составляли 80—90% армян) находился недалеко от Гори, и вся промышленность,

торговля практически принадлежали там армянам. В доме у одного из таких состоятельных армян — у обувного фабриканта Адельханова — Кэто и прислуживала. От него она и родила Иосифа.

Это подтверждает все тот же историк С. Айвазян. Совсем недавно им обнаружен официальный судебный документ, из которого явствует, что будущий вождь в 15 лет судился за наследство Адельханова, пытаясь доказать, что тот — его истинный отец, рассчитывая таким образом завладеть частью состояния своего уже покойного родителя. Однако дерзкий Иосиф, вступая в схватку с влиятельными наследниками Адельханова, был тогда еще явно наивен, и выиграть это дело ему было не суждено. Кроме того, авторитет его матери, которую армяне звали не иначе, как «боз-Кэто» («б...-Кэто»), — не давал Сталину никаких шансов на успех.

Не исключено, что именно с этого момента в душе будущего революционера-экспроприатора впервые и зародилась «классовая ненависть» к «миру капитала».

Но возникла она, вероятно, намного раньше (и не только к «сильным мира сего», но и просто к людям), ибо все детство Сталина было сплошной чередой горьких и черных обид, физических и нравственных унижений и постоянных несчастий.

А все началось с матери... Можно предположить, что, когда Кэто уже не могла скрывать от посторонних глаз свой грех, она с мольбами или угрозами обратилась к обесчестившему ее Адельханову, чтобы он как-то помог избежать ей людского позора. Фабрикант, видимо, и сам не желал огласки своего прелюбодеяния с

прислугой (он мог, конечно, от всего отказаться, но молва — есть молва), а потому в срочном порядке отыскал для нее мужа — рабочего своей фабрики, тоже армянина, сапожника Виссариона Джугоева, которому заплатил за женитьбу на беременной Кэто приличную сумму. Так что Сталин, получивший при рождении фамилию Джугоев, был армянином — как по-матери, так и по отцу, не только настоящему, но и подставному. И Нострадамус, назвав его «Великим герцогом Армении», не ошибся.

Однако почему Сталин всегда считался грузином или уж, на худой конец, осетином? Да по той причине, что он сам изменил не только национальность (и соответственно фамилию Джугоев на Джугашвили), но и, как утверждает астролог П.Глоба, год своего рождения.

Я полагаю, что армянин Джугоев превратился в грузина Джугашвили где-то после того, как ему исполнилось пятнадцать лет, когда он проиграл тяжбу в суде против своего настоящего отца. Почему он это сделал?

К этому времени Сталин уже сформировался в крайне честолюбивую, душевно израненную и прикрытую маской заносчивости личность, решив таким способом окончательно и бесповоротно порвать со своим более чем неприятным прошлым. И не только с ним — со своим кровным народом, от которого, как он считал, ничего, кроме непрерывных издевательств, унижений и обид, не получил. Сталин невзлюбил армян, а затем и Армению, в разрушении которой он впоследствии принял самое непосредственное участие. Сначала, как подпольный революционер, он способствовал разложению духа армянской армии при войне с турками, агитируя солдат (как это позже

делал Ленин в России) бросать оружие, дабы не «ковать победу» собственным армянским эксплуататорам (вот она, месть истинному отцу!), а после, когда уже вошел в верхушку нового большевистского правительства, что называется, разодрал Армению на части. При прямом содействии Сталина Азербайджану были переданы такие ее исконные земли, как Нахичевань и Нагорный Карабах, а в 21-м году уже туркам — Карская область. Турки от подобного подарка Советской власти поначалу опешили, ибо они войну не выиграли, а потому, прежде чем взять эти земли, долго совещались, полагая, что за этим кроется какой-то подвох. (Любопытно, что даже и сейчас турки не вкладывают в Карскую область крупные инвестиции, опасаясь, что эту территорию может потребовать обратно Армения, присоединись она, к примеру, вновь к России и стань под ее защиту.)

Но из Сталина не получился и полноценный грузин, а потом и русский, когда он стал полновластным правителем «всея Руси».

Д. Андреев в своей «Розе мира» вопрошает: «Но почему, вернее, зачем это существо, предназначенное к владычеству над Россией, было рождено не в русской семье, а в недрах другого окраинного народа? (Автор полагал, что Сталин был грузин. — *А.Л.*). Очевидно, затем же, зачем Наполеон был рожден не французом, а корсиканцем, не наследником по крови и духу великой французской культуры и национального характера этого народа, а, напротив, узурпатором вдвойне: захватчиком не только власти, к которой не был призван ни обществом, ни правом наследования, но еще вдобавок власти в стране чужой, а не

своей собственной... Для того чтобы выполнить свое предназначение во Франции и в России, оба эти существа должны были быть как бы чужеродными телами в теле обеих великих стран, не связанными никакими иррациональными, глубинными, духовными нитями с тем народом, которому предстояло стать главной ареной их деятельности и их жертвой по преимуществу.

Действительно, Сталин, став «самоизгоем» армянского народа, превратился в некоего «безнационального люмпена», который одинаково холодно взирал на подвластные ему народы, а потому так легко перекраивал их земли или переселял с места на место. Однако это свое «люмпенство» он всячески пытался скрыть, а посему до основания «вычистил» свою «краткую биографию». (Заметим сразу: почти все, кто ее знал «полностью», были с течением времени уничтожены вождем. Возможно, в этом и кроется непонятная для многих жестокость Сталина по отношению к своим бывшим близким друзьям и родственникам — например, к расстрелянным Авелю Енукидзе, к родному брату и родной сестре первой жены вождя Екатерины Сванидзе, к осужденному на тюремное заключение ее же племяннику, а затем и родной сестре второй супруги — Надежды Аллилуевой — и к жене своего старшего сына, Якова, уже после его гибели в плену.)

«Биография» писалась несколькими «придворными академиками-летописцами» в 1951 году и, разумеется, под пронизывающим «оком» самого «кормчего». По этой причине в ней явно просматриваются «белые пятна» и некоторые несостыковки с данными последу-

ющих исследователей. Вождь в своей биографии явно путает следы, дабы не всплыли какие-то неприглядные для него этапы жизни, и для этого же изменяет свой год рождения.

Большинство историков сегодня отмечают, что «Краткая биография» (а она на то и «краткая» — чтобы не совали нос куда не следует) определенно выдержана в розовых тонах. Иными словами — всему, написанному о Сталине его «летописцами», доверять абсолютно невозможно.

Но вернемся к детству будущего вождя. Когда Кэто спустя недолгий срок после свадьбы «подарила» Виссариону ребенка, окружающие, безусловно, поняли и причину их поспешного бракосочетания. И, конечно, принялись наперебой гадать: кто же истинный родитель Иосифа? Они ведь хорошо знали, что у сапожника с прислугой никаких близких отношений ни девять, ни семь месяцев назад не было.

Известно, что на Кавказе честь как мужчины, так и женщины блюдется очень строго, но особо жестоко наказывают за бесчестье женщину. Но тут и муж оказался не меньшим ничтожеством, обручившись за плату (а об этом наверняка догадались тоже, ибо Виссарион был нищ) с распутницей.

Надо думать, молодая семья моментально подверглась всеобщему презрению и насмешкам, включая и их ни в чем не повинного младенца. С самых малых лет Иосиф стал отверженным — его сверстники на всю улицу постоянно ему кричали: «Боз Кэто!», «Боз Кэто!» и не принимали в свои игры.

Сегодня немалое число людей с негодованием пишут, что вождь был таким чудовищем,

что плохо относился даже к собственной матери. Мол, он не поехал на ее похороны, а впоследствии, часто бывая на отдыхе в Грузии, ни разу не удосужился посетить ее могилу. А об отце и говорить не приходится — Сталин почти нигде о нем не упоминает, видимо, стесняясь того, что его может что-то связывать с сапожником-алкоголиком. В таком случае как быть с «пролетарским происхождением», которым в то время гордились? «Вождь всех народов» не преминул бы это постоянно подчеркивать, если бы был уверен, что сапожник его отец. А главное, если бы Виссарион не являлся бичом его детства, в самом прямом смысле этого слова, до самой своей смерти. А вот к матери Сталин как раз испытывал определенную привязанность, ибо она, хоть и была причиной многих детских бед будущего вождя, но зато, как могла, постоянно его защищала и от соседских ребят, и от своего сапожника.

Известно, что Екатерина Георгиевна однажды побывала у сына в Москве, но, недолго погостив, уехала обратно в Грузию. Ей не очень понравилось в столице. Но что?.. Сам город? Вторая супруга Сталина — Надежда Аллилуева? Или что-то другое?.. Думается, крайне противоречивое отношение к ней ее собственного чада. Не исключено, что оба больше ощущали тепла друг к другу на расстоянии, ибо когда вождь и его мать находились рядом, они, возможно, тут же вспоминали давние выкрики — «Боз Кэто!».

Отметим, однако, что мать Сталина была похоронена в пантеоне на горе Давида, где покоился прах Грибоедова и самых знаменитых людей Грузии — и вождь против этого не возражал.

Теперь о Виссарионе... Этот сапожник — мрачный, грубый, необузданный человек довольно часто напивался «как сапожник» и становился неудержимо буйным. И даже если допустить, что соседи побаивались Виссариона и опасались открыто высказывать ему то, что они о нем думали, то он-то сам знал это и наверняка чувствовал отношение к себе людей по их поведению и по взглядам; а потому можно представить, что постоянно творилось в этой сумрачной душе. Вероятно, всю свою драму и неудовлетворенность нищенской жизнью, в которой, как он считал, ему явно не повезло, Виссарион, особенно в периоды запоев, вымещал на «проститутке Кэто» — он, должно быть, кричал нечто подобное, когда бил ее, — но больше всего на «этом выродке» (по-иному он и не мог называть Иосифа). Видимо, эти скандалы слышали или наблюдали окружающие и маленький Сталин, спасаясь от очередных побоев, не один раз убегал из дому, пережидая где-нибудь в горах или в лесу, когда Виссарион снова придет в себя.

Но однажды он, видимо, застал мальчика врасплох и зверски, чуть ли не насмерть, забил его ногами. В неистовом бешенстве «отец» сломал ребенку левую руку, после чего у Иосифа началось заражение крови и он едва не умер. С этой поры Сталин стал сухоруким и обычно держал в присутствии людей больную руку полусогнутой, дабы не было заметно разницы со здоровой. (Так что, какое уж тут «редкое упоминание» о своем «родном отце» — вождь, если бы смог, с яростью вычеркнул бы его из своей памяти.)

Вот как описывает портрет малолетнего Иосифа все тот же Д.Андреев:

«Жутко вглядываться в сохранившийся портрет этого существа еще в те дни, когда оно было ребенком. (Автор считает, что личность Сталина была уже задолго запрограммирована дьяволом, поэтому и называет его «существом». — *А.Л.*)... Какой потрясающий контраст с лицом маленького Ленина! (Ленина, при котором в гражданскую войну было уничтожено 13 миллионов человек, а от голода умерли 3,5 миллиона, Д. Андреев в ставленники дьявола упорно зачислять не желает. — *А.Л.*)... Ничего мальчишеского, ни проблеска детского!.. Удивительно странный лоб, настолько сниженный и суженный кромкой черных, гладко прилизанных, надвинутых «как ермолка» волос, что это производило бы впечатление дегенерации, если бы под волосами не обозначался поразительной формы череп — конический череп — не закругляющийся плавной линией назад, а вздымающийся вверх и вверх до самой маковки. Заостряясь, он наконец увенчивается той выпуклостью, которая говорит о высокой мистической одаренности. Подбородок длинный и узкий, впоследствии он резко раздастся вширь. Нос воинственно выдвигается вперед, в очертаниях сухих и бледных, стиснутых губ — упорство, бессердечие и странная, неинтеллигентная тупость. А глаза, напряженно сдвинутые, глядят так угрюмо, самоуверенно и с такой заведомой враждебностью ко всему, что перед ним находится, какой не встретишь у ребенка».

Сухорукость, которая добавилась к незавидному облику маленького Сталина, вероятно, и вовсе отодвинула его от сверстников — они и раньше не допускали его к своим играм, а

теперь из-за своей неполноценности он и сам бы не стал принимать в них участие.

Но и этого оказалось мало. В семь лет на него свалилось очередное несчастье: Иосиф заболел оспой. После выздоровления лицо мальчика навсегда осталось отмеченным болезнью, в результате чего он получил новый повод для насмешек — его стали звать «Чопур» («Рябой»).

И впрямь, словно сам дьявол (по Д.Андрееву) нарочно насылал на Сталина одну черную беду за другой, дабы выковать из него нужную ему натуру. Можно с большой долей уверенности предположить, что все последующие, закрепившиеся в «вожде всех народов» качества характера — скрытность, хитрость, затаенная мстительность, двуличие, коварство, презрение и недоверие к людям, убежденность, что они способны понимать только силу; стремление к уединенности, похожее на поведение одинокого зверя; непомерное честолюбие, тайная, а потом и явная жажда самоутверждения и самовозвеличивания — возникли поначалу как защитная реакция, а затем — как способ и норма жизни, благодаря его тяжелому детству.

Брак Кэто и Виссариона закончился тем, чем неизбежно и должен был завершиться — они разошлись, после чего сапожник скончался в тифлисской ночлежке. По версии дочери Сталина, Светланы Аллилуевой, он погиб там в пьяной драке — его ударили ножом. Вероятно, именно так все и произошло: наверняка кто-то в очередной раз напомнил ему, что он «жалкий рогоносец» и буйный Виссарион наорвался на чей-то нож. Это случилось, когда Сталину исполнилось 10 лет. Не исключено,

что, узнав о смерти «отца», он с мстительным удовлетворением мог подумать: «Слава Богу, он издох, как собака».

К этому времени Иосиф учился уже в духовном училище, по окончании которого поступил в Тифлисскую православную духовную семинарию.

Немалое число историков не перестают мучиться «загадкой»: как сына сапожника могли в нее принять, если туда допускались только дети богатых родителей и священников?.. Теперь становится совершенно очевидно, что за обучение Сталина в семинарии заплатил его истинный отец, Адельханов.

Отчего же Иосиф избрал путь именно священнослужителя?.. Этот вопрос, как правило, почему-то обходят и поныне. Раньше — для советских историков — он был как «кость в горле»: «пролетарский вождь» — и зачем-то учился в православной семинарии. В этом диком противоречии поди разберись, еще «пришьют» какой-нибудь «уклон». Но почему этого вопроса не касаются в наши дни? На мой взгляд, потому, что исследователи по преимуществу остались теми же — в большей части своей атеистами, хотя и не такими «воинствующими», как прежде.

Д. Андреев по поводу приобщения Сталина к священству пишет очень мало:

«Казалось, провиденциальные силы еще раз приоткрыли ему двери спасения, предоставив возможность дальнейшего пути в лоне церкви в сане священника. Но какие перспективы могла сулить эта скромная дорога существу, одержимому импульсом владычества надо всем миром?»

То есть Андреев опять же исходит из «за-

программированного дьяволизма» будущего вождя, из его изначальной «одержимости импульсом владычества надо всем миром» и утверждает, что «скромная дорога» священника никоим образом не могла Сталина удовлетворить.

Однако, повторяю, как мне кажется, сатанизм Иосифа не был прирожденным — от своего порочного зачатия он получил лишь его задатки, а посему, попав на «благодатную почву», этот дьяволизм развился в мальчике, а затем в юноше, лишь под влиянием жизненных обстоятельств. Как православный человек, я верую, что в каждом из нас с рождения заложено Божеское начало и что оно имелось и в душе Сталина. Не стоит забывать и того, что вождь учился священству не месяц, не год и не два (что могло бы быть истолковано как случайная проба своего жизненного пути), а целых десять лет! Как мог этот «прирожденный дьявол» ежедневно, по нескольку раз на день, молиться Богу и отстаивать продолжительные церковные службы на протяжении столь длительного времени?.. И, наконец, — почему он, когда потерпел неожиданное крушение и на этом поприще, впоследствии достаточно терпимо относился к религии в отличие от таких своих соратников-большевиков; как Ленин, Троцкий и другие? Да, во время войны вождь использовал православие в своих целях, однако такой неистовой непримиримости по отношению к Богу, как у перечисленных «товарищей», у него никогда не было. То есть я хочу сказать, что годы, проведенные в духовном училище и в семинарии, не прошли для Сталина даром — в его душе, постепенно угасая, еще некоторое время продолжа-

ла теплиться Божья искра, пока окончательно не потухла после кончины его второй супруги Надежды Аллилуевой. Но об этом — позже.

А пока я попытаюсь изложить свою точку зрения на те побудительные мотивы, которые подтолкнули Иосифа избрать себе карьеру священнослужителя.

В лоно Церкви его привело, конечно, поначалу честолюбие. Именно этим он только и смог бы самоутвердиться перед безжалостными сверстниками, будучи физически ущербен, но одарен природным умом и любознательностью.

К слову сказать, я не принимаю утверждений отдельных историков о том, что Сталин был туповат, — это опровергает вся его последующая деятельность и особенно борьба с политическими соперниками. Кроме того, у идиотов не бывает такой феноменальной памяти, какой обладал вождь. Подобное огульное очернение свидетельствует о примитивном мышлении не самого Сталина, а его истолкователей — у них не укладывается в сознании, как это умный, одаренный человек, да еще общавшийся с Богом, смог стать тираном? Выходит, что смог. Ибо человек, как известно на многих примерах, — существо непостижимое и крайне опасное как для окружающих, так зачастую и для самого себя. Оно способно как подняться до невиданных духовных высот, так и резко пасть в бездну порока.

Не исключено, что о сани священства возмечтала и мать Иосифа и именно она посоветовала ему избрать такую дорогу. Существуют воспоминания близких вождя, которым он якобы рассказывал, что его мать сокрушалась: «Жаль, что ты так и не стал священником».

Допускаю и такой вариант: местный священнослужитель в Гори, наблюдая, как над мальчиком издеваются товарищи и как тот на глазах превращается в волчонка, взял его на время под свою духовную опеку (а может, это был всего один-единственный случай) и заронил в ребенке первые Божии семена, показав пример того, что всякое зло возможно одолеть лишь добром и чтобы постичь это, надо прийти к Богу.

Так или иначе, но восьмилетний Иосиф к Нему «пошел». После окончания училища он продолжает учебу в семинарии, скорее всего через сомнения и разочарования, но все же утвердившись в мысли, что избранный им путь правилен. Об этом свидетельствует и лист его успеваемости: почти по всем предметам там стоят оценки «удовлетворительно», но вот по поведению, а главное, по теологии — «отлично». То есть Сталин явно всерьез намеревался стать священником. Что касается «удовлетворительности» его познаний по остальным дисциплинам, это опять же никак не говорит об ограниченности ума мальчика, которую так старательно ему пытаются навязать некоторые исследователи. Они, сами себе противореча, тут же признают, что семинарист Иосиф активно занимался самообразованием, и приводят целый список проштудированных им в те годы книг, которые запрещалось читать духовными учителями. Об этом в своей работе «Взлет и падение Сталина» пишет Ф.Волков. Вот эти книги: «Капитал» Маркса (уверен, его не одолели многие историки), «Происхождение видов» Дарвина, «Сущность христианства» Фейербаха, «Этика» Спинозы, по астрономии — труды Фламмарiona, Ко-

перника и Галилея, «История английской цивилизации» Бокля, работы Менделеева. Наконец юный Иосиф не был чужд и литературной классики, он читал таких авторов, как Гюго, Теккерея, Бальзак, Лев Толстой, Салтыков-Щедрин, Гоголь, Чехов, и немалое число других. Можно сказать, что почти круглым «троечником» Сталин являлся не по недоумию, а по естественной причине: он просто хотел знать то, что ему было интересно, включая и теологию.

Теперь обратим внимание на его «отличную» оценку по поведению. Интересно, что вождь нередко хвастал, именно «хвастал» своим ранним революционным прошлым. Вот выдержка из книги Ф.Волкова «Взлет и падение Сталина», которого я отношу к тем самым «однолинейным обмыслителям» сложной фигуры вождя и одновременно *пока* к апологетам Ленина (ибо, вероятно, в 90-х годах он с трудом перестроился на «демократический» лад), но которую тем не менее привожу, так как это соответствует действительности:

«Вряд ли можно считать точным личное заявление И.В.Сталина, сделанное немецкому писателю Эмилю Людвигу в 1939 году, что он вступил в революционное движение в 15-летнем возрасте, когда связался с «подпольными группами русских марксистов, проживающих тогда в Закавказье». В этом возрасте он учился в Горийском духовном училище и только осенью 1894 года переехал на учебу в Тифлис. И лишь в 1898 году, в возрасте 18 лет И.Джугашвили вступил в «Месаме-даси», «сыгравшую в 1893—1898 гг. известную положительную роль в распространении идей марксизма» в Грузии». (Все, что автор взял в кавычки, —

это слова самого вождя, сказанные немецкому писателю. — *А.Л.*)

Я абсолютно разделяю сомнения Ф. Волкова и даже более того — думаю, что вступление в «Месаме-даси» не явилось для Сталина неким глубоко осознанным и тщательно продуманным решением, оно, скорее, произошло случайно, и причиной для этого вступления послужило любопытство. И не только отличные оценки по поведению и по теологии приводят меня к мысли о том, что молодой Иосиф собирался сделать карьеру не революционера, а священнослужителя (как, кстати, и Ленин до поры до времени помышлял лишь о юридической практике, пока после гибели брата — Александра Ульянова — обстоятельства чуть ли не силой вытолкнули его в революцию); меня в этом убеждает бурная реакция, почти отчаяние Сталина, когда его за несколько дней до выпускных экзаменов вдруг исключили из семинарии.

«Иосиф не хотел покидать семинарию», — эту фразу я вычитал у того же Ф. Волкова, которая как бы теряется среди вороха нагроможденных им же самим причин исключения Иосифа из семинарии. Волков пишет, что он был исключен потому, что якобы не явился на экзамены (почему?) и одновременно за то, что занимался пропагандой марксизма (это — согласно фальшивой «краткой биографии» вождя); по другим данным — из-за болезни, неуплаты взноса за обучение, наконец, из-за недостойного поступка — подрался и нанес сильное увечье одному из семинаристов. Вот в это, пожалуй, можно поверить, ибо Сталин был предельно обидчив. Но он «не хотел покидать семинарию» — вот главное!

Можно представить себе, что тогда пережил будущий вождь — жизнь вновь наносила ему удар и теперь, что называется, «в поддых». Десять лет обучения «коту под хвост!». Нет, этого не может быть — он не желал верить в такую дикую несправедливость и наверняка упрашивал начальство семинарии разрешить ему сдать экзамены. Иначе с чего бы он ее покинул, как пишет Ф.Волков, «с чувством ненависти к администрации, растущим чувством ненависти к учителям, классам эксплуататоров — буржуазии и помещикам». Вряд ли Иосиф посылал в тот период свои проклятия конкретно «буржуазии и помещикам», но то, что он все и вся тогда возненавидел, — это определено.

Обратимся за дальнейшими сведениями опять к Ф.Волкову: «После исключения из семинарии И.Джугашвили зарабатывает на жизнь уроками. В конце декабря 1899 года он устраивается на работу в Тифлисскую физическую обсерваторию вычислителем-наблюдателем».

То есть Сталин не сразу «окунается» в революционное движение, он определенно находится в душевном смятении, не представляя, как ему теперь жить и что делать дальше — ведь все рухнуло...

Если я верно понимаю его тогдашнее состояние, можно представить такую картину: будущий «вождь всех народов» наблюдает за звездами в телескоп и мысленно вопрошает Бога о том, почему с ним постоянно происходят несчастья? И, кроме холодного равнодушного мерцания небесных светил, не получает от Него никакого ответа. И тогда он в бешенстве Ему кричит: «Тебя нет! Ты слышишь?.. Все

мои молитвы к Тебе оказались напрасными! Ты — никто и ничто! Ты — больной вымысел тех, кто слаб духом! Есть только один я!.. Ты слышишь — я!.. И я докажу Тебе это!».

Только с этого времени, на мой взгляд, в Сталине и сформировался дьяволенок, сотворенный как греховным зачатием, так и всеми мытарствами его жизни. Но дьяволенок не стал еще настоящим дьяволом. Для этого ему предстояло пройти долгий, сложный и извилистый путь. И полагаю, что, уже спокойнее оглядевшись, Иосиф понял: этот путь, посредством которого он докажет себя «несуществующему Богу», один — революция. Именно с этого момента (не раньше) он и принялся сознательно накачивать себя ненавистью к «классам эксплуататоров — буржуазии и помещикам».

И все же — не в оправдание вождя, а ради объективности — хочется заметить, что, часто обвиняя его в «прирожденной жестокости», мы отчего-то не желаем принимать во внимание и жестокость окружающих его людей. Веди они себя по отношению к Иосифу почеловечески, мы, может быть, и не получили бы такого деспота. Ведь у него, кроме матери, не существовало на раннем этапе жизни ни одного «светлого пятна». Да и та, сама того не желая, явилась причиной многих страданий своего сына. Так что, думается, будущего «отца народов» мы получили по принципу «что посеешь — то и пожнешь»...

Вот кратко последующие вехи жизни Сталина до октября 17-го года:

В 1900 году он решительно примыкает к

революционному меньшинству социал-демократической группы «Месаме-даси» и, познакомившись с соратником Ленина Курнатовским, присоединяется к ленинскому «искровскому» направлению с установкой на активную подготовку революции в России.

В 1901 году Сталин — один из организаторов первомайской демонстрации в Тифлисе, которая оценивается как историческое событие в газете «Искра». Затем — один из инициаторов создания нелегальной грузинской газеты «Борьба». Его направляют в Батум, где он создает комитет РСДРП и руководит там рядом забастовок на заводах Ротшильда и Манташева.

В 1902 году — первый арест за организацию в Батуме огромной политической демонстрации и следом за ним — путешествие по тюрьмам: из батумской в кутаисскую — и обратно.

В 1903-м Сталина высылают на три года в Восточную Сибирь, в село Новая Уда Иркутской губернии.

В 1904-м Коба (такова теперь подпольная кличка Сталина) совершает свой первый побег из ссылки и вновь появляется на Кавказе. В этот же период он женится на красивой крестьянской девушке Екатерине Сванидзе.

В 1905 году в Таммерфорсе (Финляндия) происходит знакомство Кобы с Лениным.

В 1906-м они общаются во второй раз, уже в Стокгольме.

В 1907-м — третья встреча двух будущих вождей в Лондоне. В этом же году супруга Сталина производит на свет сына Якова и, спустя месяц, умирает от пневмонии. Утверждают, что Коба очень любил жену и тяжело пережил ее кончину.

В 1908 году Сталина опять арестовывают, теперь в Баку, заключают в Баиловскую тюрьму, затем высылают в Вологодскую губернию, в г.Сольвычегодск.

1909 год — вторичный побег Кобы.

1910-й — третий арест (снова в Баку). Сталина запрещают проживать на Кавказе в течение пяти лет и вновь отправляют в Сольвычегодск.

1911 год — после окончания срока ссылки он поселяется в Вологде. В сентябре этого же года самовольно приезжает в Петербург. Через три дня его там арестовывают в четвертый раз и опять высылают под гласный надзор в Вологду. Через два месяца Сталин совершает свой третий побег.

В 1912 году — он в Батуме, в Тифлисе, потом снова в Петербурге, где участвует в подготовке первого номера газеты «Правда» и узнает, что на Пражской конференции заочно избран членом ЦК партии большевиков и руководителем Русского бюро ЦК партии. В апреле, в день выхода «Правды», Кобу арестовывают в пятый раз и отправляют по этапу в Нарымский край на три года. Но через два месяца он бежит из ссылки в четвертый раз и приезжает обратно в Петербург.

1913 год — шестой арест и отправка в Туруханский край. Туда же сослан и Я.Свердлов. Оба живут в одном домике и испытывают друг к другу жгучую неприязнь, доходящую чуть ли не до рукоприкладства. В результате их расселяют порознь.

1917-й — весть о Февральской революции застаёт Сталина в г.Ачинске. С группой ссыльных он срочно выезжает в Петроград. В июле этого же года знакомится со своей будущей

второй женой — 16-летней Надеждой Аллилуевой.

Следует еще отметить, что в 1905—1907 годы Сталину были даны «санкции партии», вооруженный которыми он активно занимался «вопросами экспроприации». А попросту говоря — грабежами. Вместе с Камо и другими «легендарными героями революции». Любопытно, что и в этих «вопросах» некоторые историки как бы делают попытку одного «черного кобеля отмыть добела», а другого замазать еще гуще, утверждая, что Сталин, дескать, грабил «бесчестно», а Камо — «честно». Что «бесчестно» — это понятно, но вот как можно осуществлять воровские налеты на людей «честно», да еще отправляя их при этом на тот свет, — трудно себе представить.

Перечисленные факты из биографии вождя поражают резкой сменой его внутренних целевых установок и редкостной кипучей деятельностью, что называется, на износ. Создается такое впечатление, что он словно бросился в бурную, клокочущую реку с мыслью «пан — или пропал», зная, что, только преодолев ее, можно выбраться на «вожделенный берег», где его ожидает неременный триумф и что вопрос — утонет он в этой реке или нет? — для него не имеет уже существенного значения, ибо без «того берега» сама жизнь теперь не стоит и ломаного гроша, то есть дьяволенок, что называется, пошел напролом, отменяя на своем пути все преграды, мешающие достижению его цели. В том числе и нравственные, ибо Сталин был теперь вооружен «нравственностью высшего порядка» — «революционной

целесообразностью», которой, как учил Ленин, необходимо было руководствоваться «во имя светлого будущего трудящегося пролетариата». Есть свидетельства соратников Кобы, что при всем своем «революционном размахе» он был трусом. Я вполне это допускаю, ибо человек, как известно, — существо объемное и многогранное. Но трусом, я полагаю, он был скорее рационалистическим, нежели биологическим. Он хладнокровно (зная, что мелочи жизни в расчет не берутся) берег себя для будущего. Но вот утверждения, будто Сталин работал на царскую охранку, вызывают у меня большое сомнение.

Уже упоминаемый мною Ф.Волков на протяжении нескольких страниц своей книги (к слову сказать, достоинство этой работы в том, что в ней собрано много фактического материала) буквально вдалбливает подобную мысль читателю, уверяя, что «все эти аресты И.Джугашвили проводились для видимости, чтобы скрыть его роль провокатора, замаскировать последующие удары по революционному подполью».

Представляется, что версия Ф.Волкова (а она — почти утверждение) содержит в себе немало несуразностей. Сталин был другой «широты» натура, чтобы удовольствоваться в своей жизни жалкой ролью доносчика. Она не открывала для него никаких перспектив. Подобный «жребий» годится лишь для прирожденных подонков (а именно таким Ф.Волков, видимо, и считает будущего вождя). На мой взгляд, Сталин «поставил на революцию» слишком многое и, если учесть, что он все тщательно просчитывал, то вряд ли стал бы

ходить под дамокловым мечом неминуемого разоблачения.

Этот же автор пишет, что «Сталин обычно ссылался в сравнительно приличные места и обычно бежал из них с поразительной легкостью». С какой «легкостью», как конкретно вождь организовывал свои побег, Ф.Волков не описывает, а по сему это не известно и нам. Но то, что он «ссылался в сравнительно приличные места», — явный абсурд. Допустим, Вологда — это «приличное место». Но Новая Уда в Иркутской губернии?.. Нарымский край?.. А затем и Туруханский, который находится в приполярной и заполярной зоне?.. Зачем «охранке» надо было отправлять своего «агента» в такую тьмутаракань? Да еще на такие продолжительные сроки, если Сталин «арестовывался для видимости и вскоре после возвращения из ссылки продолжал свою шпионскую деятельность»?

И если Коба всегда устраивал побег при помощи жандармерии и был ей необходим, чтобы «продолжать шпионскую деятельность», то с какой целью «охранка» после шестого ареста заслала его в сибирскую тайгу уже на целых три с лишним года, к тому же накануне самых острых предреволюционных событий — с 1913-го по 1917 годы? Только ли потому, что он из-за соперничества нажаловался своим «хозяевам» на другого провокатора — Малиновского?..

У Ф.Волкова явно не сходятся концы с концами. Но, продолжая обличать вождя, он приводит в доказательство его провокаторской службы целый ряд документов. При этом так предвзято и нарочито скандально выстраивает композицию своей книги, что начинает ее

именно с главы «Был ли Сталин агентом царской охранки?», хотя для автора это совершенно несомненно — «Был!» Правда, на всякий случай Волков предупреждает, что «мы еще не делаем окончательный, безапелляционный вывод, что И.Сталин был агентом царской охранки. Требуется тщательный анализ подлинности приведенных документов и показаний старых членов партии».

На счет «приведенных документов» сказать ничего не могу, ибо на их детальную проверку надо угробить половину жизни, но вот поведение вождя в Туруханской ссылке по отношению к Я.Свердлову и его несогласие в некоторых вопросах с Лениным накануне переворота 25 октября 17-го года, которые косвенно тоже как бы уличают Сталина в связях с жандармерией, понять как раз можно.

Существует так называемая биологическая несовместимость — и между И.Джугашвили и Я.Свердловым она явно просматривается. Будущий «отец народов» явно презирал этого болтливового, а главное, интеллигентного еврея, ему хотелось поставить его на место, а поскольку он был сильнее, то, как пишет А.Микоян, «отбирал иногда тарелку с супом» у потенциального Председателя ВЦИК. И вполне объяснимо то, что, по свидетельству О.Шатуновской, в этой ссылке «И. Сталин не принял активного участия в обсуждении животрепещущего вопроса о войне. Он стоял безучастно у притолоки и покуривал трубку» (а по жалобам Свердлова, которые он изливал в письмах своей жене: «Сталин занимался охотой на лис и рыбной ловлей». — *А.Л.*). Можно предположить, чем он тогда руководствовался: что толку точить лясы по «животрепещущим

вопросам», если в этой глухомани от нас ничего не зависит и все решается там — в Петрограде.

С Лениным Сталин был поначалу не согласен (позже он признал, что ошибался) по двум вопросам: с его лозунгом «Долой войну!» и с рядом положений «Апрельских тезисов». Но что же из этого? Он был уже сложившейся личностью, со своим мнением — почему это должно давать повод для некоего доказательства его связи с охранным отделением? Почему Ф.Волков не обвиняет в «шпионской деятельности» Зиновьева и Каменева, которые уже и вовсе открыто, в газете, выдали сроки большевистского восстания? Не по той ли причине, что первый прибыл вместе с Лениным в Петроград в пресловутом «пломбированном вагоне»? И отчего этот историк ни слова не говорит о самом «вожде мирового пролетариата», который устроил революцию в России на деньги «немецкой охраны», что доказывать уже не приходится, — это установленный факт.

По этой причине — умолчания грехов одного вождя и выпячивания пороков другого — я не вполне доверяю автору книги «Взлет и падение Сталина». Особенно другой его версии — об отравлении Сталиным Ленина, хотя, как бы ради объективности, вопрос формулируется так: «Был ли Ленин отравлен Сталиным?».

Я полагаю, что в глубине души Сталин изначально недолюбливал большинство своих соратников и особенно тех, кто просидел предреволюционные годы за границей, а после февраля 17-го года явились «на все готовенькое». Не исключено, что именно так он и

думал (и это в будущем стало для него одним из оправданий их последующего уничтожения), считая себя при этом истинным творцом революции — шутка ли, шесть арестов, четыре побега и постоянные ссылки. (Опять же к слову: какому провокатору захочется подобной собачьей жизни? И ради чего?.. Ради денег?.. Чепуха. «Экспроприатор» мог добыть их сам гораздо больше, чем ему могла заплатить «охранка». Тогда она, может, помогала ему каким-то образом делать карьеру революционера? И этого что-то тоже не видно.)

Ленин за семнадцать предреволюционных лет появлялся в России всего на *три* дня! Сталину это, конечно, было известно, и он не мог не испытывать неприязнь истинного революционера и к нему. Но тот как яркая, сильная личность был, безусловно, умнее, эрудированнее и жестче своего помощника. Именно жестче, ибо Сталин мог проявить это свойство своей личности пока лишь при воровских налетах, а Ильич куда шире — в общегосударственном масштабе, введя в стране после своего прихода к власти беспощадный «красный террор». А посему, несмотря на некоторые партийные разногласия, Сталин довольно быстро стал, что называется, смотреть ему в рот, сделавшись впоследствии его самым верным (по глубинной сути) учеником и последователем.

Да и сам Ф. Волков отмечает, что он «считал В.И. Ленина гением революции, человеком глубочайшего революционного предвидения». Не знаю, был ли в этом искренен Сталин, но автор не упоминает об одном общеизвестном факте — за восемь недель до Февральской революции Ленин изрек: «Жаль, что мы не

станем свидетелями падения царского режима в России. Сколько положено нами для этого трудов. И все же не стоит отчаиваться — царизм непременно свергнут наши потомки». Об отречении Николая II от престола, о революции он узнал из газет в Цюрихе. И тотчас бросился в Петроград (правда, в «пломбированном вагоне»), дабы успеть встать во главе тех событий, которые он «проморгал». Так что, какое уж тут «революционное предвидение»!

В главе «Версия о кончине Ленина» Ф. Волков пишет: «Троцкий прямо утверждал, что Сталин отравил Ленина. Он полагал, «что узнав о письме Ленина к съезду (в котором вождь предлагал снять его с поста генсека. — А.Л.), Сталин не захотел искушать судьбу и ускорил события». ...Троцкий делал вывод: «Если Сталин убил всех соратников Ленина (имеются в виду репрессии 37—38-го года. — А.Л.), то почему он не мог отравить и самого вождя?» Бухарин так ответил на этот вопрос: «Сталин способен на все».

То есть Сталин при помощи Ягоды, у которого «был специальный кабинет, где яды», отравил вождя, взяв себе в сообщники еще и двух лечащих его врачей. Какие же этому конкретные подтверждения? Их три. Одно — свидетельство Г. Каннера, личного секретаря Сталина. Вот оно: «21 января 1924 года этот фатальный приступ (у Ленина. — А.Л.) наступил. Крупская на минуту покинула комнату — ее вызвали к телефону. Когда она вернулась — Ленин был мертв. На его прикроватном столике валялись несколько ампул — они были пусты. В 7 часов 15 минут в кабинете Сталина

раздался звонок. Ягода сообщил, что Ленин скончался».

Давайте детально разберемся в этом документе. Во-первых, откуда эти подробности мог знать сам Г.Каннер? Не мог же он почти одновременно быть в комнате Ленина и в кабинете Сталина? Значит, с чужих слов или из собственной головы. Во-вторых, Г.Каннер должен был иметь «третье ухо» Сталина. Иначе как бы он услышал в телефонной трубке слова Ягоды? Или шеф оповестил его не только о смерти вождя (что возможно), но и о том, что об этом ему сообщил Ягода. Если Сталин действительно отравитель, то он вряд ли стал бы афишировать связь со своим сообщником. В-третьих: всего за одну минуту, на которую Крупская покинула Ленина, Ягода должен был успеть проскочить в комнату (и как — это бы явно кто-то заметил), вскрыть несколько ампул, буквально запихнуть их содержимое в рот вождя, заставить его все это проглотить (иначе не произошло бы отравления), оставив при этом следы своего преступления на тумбочке. (Он что — полный идиот? Если бы Ягода готовился к убийству, то наверняка бы все тщательно продумал.) И еще немаловажная деталь: когда Крупская, через минуту, вернулась, Ленин был уже мертв. То есть он умер от отравы мгновенно. (Обратим на это внимание, прежде чем перейдем к третьему документу.)

Вот второе свидетельство — уже повара вождя, который якобы поделился им с Елизаветой Лермоло, находясь с ней в одной тюрьме: «21 января в 11 часов утра, как обычно, он принес Ленину завтрак. В комнате не было никого. Как только Волков (повар. — А.Л.)

вошел, ему показалось, что Ленин пытается встать, протянул обе руки, пытаясь что-то сказать. Волков рванулся к нему, и Ленин, соскользнув с кровати, сунул ему бумажку в руки. Волков спрятал бумажку. В комнату вошел доктор Елистратов — личный врач Ленина, явно потрясенный случившимся. Вдвоем они снова положили Ленина на кровать, и доктор сделал ему успокаивающий укол. Ленин успокоился, полузакрыв глаза. Он никогда больше не открыл их. В записке, торопливо выведенной каракулями, было написано: «Гаврилушка, я был отравлен... иди и вызови немедленно Надю... сообщи Троцкому... сообщи всем, кому сможешь».

Начнем с того, что в этом документе множество несовпадений с предыдущим. Во-первых, по времени: в первом случае вождь скончался в районе 7 часов (правда, неясно — утра или вечера), в последнем — после 11 утра. Во-вторых, по участникам событий: согласно Г.Каннеру мертвым обнаружила Ленина Крупская, по утверждению повара — он умер при нем и враче Елистратове. В-третьих, по уликам: в одном свидетельстве — это были пустые ампулы, в другом — записка умирающего... В-четвертых — как мог парализованный вождь протягивать руки, сползать с кровати и совать бумажку в руки повара? Но если даже допустить, что при агонии такое возможно, то как Ленин написал записку, когда он не был способен не только писать, но и разговаривать? И если каким-то чудом все же написал, то можно ли поверить, что в предсмертных судорогах вождь каракулями выводил слово «Гаврилушка»?.. И вообще — текст записки явно литературен: «я был отравлен», а

не просто «меня отравили», «иди и вызови немедленно Надю», а не короче: «позови Надю». В-пятых — если Ленин попросил «Гаврилушку»: «сообщи всем, кому сможешь» о его отравлении, то почему он никому не сказал о записке и, только дождавшись тюремного заключения, поведал о ней Е.Лермолу, которая опубликовала эту «сенсационную» байку за границей в 1955 году?..

Наконец, третье «свидетельство», приведенное Ф.Волковым: «Анализ волос Ленина, осуществленный почти через 70 лет, показал, что «в корнях волос Ленина были обнаружены фаллодин и аманитин». Эти яды смертоносны, но их действие сказывается не сразу, а через несколько дней после отравления». Но как это согласуется с показаниями Г.Каннера? Из них вытекает, что вождь был отравлен в течение одной минуты. А если ему подсыпали или подложили отраву (Сталин или Ягода) за несколько дней до этого, то у Ленина за минуту до кончины уже были бы предсмертные судороги и Крупская наверняка никуда бы и ни с кем не пошла разговаривать по телефону.

Ф.Волков, автор книги «Взлет и падение Сталина» — профессор МГИМО, доктор исторических наук. Вызывает недоумение: как он может приводить подобные свидетельства, не сопоставив их друг с другом? Зато у него в заключение каждой подобной версии опять приводится соответствующая оговорка. Об отравлении Ленина Сталиным читаем: «Конечно, решающее заключение о кончине В.И.Ленина могут сделать только виднейшие представители различных отраслей медицины, со-

ответствующих лабораторий, хотя многое уже упущено, если учесть, что со времени события прошли многие десятилетия...»

О партийных и государственных делах Сталина и об уничтожении им своих политических противников написаны уже горы книг. Меня же его личность интересует с совсем иной точки зрения: существует, как я считаю, определенная зависимость всех его последующих деяний от взаимоотношений со своей второй супругой, Надеждой Аллилуевой. Брак с этой женщиной, на мой взгляд, и способствовал его окончательному превращению в очерстневшего деспота...

Когда астролог П.Глоба в одной из телепередач «Момент истины» вскользь сообщил, что Сталин изменил свой год рождения (правда, не указав точной даты), я сам обратился к восточным гороскопам и тотчас догадался, что вождь на самом деле родился не в 1879 году, а в 1878-м. Почему я так решил?

Естественно предположить, что человек всегда стремится уменьшить свой возраст, а не увеличить. А потом характеристика Кота (под этим знаком рождены люди в 1879 году) абсолютно не подходит Сталину. Судите сами: «Кот (или кролик) — счастливец, одарен, в меру честолюбив, приятный компаньон, скромный, сдержанный, утонченный, добродетельный... любит общество... общество любит его... светский человек. Кот не так быстро выходит из равновесия. Он спокоен, невозмутим... Кот — консерватор... ненавидит все, что

может поколебать его жизнь; все, что может вызвать осложнения. Больше всех он нуждается в комфорте и безопасности. Будучи осторожным и даже немного совестливым, он ничего не предпринимает, не взвесив все «за» и «против». За эту осторожность люди восхищаются им и доверяют ему... Кот может стать юристом, адвокатом, нотариусом или выбрать дипломатическую карьеру, при условии, что его жизнь не будет подвергаться рискам». Разве это наш «вождь всех народов»?

Но вот знак Тигра (1878 год). Он полностью соответствует характеру Сталина:

«Фрондер, не дисциплинирован. У него вспыльчивый характер, он всегда восстает не по чину. Он из того дерева, из которого делают революционеров и вождей. Вкус к риску у Тигра — вплоть до безрассудства, до неосознанных действий. Трудно сопротивляться его магнетизму... Он ненавидит повиняться, но заставляет слушаться других. Его уважают. Никто не осмеливается сказать ему правду-матку. Упорный и упрямый, сутяжнический в мелочах, он часто находится с кем-нибудь в конфликте... Тигр всегда идет вперед, презирает установленную власть, иерархию и консервативные умы. Это человек необыкновенного действия, исключительной судьбы и неожиданных ситуаций. Чувственный, эмоциональный и способный на глубокое размышление, сильную любовь, он, будучи очень страстным, редко бывает счастлив в любви. Тигр находится в постоянной опасности и в делах, любви, в дружбе почти никому не доверяет. Из-за вкуса к риску он постоянно играет с жизнью. Это человек насильственных смертей. Но это также — человек удачи...»

Однако самое поразительное, что я для себя открыл, сопоставляя гороскопы, — это то, что вторая жена Сталина, Надежда Аллилуева (1901 года рождения) — Бык! Что сие означает?.. А вот что: «Народная мудрость гласит, что Бык не может ни в коем случае жить с Тигром. Это развивает постоянную изнурительную борьбу, которая может закончиться только с уходом или с исчезновением Тигра. Бык, более сильный, будет нагружать и подавлять его до тех пор, пока совсем не уничтожит. Тигру в целях собственного сохранения необходимо первому расстаться с Быком...» — так написано в гороскопе Быка.

А вот выдержка из гороскопа Тигра: «Тигру не следует ничего предпринимать с Быком. В делах, любви, в дружбе — во всем. Бык всегда сильнее, а потому без промедления на него нападает, чтобы уничтожить. Если в одном доме Тигр и Бык, Тигру, чтобы уцелеть, надо уйти...»

То есть союз Сталина и Аллилуевой был изначально обречен на трагедию!

Но и это не все. Существует теория (и она очень часто подтверждается практикой) так называемых «векторных браков», согласно которой Бык является хозяином Тигра, над Быком — властвует Собака, она сама — подчиняется Петуху, Петух — Коту, Кот — Дракону, Дракон — Кабану, Кабан — Лошади, Лошадь — Крысе, Крыса — Обезьяне, Обезьяна — Змее, Змея — Козе, Коза — Тигру, Тигр — Быку, Бык — Собаке и т.д. То есть — вся взаимоподчиненность людей, родившихся под этими знаками, идет по замкнутому кругу.

Но что интересно: подобные «векторные браки», когда один властвует над другим, всег-

да идеальны в сексуальном отношении — на этой почве у них неодолимое стремление друг к другу и почти моментальное и полное взаимопонимание. Однако у партнера, зависимого в таком союзе, постепенно накапливается угнетенность, приводящая этого человека к нервному расстройству, так как «хозяин» постоянно его подавляет и, сам того зачастую не осознавая, подсасывает энергию у подчиненного. В результате почти неизбежно происходит разрушение зависимого знака, ибо он, хоть и ощущает свою наступающую погибель, как правило, не в силах освободиться от своего властителя — его к нему роковым образом тянет, как плюс к минусу.

И как это ни покажется читателю странным, но получается, что в такой разрушительной зависимости находился от Аллилуевой (Быка) Сталин (Тигр). Казалось бы, все внешне выглядело наоборот. Но именно внешне.

Вторую супругу вождя, считая ее жертвой тирана, Ф. Волков, ссылаясь на воспоминания современников Аллилуевой, описывает так: «Надежда Сергеевна была очень цельной, порядочной и глубоко восприимчивой натурой... Душой и сердцем Зубалова (дачи Сталина. — *А.Л.*) и кремлевской квартиры... В своем доме она была хозяйкой... хорошей семьянинкой, понимала свой долг перед мужем и детьми. Она была серьезной и строгой к себе и окружающим, исключительно сдержанной, трудолюбивой, держала себя в руках... Ее семейная жизнь была безрадостной, если не сказать очень тяжелой. Сказывался грубый, вспыльчивый характер Сталина, его нетерпимость, диктаторские замашки, проявлявшиеся и в семей-

ной жизни... Надежда Сергеевна... была одной из жертв И.В.Сталина».

Скорее всего, в глазах окружающих она такой и представляла. Но это лишь внешняя характеристика всякого Быка: «Терпеливый и молчаливый, сдержанный и медлительный, незаметный и уравновешенный, точный и методичный. У него дар вызывать людей на откровенность, это один из основных козырей его успеха. Он созерцатель, любит одиночество и редко бывает понят окружающими. Бык, как консерватор, ненавидит нововведения и, как правило, очень властен в семье».

А вот его истинная, внутренняя сущность: «Несмотря на свою спокойную внешность, это одержимый холерик. Хотя гнев его выливается редко, но от этого он не менее ужасен. Предпочтительнее не оказывать ему сопротивление: Бык упрям, нетерпим и может быть очень злым и опасным. Несчастье тому, кто окажется на его пути, — никого не щадя, он идет напролом, и ничто его не останавливает».

То есть выходит, что именно Сталин, с годами все более разрушаясь в браке с Аллилуевой как личность, был, что называется, на волосок от гибели. Но застрелилась почему-то она! Отчего это произошло? Попробуем, по возможности, в этом разобраться...

Сталин и его будущая вторая жена, как я уже отмечал, познакомились незадолго до октября 17-го года на квартире отца Надежды — старого большевика Сергея Аллилуева и ее матери Ольги. (Сталин знал их еще по Тифлису, но к этому мы еще вернемся.) У Аллилуевых в это время скрывался Ленин —

он опасался суда Временного правительства, потому что в прессе его уже объявили немецким шпионом. Надежде тогда было неполных 16 лет. То есть Сталин был старше ее на 23 года (а не на 22 — как указывают все исследователи).

Разница в возрасте, конечно, приличная, но если доверять теории «векторных браков», то в физическом плане обоих наверняка неодолимо потянуло друг к другу. Уж Сталина, который уже не один год ходил в холостяках — определено. (Не исключено, что по отношению к Наде у него сработал и «комплекс матери» — когда сын подсознательно стремится найти себе жену, похожую на мать. Как выяснилось позже, Аллилуева оказалась сходной с нею по своему темпераменту. А посему можно предположить, что в тот период Сталин испытывал двойственные чувства: иррациональную тягу к девушке и одновременно смутное ощущение опасности, ибо разум подсказывал, что супруга ему нужна как раз иная — абсолютно отличающаяся от его матери.)

Надежда еще училась в гимназии и, судя по письмам к подруге, была, в общем-то, далека от революции. Но окружающая ее полутаинственная атмосфера подполья, скрывающийся в доме Ленин — все это явно оказывало влияние на девушку и делало ее невольной участницей творившихся вокруг событий, которые, как она уже знала, подготавливали невиданное грядущее. Думается, что все партийные товарищи отца (в их числе и Сталин) выглядели в глазах Нади романтическими борцами-героями «без страха и упрека». Надо полагать, что Сталин сие отлично понимал (он, кстати говоря, был еще и хорошим пси-

хологом) и, давно уже поглядывая на стройную темноволосую красавицу, наверняка «расправлял перед ней все свои лучшие перья», пускал в ход свой магнетизм и обаяние. (А он, когда хотел, — мог казаться очень обаятельным.)

Как мне кажется, где-то через год произошла их первая физическая близость. Наверное, спонтанно и неожиданно для Аллилуевой. Но, думается, неожиданно и в другом смысле — она вдруг чувственно, что называется, «прикипела» к этому намного старше ее человеку, а он — к ней. Иначе зачем бы она отправилась за ним в 1918 году в самое пекло гражданской войны — Царицын?

Это доказывает и тот факт (его приводит в своей книге «Кремлевские жены» Л. Васильева), что мать Надежды — Ольга Евгеньевна — воспротивилась предстоящему брачному союзу дочери, назвав ее «дурой», но та не пожелала никого и ничего слушать. То есть предположения, высказанные некоторыми историками о том, что вождь взял Надю в жены обманом и почти силой, — на мой взгляд, несостоятельны.

В 19 лет Аллилуева родила мужу сына Василия, и можно полагать, что года три-четыре они прожили относительно счастливо.

Почему «относительно»? Вероятно, Сталин постепенно начал подмечать, что его супруга несколько не такая, какой он ее себе представлял ранее. Вроде бы действительно спокойная, уравновешенная — но вдруг неожиданный каприз, иногда даже легкая истеричность, а то и вовсе — агрессивная злость, которая ей явно не шла. В свою очередь Надежда Сергеевна стала понемногу «раскусы-

вать» своего супруга — эгоистичен, часто замкнут, упрям, стремится постоянно одержать верх над любым человеком, а теперь и над ней тоже — именно это ее больше всего и начало выводить из равновесия. Но у обоих еще быстро проходили друг на друга и досада и раздражение, ибо они пребывали пока в том брачном периоде, о котором говорят: «Милые бранятся — только тешатся».

Первая серьезная размолвка между ними произошла в конце 1922 года.

13 декабря у Ленина случились два приступа подряд, а 16-го — еще один. У него парализовало правую половину тела. Боясь, что в любой момент может наступить летальный исход, вождь продиктовал свое знаменитое политическое «завещание», после чего предупредил личных секретарей Л.Фотиеву и М.Володичеву, что до его смерти оно должно оставаться абсолютно секретным.

Как пишет Ф.Волков, Сталину стало об этом известно, и он попросил разузнать о содержании «завещания» свою супругу. (Аллилуева с 1918 года работала у Ленина дежурным секретарем.) Но та наотрез отказалась это сделать, хотя уже знала, что больной вождь дал в нем нелицеприятную характеристику ее мужу как грубому, нетерпимому человеку с диктаторскими замашками, и, выражая опасение его неумением пользоваться властью, рекомендовал членам ЦК снять Сталина с поста генсека и перевести на другую должность. Наверняка супруг негодовал и пытался убедить Надежду, что от этого «завещания» может зависеть его судьба, а, значит, и ее тоже, но Аллилуева была неумолима.

По каким мотивам?.. Только ли потому, что

не смела нарушить партийную дисциплину, или по той причине, что к этому времени уже сама была согласна с Лениным в отношении перечисленных им качеств ее мужа? Возможно. Но представляется, что решающий мотив поведения Надежды Сергеевны был иной: в ней впервые по-настоящему проснулся Бык, который, сам того толком не осознавая, повел «войну на уничтожение» с Тигром.

Но Сталин на то и был Сталин — он все-таки позднее выбил ленинский текст из Л.Фотиевой и успел до его оглашения (это произошло уже после кончины вождя, в мае 1924 года, на XIII съезде партии) предпринять некоторые шаги, дабы удержаться в роли генсека. Однако для этого ему пришлось унизиться перед Зиновьевым и Каменевым, а на самом съезде оправдываться, давая обещания исправиться. И он наверняка со жгучей обидой тогда подумал, а, скорее всего, сказал в лицо Аллилуевой: «И это называется жена!».

С этой поры между ними, что называется, пробежала черная кошка и началась их новая — скандальная полоса взаимоотношений...

«Бычий» характер Аллилуевой усугублялся еще и двумя немаловажными свойствами, доставшимися ей уже по наследству от матери, — шизофренией и неутолимимым, год от года нарастающим сексуальным темпераментом, который со временем стал приводить женщину ко все большей, вроде бы беспричинной раздражительности. Об этом пишет В.Успенский.

Но поначалу о самой матери — Ольге Евгеньевне, в девичестве Федоренко.

Как утверждает В.Успенский в своей книге «Тайный советник вождя», Ольга Федоренко

принялась жить половой жизнью уже лет с четырнадцати — жгучая брюнетка, обладающая броской красотой, она рано созрела. С будущим мужем — мягким, добрым и предельно доверчивым Сергеем Аллилуевым — она сбежала из дома совсем юной. Совестьливый Аллилуев иногда каялся, что «соблазнил несовершеннолетнюю девочку», и долгое время не догадывался, что до замужества у этой «девочки» было куда больше мужчин, чем у него, взрослого человека, женщин. После свадьбы они пошли у нее, что называется, косяком. Оставаясь одновременно женой, помощницей мужа и матерью, Ольга Евгеньевна умудрялась тайком их буквально коллекционировать. В.Успенский пишет: «Уж кто-кто, а она могла порассказать, чем отличается в постели армянин от поляка, грузин от мадьяра или грек от болгарина. К сожалению, она и рассказывала об этом на закате жизни слишком охотно, не испытывая угрызений совести...».

Например, такое — о достоинствах своей «черной розы»:

«...Черная роза»! Какие бури, какие страсти она у меня выдержала!.. И как вынослива черная роза! Знаете, однажды у меня было сразу двое мужчин, молодых, пылких мужчин, мы совсем не спали ночь, день и еще ночь. Много было шампанского... Им удавалось задремывать по очереди, но я-то была одна. Впрочем, это было уже, как во сне, но желание не исчезало, даже наоборот... Когда один из них воскликнул: «И после всего тебе даже не больно!», у меня хватило сил горделиво усмехнуться и сказать: «Еще! Хочу еще!». (Забегаю вперед, заметим: черную мраморную розу положил на могилу Надежды Аллилуевой по-

зади ее белого памятника и Сталин. Вернее, как деталь она была привнесена в надмогильное сооружение не без его подсказки. И это тоже знаменательно. Но потом она загадочно исчезла. Об этом тоже пишет В.Успенский в своей книге.)

В сладострастной натуре Ольги Евгеньевны смешалось несколько кровей: немецкая, еврейская, украинская и турецкая. И теща Сталина не усматривала в своих многочисленных похождениях ничего зазорного, ибо считала, что половой голод удовлетворять так же естественно, как и самый обычный.

Ну а что же ее муж — Сергей Аллилуев?.. Он, бедняга (а может, наоборот — счастливец?), долго не подозревал, что его благоверная постоянно утоляет свой «голод» на стороне, и узнал об этом лишь много лет спустя, когда переехал с ней в Москву, к Сталину и дочери. Он сразу порвал с супругой семейные отношения и, живя еще некоторое время рядом с Ольгой Евгеньевной то на кремлевской квартире, то на даче в Зубалово, относился к ней с презрением и безразличностью.

Но мать Надежды Аллилуевой оставалась невозмутимой. Возможно, только внешне? Известно, как пишет В.Успенский, что она принялась лечиться в кремлевской поликлинике от шизофрении и что Сталину об этом незамедлительно доложили. Так или иначе, но Ольга Евгеньевна ничуть не изменила своего раскованного поведения и после разрыва с мужем продолжала по-барски командовать прислугой, шоферами и охранниками, и единственная из всех близких вождя бесцеремонно называла Сталина по имени — «Иосиф». Она могла разговаривать с ним приблизительно

так: «Иосиф! Ты снова надымил, открой хотя бы форточку!» — или еще что-нибудь в таком же духе. И «Иосиф» почему-то молча терпел ее фамильярность. Любопытно почему?

Тут хочется вернуться к тому месту моего повествования, где говорится, что Сталин знал Ольгу Федоренко еще по Тифлису. Вот что сообщает по этому поводу в своей книге «Кремлевские жены» Л.Васильева: «В декабре 1900-го, когда он (Сталин. — *А.Л.*), тогда еще холостой, с Курнатовским (соратником Ленина. — *А.Л.*) пришел к Аллилуевым, Нади не было на свете. Появилась через девять месяцев. Ольга, жена Аллилуева, тогда прямо при муже то на него, то на Курнатовского вешалась...»

И еще — несколькими строками ниже: «Ведь это он, Сталин, когда-то в Баку спас ее (свою будущую жену. — *А.Л.*). Она играла на набережной и упала в воду. Он был рядом и одним движением выхватил ее из воды... Для себя выхватил?»

Подобный случай описывает и В.Успенский, с той только разницей, что это произошло на пляже, а сама девочка никуда не падала. Сталин просто выхватил ее из большой накатившей волны, которая могла утянуть маленькую Надю в море, в то время как Ольга Евгеньевна с кем-то кокетничала.

Действительно, в этом эпизоде есть что-то мистическое, но мне кажется, дело не в том, что Сталин «выхватил ее для себя», а в ином — он не дал утонуть человеку, которому было предназначено свыше (Д.Андреев сказал бы, что самим дьяволом) во многом разрушить вождя как личность и сделать таким, каким он

стал. То есть Сталин спас свое собственное несчастье.

Однако два последних отрывка Л.Васильевой я привел не только для того, чтобы сделать подобный вывод. Писательница в конце главы об Аллилуевой высказывает со слов одной старой большевички некое «маловероятное», «ужасающее», «чудовищное» предположение и вроде бы сама стыдится его. Но меня поразило не само «предположение», а то, что оно возникло и у меня. И задолго до прочтения книги «Кремлевские жены». Оно появилось после прочтения книги В.Успенского, хотя он никоим образом на это не намекает. Но если подобное «предположение» независимо друг от друга поселилось в головах нескольких людей, то выходит, оно не такое уж и «маловероятное». А именно: не мог ли Сталин быть отцом этого «своего собственного несчастья», самой Нади Аллилуевой? Заметьте: в декабре 1900-го ее мать вешалась ему на шею, а ровно через девять (положенных) месяцев появляется наследница. Чья?.. И потом — когда Сталин кинулся в волну за девочкой, он опять же был вместе с Ольгой Евгеньевной. Напрашивается мысль, что между ними, возможно, была физическая близость. И не по этой ли причине мать Нади поначалу восстала против возможного брака своей дочери, а впоследствии могла позволить себе фамильярно обращаться со Сталиным, называя его «Иосифом»?.. Не исключено (а это прямо утверждает «старая большевичка» Л.Васильевой), что Аллилуева могла об этом догадываться или на самом деле знать (она, по словам «большевички», «прижала мать к стенке» и та созналась, что ей и самой не ясно, от

кого дочь: то ли от Сталина, то ли от Курна-
товского); но так или иначе — это явно спо-
собствовало усилению появившейся в Надежде
Сергеевне на почве постоянного подавления в
себе сексуальных желаний нервозности и не-
избежно раздувало в ней ярость Быка, стремя-
щегося на уровне подсознания во что бы то ни
стало расправиться с Тигром.

Является ли сие предположение и вправду
«чудовищным», или нет, но деградация детей
Сталина и Аллилуевой (а такое часто случает-
ся именно в результате кровосмесительных
браков) налицо: их сын Василий, окончатель-
но спившись, умер в относительно молодом
возрасте; а дочь Светлана умудрилась несколь-
ко раз побывать замужем (она, кстати, как и
отец, — Тигр, а женщинам, рожденным под
этим знаком, гороскоп предсказывает множе-
ство приключений, которые часто могут плохо
кончиться) и теперь, переезжая из страны в
страну, как бы никак не может найти себе
места и на чем-то остановиться, ибо не в
силах убежать от самой себя.

Но возможно и другое объяснение рока,
сопровождающего потомство Сталина: дети
«отрабатывают» за предков (мать — самоубий-
ца, отец — тиран-убийца, две бабки — тоже
грешницы) их карму. Ведь и первый сын
Сталина — Яков — тоже ушел в небытие в
расцвете жизни, расстрелянный в немецком
плону в апреле 1943 года...

Итак, где-то с начала 1925 года для Сталина
и Аллилуевой началась тяжелая полоса их
совместной жизни с редкими просветлениями,
в итоге закончившаяся трагической развязкой:

В. Успенский довольно точно подмечает время и причину наметившегося раскола в их прежних взаимоотношениях: «Общая постель может накрепко соединить двоих совершенно различных людей, ежели они получают взаимное физиологическое удовольствие (убежден, что до поры до времени они такое «физиологическое удовольствие получали». — *А.Л.*), но эта же постель способна усилить рознь, даже ненависть между супругами, первое время вроде бы довольными и счастливыми. Давала знать себя разница в возрасте, а главное — утомляемость Иосифа Виссарионовича: он мало спал, редко отдыхал, выматывался на работе до изнеможения. (Это был тот период, когда после смерти Ленина в партии повелась ожесточенная борьба за лидерство между Зиновьевым, Каменевым, Троцким, Сталиным и Бухариным. — *А.Л.*) А Надежда Сергеевна, сидючи дома, сладко кушая и вволю отлеживаясь, только обрела женское понимание, женскую страсть: главным ощущением, мучившим ее, была острая неудовлетворенность, застилавшая все остальное, ввергавшая в беспричинное раздражение, заставлявшая метаться, тосковать и нервничать. (В. Успенский считает сексуальную неудовлетворенность Аллилуевой главной причиной, разрушившей ее брак со Сталиным. Но она явилась лишь дополнением, правда очень важным, которое отяготило разгорающееся соперничество Быка и Тигра. — *А.Л.*) Особенно проявилось это в тот период, когда Аллилуева носила, а затем возвращивала маленькую Светлану. (Светлана родилась в 1926 году. — *А.Л.*) Прямо бес на нее какой-то напал. («Бес напал» — представляется потому, что с рождением второго ребенка

свобода действий Быка по отношению к Тигру ограничивалась еще больше, и это приводило его к новым вспышкам ярости. — *А.Л.*) Все сильнее сказывалась в Надежде Сергеевне материнская кровь, заметнее проявлялась наследственность. Скверное брало верх над хорошим...»

Можно догадаться, что Сталин, будучи еще с детства абсолютно одиноким человеком, цеплялся за Аллилуеву как за соломинку. (Вероятно, единственная, кто на короткое время скрасил постоянное одиночество вождя, — была его первая жена, Екатерина Сванидзе, и потому можно верить, что он действительно нелегко пережил ее кончину.) Сталину, особенно в пору его «политических боев», хотелось обрести в лице Надежды Сергеевны помощницу во всех делах, по крайней мере понимающего его человека, с которым (единственным на свете) можно было бы поделиться самым сокровенным (убежден, что даже тираны испытывают в этом потребность, хотя тираном вождь тогда еще не являлся), и, на худой конец, иметь в доме покой. В своей семье он хотел найти надежный тыл, он хотел, чтобы его дом стал тем местом, где бы он на время мог расслабиться и вести себя не как один из лидеров партии, а как обычный смертный. Думаю, что именно так (расслабляясь) Сталин и пытался вести себя дома. Отсюда и его ночные застолья (Аллилуева их не переносила), и внешняя примитивность — такие, например, несколько глуповатые шутки (как рассказывал Троцкому Бухарин): Сталин пускал дым из своей трубки в рот маленькому Василию, чтобы тот быстрее становился мужчиной. Именно это и не понимала, а, вернее, не желала

понимать, его супруга и, подспудно восстанавливая, «накачивая» себя против мужа, усматривала в житейской обыденности вождя заурядность его натуры, которую он якобы тщательно от всех скрывал. И наверняка по этому поводу она не раз над ним колко подшучивала. Очевидно, что Сталин душевно как бы оказался загнанным в угол — быть «сверхсуществом» не только на работе, но и дома, где вместо уюта и отдохновения он все чаще встречал со стороны жены упреки, укоры, колкости и нарастающую неприязнь, переходящую в открытые ссоры.

Можно смело предполагать, что подобная атмосфера в семье и не менее тяжелая на службе день ото дня, из года в год угнетала психику вождя и, понемногу ее разрушая (что собственно и являлось главной целью Быка), неминуемо приводила к душевным стрессам. Нам уже известно, что Сталин был необыкновенно честолюбив и груб от природы, а посему, защищаясь от учащающихся нападений супруги-Быка, он стал грубить и ей и, не позволяя «садиться себе на голову», относиться к Аллилуевой почти деспотически. Она в свой черед принялась закатывать ему истерики уже не только наедине, но и теперь нередко при людях, что было особенно больно для его обостренного (к тому же кавказского) самолюбия и о чем Надежда Сергеевна была прекрасно осведомлена.

По описанию Ф.Волкова, наиболее типичные претензии к Сталину со стороны жены заключались в том, что муж в силу своего характера (а не из-за того, что Аллилуева невидимо для окружающих изводила его сама) был груб, деспотичен, крайне невнимателен

как к своим детям, так и к супруге, с которой он не разговаривал иногда по нескольку дней. Но почему не разговаривал — просто так, «с бухты-барахты»?.. Вряд ли.

А что касается невнимания к детям, то, например, Л. Васильева в своей книге указывает на отношение к детям самой Надежды Сергеевны: «Любую работу будет делать она (Надежда Аллилуева. — *А.Л.*), лишь бы не сидеть в кремлевских стенах с детьми и по ночам в застольях с мужем. Проблема детей решается просто — няня, экономка, ребята-чекисты из охраны на подхвате...» (Сюда следует добавить и «воспитателя Власика» — «вторую тень» Сталина, его основного телохранителя, который преданнее любой собаки стал служить ему сразу же где-то после 17-го и вплоть до 50-го года, когда Берии наконец удалось убрать его как соперника по «доступу к телу вождя». Но об этом — в третьей главе.)

Любопытно, что и Светлана Аллилуева явно под влиянием окружающих ее родственников целиком встала на сторону матери. В своей книге «Двадцать писем к другу» она пишет: «Мама была «великомученицей», отец был для нее слишком резким, грубым и невнимательным, что страшно раздражало маму... Как-то еще в 1936 году, когда мне было полгода, родители рассорились, и мама, забрав меня, брата и няню, уехала в Ленинград, к бабушке (к Сергею Аллилуеву, который окончательно порвал со своей блудницей Ольгой Евгеньевной. — *А.Л.*), чтобы больше не возвращаться. Она намеревалась там работать и постепенно создать себе самостоятельную жизнь. Ссора вышла из-за грубости отца... Отец позвонил из

Москвы и хотел приехать мириться и забрать всех домой. (Представляете, что значила и как была нужна этому семейному тирану Аллилуева, если Сталин при своей непомерной гордыне был готов куда-то ехать, дабы униженно мириться. — *А.Л.*). Но мама ответила в телефон не без злого остроумия: «Зачем тебе ехать, это будет слишком дорого государству! Я приеду сама!» (То есть со злорадством — отсюда и «злое остроумие» — ощутив свою очередную победу над Тигром, Бык решил продолжить с ним борьбу. — *А.Л.*) И все возвратились домой...»

Поразительно, что Светлана Аллилуева утверждает, что все это произошло (в частности, ссора — из-за грубости отца, а также то, что именно ответила ему мать по телефону) в то время, когда, по собственному признанию, ей было всего полгода! Ясно, что Светлана повторяет слова тех людей, которые наблюдали трагические взаимоотношения Сталина и Аллилуевой лишь с внешней стороны и наверняка не догадывались об их подсознательной «схватке Быка с Тигром».

Эта ссора (в 1926 году) случилась потому, что уже не могла не произойти. «Нарыв» давно созрел, и достаточно было любого повода, чтобы разразился грандиозный скандал, при котором, «сцепившись в открытом поединке», они наверняка излили друг на друга немало накопившегося в их душах. Не исключено, что Бык, нарвавшись на «Тигра всех Тигров» (а именно таким, на мой взгляд, и являлся Сталин), не смог одолеть его «с открытым забралом». В.Успенский пишет, что ссора закончилась истерикой, доведшей Аллилуеву до судорог. И Бык решил нанести Тигру

ответный удар за свое временное поражение демонстративным отъездом в Ленинград.

Что переживал Сталин, когда Аллилуева уехала? В.Успенский, который переработал рукопись близкого Сталину еще со времен Царицына человека, назвав ее «Тайный советник вождя», передает рассказ этого «тайного советника»: «Сталин был настолько взвинчен, что никого не хотел видеть, перестал пользоваться услугами цирюльника, брился сам. Властик пришел утром на мою половину (Сталин, когда Аллилуева уехала в Ленинград, провел несколько дней на своей «нелегальной квартире», за перегородкой которой и жил его «тайный советник». — *А.Л.*), сказал испуганно:

— Уж больно он странный, Николай Андреевич! (Так звали этого мало кому известного «советника». — *А.Л.*) Стоит у зеркала с бритвой и будто окаменел. Вода стынет, три раза менял, а он только правую щеку выбрил.

Сталин действительно находился возле зеркала. Скособочившись, подняв руку с бритвой до подбородка, он смотрел на себя тусклыми, желтоватыми глазами и, кажется, ничего не видел...»

Интересно, о чем думал Сталин в минуты такого «окаменения»?.. Не о том ли, что жизнь — «это неприятная обязанность»?.. Или о другом: а не полоснуть ли бритвой себе по горлу, дабы навеки избавиться от этой «обязанности»? (Наверняка и на «сильных мира сего» находят минуты подобной слабости...) А может, он во всех деталях уже обмысливал зловещий план уничтожения своих политических соперников?.. Ведь именно в этот период, когда началась тяжелая полоса в личной жизни вождя, он и обрушил на страну свои

первые репрессии, явившиеся как бы прологом 37-го года. В 26-м году, после предупреждения на Пленуме ЦК ВКП(б), что «страна может найти своего диктатора, похоронщика революции — какие бы красные перья ни были на его костюме», Дзержинский через несколько часов после этого своего заявления внезапно умирает. В январе 27-го года Сталин высылает в Казахстан Троцкого, в октябре вместе с Зиновьевым исключает его из членов ЦК, а в ноябре и вовсе — из рядов партии, заодно с Каменевым, Преображенским, Раковским, Смилгой и немалым числом других «героев Октября». Именно в эту пору все более ожесточающийся вождь решает окончательно «сломать хребет» крестьянству, задумывая свою насильственную «коллективизацию».

В.Успенский устами «тайного советника вождя» замечает, что когда в семейной жизни Сталина случались временные просветления, то и в государстве все было относительно спокойно, даже Ф.Волков вынужден признать почти то же самое: «Несомненно в личной жизни Сталина находится один из источников его политической жестокости, вероломства, предательства, преступлений, широким потоком обрушившихся на партию, на весь советский народ...»

И тут же, явно сам себе противореча, изрекает расхожий штамп: «Жертвой сталинского деспотизма, бесчестия... стала и его жена Надежда Сергеевна Аллилуева».

Но если она только «жертва», то отчего же «одним из источников» злодеяний Сталина явилась его личная жизнь? Неужели подобная «личная жизнь» была создана им самому же себе, как говорится, в наказание? И зачем?

Чтобы постоянно дергаться, переживать, озлобляться и по несколько минут стоять в оцепенении с бритвой в руке перед зеркалом?.. Почему Ф.Волкову, да и многим другим, не приходит в голову закономерный вопрос: «А может, не он один был повинен в своих семейных неурядицах?». Тем более, что женщина, как «хранительница домашнего очага», если действительно желает сей «очаг» сохранить, идет навстречу своему мужу, а не доводит его до умопомрачения. Нет, не желая допускать и мысли о том, что, «может быть, и сама Аллилуева была не совсем ангел?», яростно бичуют только вождя...

Возвратившись из Ленинграда, Надежда Сергеевна на некоторое время поутихла и попыталась вести себя намного сдержаннее по отношению к мужу, тем паче, что близкие к Сталину люди очень ее об этом просили, намекнув, что вождь находится на грани опасного душевного расстройства. Она пошла даже на большее: согласилась убедить супруга обследоваться и пригласить для этой цели домой звезду русской и мировой медицины, известнейшего невропатолога и психиатра Бехтерева.

Вождь всегда не любил врачей и крайне редко прибегал к их помощи (а под конец жизни и вовсе от них отказался), зная, как из истории, так, вероятно, и из собственного опыта, что им никогда нельзя полностью доверять. Но после «ленинградского скандала» он, видимо, и сам всерьез обеспокоился своим душевным состоянием, а поскольку считал, что все его «великие дела» еще впереди и осуществление их невысказанно без «железной воли», позволил себя уговорить.

22 декабря 1927 года Бехтерев дважды осмотрел Сталина: утром и вечером — после работы. О его визите, кроме Аллилуевой и «советника вождя», никто не был поставлен в известность. Даже Власик. Диагноз был таков: крайне неуравновешенная психика. прогрессирующая паранойя.

Паранойя (по-гречески «безумие») — это стойкое психическое заболевание, проявляющееся психическим бредом (без галлюцинаций), который отличается сложностью содержания, последовательностью доказательств, внешним правдоподобием и выражается в виде идеи преследования, ревности, высокого происхождения, изобретательства, научных открытий, особой миссии социального преобразования и т.д. Все факты, противоречащие бреду, отметаются, каждый, кто не разделяет убеждений больного, квалифицируется им как «враждебная личность»... Борьба за утверждение, за реализацию бредовых идей непреклонна и активна.

Очевидно, можно не без оснований полагать, что не только Сталин, но и все наши видные революционеры с их «идеей мировой революции» были отчасти, а иногда и полностью параноиками.

Бехтерев предписал вождю щадящий режим работы, свежий воздух, регулярный отдых, а главное — не нервничать, дабы снять психическое напряжение. Для Сталина, особенно в тот период, это было равносильно тому, что не дышать.

В.Успенский по этому поводу пишет: «Странно, однако: на самого Сталина заключение Бехтерева не произвело особого впечатления. Подозреваю, что ему говорили уже о

заболевании, и довольно давно. Вероятно, он имел дело с психиатрами еще до революции...»

Вождя явно обеспокоило другое — а что, если Бехтерев обо всем этом проболтается? Профессору самому за семьдесят, не со зла, а по старческой болтливости может кому-нибудь и ляпнуть: «Определенно ненормальный человек, а пытается захватить всю власть в государстве».

На другой день, а по иным данным — через сутки с лишним, Бехтерева не стало. Он неожиданно скончался от «желудочно-кишечного заболевания», которое было установлено при обследовании... мозга!

Ф.Волков пишет: «Странным было и то, что медицинские светила того времени, профессора Рассолимо, Минор, Крамер, Гиляровский, Ширвинский, Абрикосов, представители Наркомздрава даже не заикнулись о вскрытии и патологоанатомическом исследовании. Они только решили изъять мозг, а тело — опираясь якобы на волю усопшего, «предать сожжению в крематории». Более чем странно: при скоропостижной кончине, непонятном диагнозе — подозрении на отравление — вскрывать не тело, а мозг...» Хотя «все родственники Владимира Михайловича (Бехтерева. — А.Л.), кроме его жены, были против кремации».

По одной версии, ученого отравил при помощи «своей аптеки» Г.Ягода, по другой — Л.Берия с подручным-грузином, угостившие его вином и виноградом «из солнечной Грузии». Так или иначе, но Бехтерев был, несомненно, устранен Сталиным.

Напрашивается предположение, что догадалась об этом и Надежда Аллилуева. А наблюдая за крутыми действиями своего мужа-вождя

«по делам коллективизации», узнав о голоде, разразившемся вследствие этого на Украине, о первых, пока тайных арестах старых большевиков, она перенесла свою вражду Быка к Тигру уже на социальную почву и возненавидела супруга еще сильнее. Но, четко осознав, что этот «больной Тигр» крайне опасен и способен пойти на все, она или не на шутку испугалась, или до поры затаилась, решив отложить следующий «бой» на неопределенное будущее...

Здесь самое время вернуться к попытке самоубийства первого сына вождя — Якова, о которой было упомянуто в первой главе.

Итак — отчего же он стрелялся?

Но сначала вопрос — зачем «прирожденному монстру» (вспомним, что «отца народов» обвиняли и обвиняют в бесчеловечном отношении и к «беззащитному Якову», который якобы из-за этого и хотел покончить с собой), этому «дьяволу» (а именно такой многие видят непростую и лишь постепенно продвигающуюся к настоящему дьяволизму натуру вождя), зачем ему нужно было еще в 21-м году звать из Грузии так «ненавидимого» им сына (а Сталину приписывают и подобную «изначальную ненависть» к своему отпрыску, забывая, что он испытывал искреннюю привязанность к его матери — Екатерине Сванидзе), чтобы тот поселился в его доме?.. То есть, если допустить, что Сталин не любил сына с рождения (хотя это и необъяснимо), то, по крайней мере, очевидно, что он долгие годы вел себя по отношению к нему пусть как заурядный, холодный, но все же отец.

Тогда в чем же дело?.. Почему вождь изрек такую насмешливо-жестокую реплику (мол, «даже застрелиться — и то не сумел как следует») и отчего Яков, как только мало-мальски поправился, сразу уехал жить в Ленинград?

В.Успенский считает, что он тайно влюбился в Надежду Сергеевну, как только перебрался жить на кремлевскую квартиру в Москве и увидел ее, будучи еще четырнадцатилетним подростком. Однако для женщины, которая была на семь лет старше его, тайной это долго являться не могло. Она сразу все поняла, но не пожелала тотчас и в корне пресечь разгорающееся год от года чувство Якова.

Почему?

Возможно, из обычного женского тщеславия или просто от скуки, но, скорее, все-таки в силу своей чрезмерной чувственности, полученной по наследству от матери и послужившей одной из причин возникновения тяжелого невроза у Аллилуевой. Но, представляется, была и другая причина: где-то на подсознательном уровне Надежде Сергеевне доставляло какое-то тайное удовольствие (подчеркиваю — подсознательное), что сын ее «соперника» Тигра влюблен во «врага» Тигра — Быка, а это уже само по себе являлось немалой над ним «победой».

Однако Яков был Козой и находился в прямом знаковом подчинении «отцу-Тигру», а Бык, согласно восточному гороскопу, Козу должен опасаться, ибо она может вызвать нежелательную для него драму. Так и произошло.

Но предварительно хочу опять же привести текст В.Успенского: «Думаю, Надежда Сергеевна ничего не делала нарочно, обдуманно,

чтобы привлечь Якова. Но он, почти целыми днями находясь в квартире, видел эту женщину всякой: спавшей, полуодетой. в коротеньком облегающем халатике. При нем она не стеснялась кормить грудью, когда родилась Светлана. Все это вроде бы будничное, житейское. Ей, наверное, приятно было ловить восхищенные взгляды Якова, ощущать его волнение, трепет...»

Мне представляется вполне возможным, что, подсознательно соблазняя «сына Тигра», она не отдавала себе ясного отчета в том, что проводит разрушительную программу против этого Тигра, но тем не менее продолжала ее осуществлять.

И чем же все завершилось?..

«Днем Шура Бычкова, — пишет В.Успенский, — ушла, как обычно, гулять с детьми (Шура — няня и кормилица Светланы. — А.Л.), но что-то случилось у Васи (второй сын Сталина от Аллилуевой. — А.Л.): пуговица оторвалась или подтяжка, и они возвратились в неурочное время. Василий ворвался в комнату матери, няня вошла следом и обнаружила там Надежду Сергеевну и Якова в положении, несколько странном для обычной беседы».

В каком положении — автор не уточняет, но половой близости, вероятно, не произошло, она лишь только намечалась.

Вечером этого же дня, как отмечает В.Успенский, Аллилуева, видимо, не желая, чтобы муж узнал об этой сцене со слов маленького сына или няни, рассказала ему все сама. Но естественно, на свой манер и, скорее, преподнесла случившееся как шутку или недоразумение.

И все равно: Сталин пришел в дикую ярость. При своей болезненной мнительности он ни-

как иначе и не мог отреагировать на этот неожиданный удар. Разыгралась безобразная сцена «выяснения отношений». Наверняка вождь кричал супруге, что она, как и ее мать, проститутка и что он давно это чувствовал и оказался круглым идиотом, не послушав свою мать — та советовала ему жениться и во второй раз на простой грузинской девушке. Возможно, что и Аллилуева, уже открыто выплескивая давно скопившиеся желчь и злобу Быка к ненавистному Тигру, называла его политическим пигмеем, Чингисханом (так определял вождя Бухарин) и безжалостным самодуром-параноиком. После подобных обвинений отношения между супругами наладиться уже не могли.

Доведя саму себя и «противника» до нового психического стресса, Аллилуева все же торжествовала победу и особенно через несколько дней, когда Тигр как бы приполз к Быку оговаривать условия их дальнейшего совместного проживания.

Вождь, думая прежде всего о государственных делах, не собирался давать козырь в руки своих политических соперников. Он взял себя в руки и уговорился с женой (надо думать, не без адского терпения и не без ядовитых издевок с ее стороны), что как супруги они впредь станут жить лишь формально, соблюдая одни внешние приличия.

Почему Надежда Сергеевна согласилась на это предложение и не порвала со Сталиным окончательно? Тем более, что ее сестра, как пишет в своей книге Ф. Волков, впоследствии отмечала: «В последние годы перед трагическим концом Надежда Сергеевна все более и более приходила к мысли уйти от Сталина, порвать с ним навсегда».

Отчего она этого не сделала? Только ли из-за детей или благородства души? Но дети (если судить по ее предыдущему отъезду в Ленинград) для Аллилуевой были в подобном случае не помеха, а относительно благородства — то как его можно проявлять по отношению к тирану?..

Представляется, Быка удержала незавершенность «поединка». Уехать просто так, молча (да и куда — если всерьез?) — для Надежды Сергеевны было уже мало. Она, конечно, сильно бы «попортила кровь» Тигру своим разводом, но не смогла бы «насладиться» этим воочию, а ей уже хотелось «уничтожить» его прилюдно, на виду у близких соратников, чтобы все они могли это видеть.

Ну, а Сталин?.. Почему он не пожелал расторжения брака? Только ли по политическим соображениям?.. Осмелюсь предположить, что не только. Он, конечно, любил детей, особенно Светлану. Но, кроме того, вождь, вероятно, предчувствовал, что без Аллилуевой — последней в этом мире души, к которой Сталин был еще как-то привязан, — он как человек начнет духовно деградировать, и дьявольское начало, которое вождь давно в себе ощущал, но с которым все же временами боролся, окончательно возьмет в нем верх. Посему он до последнего держался за супругу, надеясь что каким-то чудом их семейная жизнь, пусть по истечении длительного срока, но, может быть, еще и наладится.

Так ли это, или по-другому, но они стали существовать, как уговорились. При этом Сталин, вероятно, по настоянию Надежды Сергеевны, не высказал Якову никакого упрека и не произнес ни одного обидного слова. Но тот,

отчаянно переживая свой позор как сына и неудачного любовника попробовал свести счеты с жизнью и, не желая того сам, вынес на люди семейную драму вождя, которую с большим трудом удалось замять...

Почему об этом почти нигде не пишут и не говорят и представляют Якова, а тем более Аллилуеву, исключительно жертвами страшного деспота?.. Ответ очевиден: эти обстоятельства личной жизни Сталина не накладываются на трафарет его «прирожденной духовной ущербности». Но зачем же, обличая одно зло (преступные деяния вождя в государственном масштабе), творить очередную неправду и тем самым порождать зло новое?..

А между тем, если принять во внимание вышеизложенное, проясняется многое: и в трагическом развитии характера Сталина — в сторону все большего ожесточения и подозрительности, и в мотивах самоубийства Аллилуевой, и, наконец, как в поспешном уходе Якова на фронт (продолжал из-за чувства вины подсознательно искать смерти?), так и в «странном» поведении его отца, который не захотел выручать сына из фашистского концлагеря...

Некоторые современники вождя утверждали, что в период формального проживания Сталина с Надеждой Сергеевной у него якобы появились любовницы. Их «поставлял» ему Лаврентий Берия, который все чаще начал приезжать в Москву из Грузии (там он являлся полновластным и почти бесконтрольным наместником вождя) и стал оказывать на своего шефа возрастающее влияние.

Сама Аллилуева в эту же пору, по описа-

нию В.Успенского, «металась... стараясь занять себя работой, учебой. Редкие тайные встречи с мужчиной не удовлетворяли, а только пугали ее. Прогрессировало расстройство нервной системы... Это отразилось и на отношении к детям. Они были неприятны Надежде Сергеевне, раздражали ее, она старалась меньше видеть их. Маленькая Светлана, пожалуй, не чувствовала наступившего отчуждения, а Василий болезненно переживал незаслуженную обиду...»

Не исключено, что Аллилуева узнала (случайно ли, или нашептал кто-то из «доброжелателей») о «романах» вождя то ли с какими-то парикмахершами, то ли с балеринами, да к тому же о том, что этими «дамами» ублажал ее мужа (пусть теперь только официального — но все же мужа!) сам Берия. Она давно испытывала к этому «скользкому негодяю» острое отвращение и нередко устраивала сцены Сталину, требуя, чтобы ноги этого человека не было в ее доме. Если все так и произошло, надо полагать, что Надежду Сергеевну обуяла не просто женская обида, но и неистовая ярость, которую она до поры до времени в себе сдерживала.

Публичный «бой» Быка с Тигром, столь долго ожидаемый Аллилуевой, произошел на квартире Ворошилова, в присутствии многих соратников Сталина и их жен, на банкете по поводу 15-летней годовщины Октября.

Накануне этой даты вождь, по свидетельству «тайного советника», «переживал далеко не лучшие дни... Жестокость, торопливость и непродуманность при создании колхозов, страшная, растянувшаяся на несколько лет голодовка, выкосившая население целых уездов, статья

«Головокружение от успехов», поставившая под удар работников низового и среднего руководящего звена, расплатившихся карьерой и жизнью за чужие ошибки, — все это привело к тому, что авторитет Иосифа Виссарионовича в партии резко упал. Открыто говорилось: Сталин становится диктатором, дальше так продолжаться не может, партии нужен другой, более разумный, справедливый, демократичный руководитель, свободный от груза допущенных глупостей».

Что же случилось в тот роковой вечер? На этот счет существует много разных толкований. Вот описания очевидца (а я склонен верить именно им) — все того же «советника» Сталина:

«...Провозглашались тосты: за победу, за революцию, за партию, за достигнутые успехи, лично за товарища Сталина... Пили. Только Надежда Сергеевна каждый раз ставила свой бокал совершенно нетронутым. На это не обращали внимания, так как всем было известно: она вообще в рот не берет никакого зелья...

После очередного тоста, очень приятного для него, Иосиф Виссарионович повернулся к жене:

— За это нельзя не выпить. Хотя бы один раз.

— Ты же знаешь, Иосиф, — сдержанно произнесла она. — Тем более сейчас, за этим столом.

Ему бы промолчать, не обратить внимания на ее каприз, не обострять, но он был уже разгорячен вином:

— Почему?

— Совесть не позволяет. — Голос ее звучал напряженно и дерзко.

А Сталин опять не понял или не захотел понять, что Надежда Сергеевна взвинчена, что она на пределе. Спросил:

— При чем тут совесть?

— Пир во время чумы! — вырвалось у нее. — Сборище демагогов! Вы тут болтаете о своих успехах, изощряетесь в похвалах, превознося друг друга, а по стране стон катится от ваших мудрых решений, половина земли не возделывается, мужики в город бегут, тюрьмы забиты до отказа.

— Перестань! — оборвал ее Сталин, поняв наконец, что началась очередная истерика. — Замолчи!

— Не хочу больше молчать! Вы разглагольствуете о свободе и демократии, а другим не даете и рта раскрыть! Люди затихли, люди запуганы, а я не хочу и не буду! Вы за роскошным столом жуете утиную постройку, закусываете мандаринами и рассуждаете, какой шашлык лучше, какой коньяк приятнее, а в эти минуты тысячи деревенских детей умирают с голода на руках беспомощных матерей. А чтобы никто не знал об этом в столице и за границей, ваши войска оцепили районы, охваченные голодовой, не позволяют людям выйти оттуда, ваши подручные сжигают вымершие деревни вместе с трупами, чтобы не осталось никаких следов... Кучка авантюристов, вот вы кто! Злобные карлики, связанные круговой порукой!..»

Вот как оно иногда оборачивается: юная, «восхищенная революцией» девушка, в которой постепенно накапливается подавляемая раздражительность от женской неудовлетворенности, становится борцом с государственной тиранией! В обличительном (и абсолютно справедливом) выплеске Аллилуевой смеша-

лось все: и ее «пламенное сердце, которое, по утверждению многих, «не могло больше молчать», и наследственная нервная болезнь, и ревность, и мучения от чрезмерного сексуального темперамента, и «бычий характер», который она сама не могла преодолеть, и роковая запрограммированность на разрушение личности собственного мужа, и, наконец, трагическая предопределенность «векторного брака» Тигра с Быком, в которой, по большому счету, не были повинны ни Сталин, ни Аллилуева.

Вероятно, подобного припадка бешеной ярости Бык и сам от себя не ожидал: стремясь «уничтожить» Тигра, он попутно сокрушил и его соратников-сообщников. И не только их, но и всю «систему», в которой долго существовал. Подписав ей «смертный приговор», Бык в своем необузданном гневе вынес его и себе тоже — он, победив в этой «схватке», как бы «сжег за собой все мосты к отступлению», а потому был уже обречен.

И надо думать, Аллилуева об этом догадалась: она потеряла все точки опоры для последующих «поединков» и в этой ненавистной реальности ей уже не было места. Но Бык на то и был Бык, чтобы сражаться до последнего издыхания. Надежда Сергеевна решила не просто уйти из жизни, а так «хлопнуть дверью», чтобы Тигру стало тошно до конца его дней.

Утром следующего дня ее обнаружили на полу спальни возле кровати, с простреленным виском, в луже загустевшей крови и с пистолетом в руке.

Сталин спал в другой комнате, которая находилась рядом со столовой. Когда его разбудили и сообщили о случившемся, «он, —

как пишет В.Успенский, — напрягся, как тугая струна, и, крепко сцепив пальцы, долго покачивался взад и вперед, сидя на постели, не поднимая головы. Потом... глянул какими-то застывшими и пожелтевшими глазами, произнес:

— Еще один удар в спину!».

Иногда, в доказательство того, что свою супругу застрелил сам Сталин, приводят его мрачные слова, сказанные после ухода Аллилуевой с банкета: «Она опозорила меня, она — враг!»

Но Надежда Сергеевна оставила мужу посмертную и явно мстительную записку: «Надо быть воистину гениальным человеком, чтобы оставить без хлеба такую страну, как Россия».

Если бы ее убил сам вождь, вряд ли бы он сочинил о себе такой текст. Убежден: самоубийство Аллилуевой явилось своеобразной мстью ему и одновременно тем последним ударом Быка, на который Тигр уже ничем не мог ответить.

Обратимся в последний раз к В.Успенскому:

«Когда близкие прощались с покойницей дома, он (Сталин. — А.Л.) подошел к гробу, склонился над ним. Что там увидел, что почувствовал — одному лишь ему известно. Лицо Иосифа Виссарионовича искажилось судорожной гримасой: злость, страх, недоумение читались на нем. Резкий отталкивающий жест правой руки был таким сильным, что гроб качнулся, голова Надежды Сергеевны сдвинулась на подушке».

Почему он ее оттолкнул?.. Думается, вождь «увидел и почувствовал», что она и после своей смерти будет по-прежнему досаждать ему и влиять на его судьбу. Отсюда и «злость,

страх, недоумение» Сталина. Он понял, что жена поставила на нем клеймо подозреваемого, с которым ему теперь суждено оставаться до самой смерти, а, может, и после нее.

Так, по сути, и произошло: вождя и до сей поры многие считают убийцей собственной супруги. То есть Аллилуева отомстила Сталину не только при жизни, но продолжает это делать и после его кончины — Бык не прекращает непримиримую борьбу с Тигром и в потустороннем мире.

А посему когда вождя обвиняют в том, что на гражданской панихиде он провел у гроба жены всего несколько минут, да и то — для фотокорреспондентов, а потом не поехал на кладбище на ее похороны — лично мне понятны мотивы его поведения. Какие могут быть похороны (к тому же «врага», которого он люто возненавидел), когда впору было хронить самого себя?..

После скандального и предельно оскорбительного для Сталина ухода из жизни Надежды Сергеевны в нем, надо полагать, все оборвалось и умерло. Личность вождя уже давно испытывала постоянную раздвоенность между звериным и человеческим началами. И именно жена до последнего момента, несмотря на все их распри, являлась для Сталина тем единственным существом, которое еще было способно согреть его сердце и поддерживать в нем человеческое. Но и с ней он потерпел крах — она «предала» (вождь не раз так говорил сам), да еще настолько жестоко, как не умудрялся это проделывать ни один из его смертных врагов.

Аллилуева как бы дала оправдание страш-

ным поступкам будущего тирана, ибо утвердила его в мысли, что жизнь гадка, мерзка, лжива и соткана из измен и подлостей; а люди в массе своей — ничтожны, злобны, продажны, трусливы и способны быть собственно людьми лишь благодаря силе. Это Сталин почувствовал еще в своем униженном детстве — к такому же итогу на основании опыта он окончательно пришел и в 54 года. Отныне люди как живые существа для вождя перестали существовать: они в его глазах превратились в «подсобный материал», в «винтики», в «навоз» и в «щепки», которые «летят, когда рубят лес».

Именно после самоубийства супруги (не раньше) Сталин бесповоротно сформировался в дьявола во плоти. Прекратилась последняя подпитка человечности, и его душа как бы окаменела.

Но... ненадолго. Это было «окаменение» перед взрывом, ибо сатанинской субстанции тоже требуется питание. Но теперь уже только кровь, а, вернее, — ее пролитие и связанные с этим страдания людей. (Д. Андреев называет подобную пищу дьявола — «гаввахом» и дает этому такое определение: «Тонкоматериальное излучение человеческого страдания, выделяемое нашим существом как при жизни, так и в нисходящем посмертии. Гаввах восполняет убыль жизненных сил для многих категорий демонических существ».)...

На страну обрушились аресты старых большевиков, загадочные смерти Кирова, Горького, Куйбышева, Орджоникидзе. Состоялись

процессы над Зиновьевым, Каменевым, Бухариным и их физическое уничтожение, затем были пущены в расход их палачи — Ягода и Ежов, следом — некоторые свои родственники, наконец, сорок тысяч человек из командного состава Красной Армии... И расстрелы, расстрелы, расстрелы еще сотен тысяч мелких «щепок» и «винтиков».

В 39-м году Сталин, насытившись «гаввахом», немного поутих и, оглядевшись по сторонам, вероятно, с удовлетворением хмыкнул в свои рыжие усы — благодаря «проделанной работе», он к этому времени (опять же — не раньше) предстал в глазах миллионов подданных уже всеобщим кумиром. Любимый постулат вождя — «насилие — повивальная бабка истории» — действовал, как он и ожидал, безотказно.

Так Бык-Аллилуева невольно помогла Тигру-Сталину превратиться в монстра. «Великий герцог Армении», предсказанный Нострадамусом, стал «великим диктатором России»...

Кому-то может показаться, что роковая линия «Быка и Тигра» в судьбе вождя и его жены — это нечто надуманное или просто случайное совпадение, которым воспользовался автор, чтобы выстроить их драматические взаимоотношения в соответствии с восточным гороскопом.

Но главный и самый яростный враг Сталина, который появился на его горизонте после смерти Аллилуевой — Гитлер — кто был он?.. Бык! Да еще какой!.. Это что — тоже совпадение?

Гитлер родился в 1889 году (он ровно на двенадцать лет старше супруги вождя) в ав-

стрийском городе Линце, на берегу Дуная, и был, как и «Великий герцог Армении», предсказан во второй половине XVI века Нострадамусом под именем «Гифтер». Но «Гифтер» — это латинское название реки Дунай, и прорицатель указал лишь на место его рождения.

Саму фамилию — «Гитлер» — грядущий тиран Европы присвоил себе позже, когда мечтал о карьере художника. До этого Гитлер был Шикльгрубером. Некоторые американские исследователи не так давно выяснили, что на четверть он был евреем. (То есть, как и Сталин, который изменил фамилию и национальность, будущий фюрер проделал то же самое, начисто «забыв» впоследствии о примеси «проклятой еврейской крови» и став истовым арийцем.) Однако не исключено, что на первых порах новоявленный Гитлер умело спекулировал этой самой «примесью», ибо в значительной мере благодаря еврейскому капиталу он и смог взобраться на вершину власти.

Как пишут американские исследователи, богатые евреи помогли ему по двум основным причинам. Первая: Германия в тот период была перенаселена евреями, и между ними развернулось ожесточенное соперничество за сферы торгового и финансового влияния. А посему некоторые из них, поощряя нарождающийся антисемитизм Гитлера, рассчитывали, что часть их соотечественников испугается назревающих погромов и, эмигрируя в другие страны, очистит коммерческое поле деятельности для оставшихся, — а именно для тех, кому и будет обязан «арийский вождь» своим становлением. (Сразу отметим: влиятельное еврейство Германии явно не ожидало, что

фюрер так «переборщит» с антисемитизмом и что вскоре, выйдя из-под их контроля и помятуя о «комплексе» своей еврейской «неполноценности», примется уничтожать евреев в массовом порядке... «Не рой другому яму — сам в нее попадешь!» — видимо, эта пословица подходит для всех народов.)

Вторая причина, побудившая еврейских капиталистов «сотворить нового мессию» немецкого народа, который быстро милитаризировал страну, заключалась в опасении растущей мощи Советского Союза. Для того чтобы в дальнейшем СССР не вздумал покушаться на мировые рынки, ему требовалось противопоставить не менее могучую Германию. Вряд ли «создатели фюрера» вынашивали планы прямого нападения на Россию, они, скорее, стремились хозяйничать пока только в Европе, но взлелеянный и вооруженный ими Бык и здесь порушил все их планы — он развязал мировую бойню и в смертельной схватке столкнулся лоб в лоб с Тигром.

Вот черты Быка, которые полностью соответствуют характеру Гитлера: «Может стать сектантом, вплоть до фанатизма. (Одержимость фюрера в отношении превосходства «арийской расы». — *А.Л.*) Он часто бывает шовинистом или ханжой. (В Гитлере сочеталось и то, и другое: более ярого шовиниста среди немцев еще не было, и такого же ханжи — он ревностно следил за нравственностью своих «партийных товарищей», а сам являлся половым извращенцем. — *А.Л.*) Его семья (в широком смысле слова, нация. — *А.Л.*) будет играть большую роль в его жизни. (Лозунг: «Германия — превыше всего!» — для фюрера был не спекуляцией, а действительно смыслом

его существования. — *А.Л.*) Он очень властен. (Это доказывать не требуется. — *А.Л.*) Бык сильнее Тигра и нападает на него без промедления. (Гитлер обрушился на СССР раньше сроков, которых ему советовали придерживаться ближайшие военачальники. — *А.Л.*) Он всегда идет напролом. (Немецкий вождь так «протаранил» государство, во главе которого стоял Сталин, от границ до Москвы, что тот, как уже было упомянуто, испугавшись полного краха, был готов ради мира с Гитлером отдать ему часть Украины, Белоруссии, всю Молдавию и Прибалтику. — *А.Л.*) Быка ничто не останавливает, чтобы уничтожить Тигра». (Фюрер в силу своей «бычьей природы» отказался от какого бы то ни было мира со Сталиным, но его все же сумели остановить: русская зима, застигнувшая врасплох полетному одетых немецких солдат, и... другой, не менее упрямый Бык. — *А.Л.*)

Кто же оказался этим Быком?.. Это генерал Власов (ровесник Аллилуевой)!

А.Солженицын почему-то считает, что он родился в 1900 году, тогда как другие историки указывают на иную дату — 1901 год. А послужная карта генерала во II отделе ЦАМО (Подольск) указывает на это прямо: «Власов Андрей Андреевич, 1901 г. р.».

Именно он первым погнал гитлеровские войска от Москвы, после чего и началось всеобщее контрнаступление уже под руководством Жукова. Но этот Бык-Власов, нанеся удар Быку-Гитлеру, волею судьбы был вынужден вскоре вступить с ним в союз против «вождя всех народов».

Воистину само провидение противопоставило Сталину этих трех «Быков» — Аллилуеву,

Гитлера и Власова — и каждому определило свои роли. Казалось, эта «троица» должна была стереть в пыль «Великого герцога Армении», но он устоял.

Почему?

Во-первых, думается, — по той причине, что они действовали разобщенно. Во-вторых, — Быки нарвались не на обычного Тигра, а наделенного еще и защитой демонических сил. (Вспомните слова Нострадамуса: «И старость его только ад охранит».) А, в-третьих, — они сами не являли собой светлых начал, потому им и не могло быть дозволено свыше одолеть «герцога».

Скорее всего, столкновение их отражало не борьбу тьмы и света, а некую «схватку» внутри сатанинского стана.

Как и Сталин, Гитлер, Власов и Аллилуева были одержимы жаждой самоутверждения. Первый — мечтал стать властелином мира, второй — правителем антибольшевистской России, третья — хотела во что бы то ни стало обрести полную независимость от вождя-мужа и одержать над ним верх.

Удивительно и другое: все они, опять же как и Сталин, на разных этапах своей жизни пытались соприкоснуться с Богом. Гитлер — будучи мальчиком, пел в костеле; Власов, подобно вождю, недоучился в православной семинарии; а Аллилуева в последние годы жизни, после разрыва с мужем, стала посещать церковь.

Но с приобщением к Господу у них ничего не вышло, ибо жажда утвердить самого себя, а не Бога в себе, рано или поздно выводит лишь на одну тропинку — дьявольскую.

Последним из трех Быков на нее ступил генерал Власов...

Часть третья

**НЕРОДИВЩИЙСЯ
ТРЕТИЙ
ДЬЯВОЛ**

На пыльном плацу лагеря для советских военнопленных под Винницей неровно выстроилась длинная шеренга солдат и офицеров без ремней и значков отличия. Вокруг стояли однотипные унылые бараки, ряды колючей проволоки и сторожевые вышки с охранниками.

Дородный немец-комендант, оглядев в строю лица красноармейцев, поинтересовался:

— Герр Власов?..

Один из офицеров ответил:

— Нету! На поверку он не выйдет!

Другой добавил:

— И не дождетесь!

Комендант вопросительно обернулся на немца, стоявшего позади него — интеллигентного капитана лет тридцати пяти, который явно не принадлежал к лагерной администрации. Это был тот самый человек, который переводил беседу высших немецких чинов с Яковом Джугашвили в штабе армий «Центр». Он спокойно перевел коменданту слова военнопленных, тот осуждающе покачал головой и решительно пошагал в один из барачков. Капитан помедлил и направился за ним следом...

Когда он вошел в комнату Власова, русский генерал, весь красный от гнева, стучал себя по лбу пальцем и раздраженно твердил толстому немцу-коменданту:

— Вы сундук, понимаете?.. Балбес!.. Вас

назначил сюда такой же дурак, как и вы сами!..

Комендант возбужденно тараторил ему по-немецки, что он нарушает дисциплину, что надо немедленно выйти из барака и, размахивая руками, грозил ему строгим наказанием.

Капитан по-русски обратился к Власову:

— В чем дело, генерал?.. Может, я буду вам полезен?

Генерал замолчал и обернулся.

— Вы кто... переводчик?

Офицер неопределенно улыбнулся:

— Примерно.

— Объясните этому непробиваемому солдафону, что наши командующие армиями не выходят на поверку вместе с солдатами. Скажите ему: не выйду и я — пусть хоть расстреливает! Смешно: с такими птичьими мозгами вы собираетесь завоевать и переделать весь мир!.. По Сеньке ли вы надели себе шапку?

Капитан что-то строго проговорил немцу, тот сразу замолчал, странно посмотрел на русского генерала и, двигаясь боком в дверь, исчез из помещения.

Власов в свою очередь с любопытством взглянул на офицера:

— Интересно: чем вы его так озадачили?

Тот объяснил:

— Я сказал ему, что вы не обычный пленный. Перед ним — глава будущего Русского правительства.

— Ого... — Генерал удивленно приподнял брови. — Выходит, он узнал об этом раньше меня?

Капитан вновь улыбнулся:

— Вы разрешите мне присесть?

— Милости прошу, — настороженно при-

гласил его Власов и первым присел на край своей железной койки.

Офицер опустил на опустившийся напротив на обшарпанный стул у деревянного стола и, оглядев более чем скромное жилище пленного, продолжительно побарабанил по крышке стола пальцами. Затем неожиданно предложил:

— Хотите, я кое-что о вас расскажу, господин генерал? А вы потом скажете: ошибся я или нет.

Тот с ироничной усмешкой разрешил:

— Ну... валяйте.

— Вы из крестьянской семьи со средним достатком... Тринадцатый ребенок. Учились в духовной семинарии, увлеклись благородными идеалами революции, вступили в Красную Армию и, как талантливый человек, быстро сделали блестящую карьеру военного. Правда, для этого вам пришлось стать членом партии. Притом, я полагаю, что в ВКП(б) вы вступили не из-за карьеры, а по убеждению. Но... пришло время и вы четко осознали: вас, как и многих, обманули. Большевики осуществили совершенно обратное тому, что обещали народу. Ни хлеба, ни мира, ни своих фабрик, ни своей земли...

Пленный сидел неподвижно и не сводил внимательных глаз с немца. У капитана были приятные черты лица и располагающая к себе манера обращения.

Немного подумав, он продолжил:

— Не знаю, когда это произошло... Подобный перелом в вашем сознании... Вероятно, во время службы в Китае советником у Чан-Кай-Ши, а может, после того, как начались расстрелы ваших самых видных генералов...

Власов вдруг тихо подсказал:

— Раньше... Когда приехал в гости к отцу, в деревню, будучи еще полковником.

Во взгляде офицера появился неподдельный интерес:

— А что там произошло?

— Ничего особенного, — глядя в пол, откликнулся генерал. — Просто я сразу подметил, что меня стали побаиваться земляки и избегать вести со мной откровенные разговоры, как прежде. Даже собственный отец. Я понял: моя полковничья форма — для них символ системы, при которой полагается держать язык за зубами, если не хочешь нажить себе лишних хлопот.

Странный гость понимающе покивал.

Власов поднял голову и метнул на него испытующий взор.

— Мою биографию, как я догадываюсь, вы раскопали в ваших секретных разведдосье. Но... откуда вам известно о моих мыслях?

Капитан пожал плечами:

— Умный и честный человек не может чувствовать себя в сталинской России иначе.

— А при Гитлере... извините за такую прямоту, вы чувствуете себя лучше?

Офицер покачал головой:

— Нет... Лично я — нет. — Он вновь посмотрел на генерала. — Наш фюрер, господин Власов, может принести Германии огромное несчастье. И, думаю, в самом скором времени.

Пленный с нескрываемым удивлением взорился на капитана. Затем в упор спросил:

— Кто вы такой?

— Сотрудник Отдела Генерального штаба Иноземные войска Востока — Вильфрид Штрик-Штрикфельдт. Родился и получил образование в Прибалтике. Один из тех, к со-

жалению, пока еще немногих немцев, которые не только сознают надвигающуюся катастрофу для всей нации, но и пытаются в меру своих сил и возможностей что-то сделать для ее предотвращения.

Власов сухо уточнил:

— Например?

— Ряд высших офицеров Третьего рейха из числа моих близких друзей ищут различные пути, чтобы образумить фюрера, заставить его изменить губительную политику на Востоке в отношении русских и пытаются уговорить его образовать на оккупированной территории с уже 60-миллионным населением Русское правительство.

— А зачем оно вам?

Штрикфельдт пристально взглянул на генерала.

— Прежде всего, оно необходимо вам — самим русским, которые хотели бы уничтожить режим Сталина... Или вы рассчитываете, что за вас это сделают немцы, а вы придете как бы на готовое?

Не неподвижном лице бывшего командующего не отразилось никаких эмоций.

— Почему вы молчите, генерал?

Он невозмутимо пояснил:

— Потому, что мне пока нечего вам ответить. Я привык тщательно обдумывать свои слова и поступки.

Капитан поднялся.

— Вот и отлично... Андрей Андреевич. Вы позволите вас так называть?

— Как вам будет угодно.

Штрикфельдт благодарно кивнул.

— Пожалуйста, взвесьте все «за» и «про-

тив»; — убедительно попросил он. — Я навещу вас снова примерно через неделю.

Капитан собрался удалиться, но Власов его остановил:

— Минуту... Моя повариха... Воронова. Вам известно, что с ней?

— Да. Как вы и просили, девушку переправили по месту ее прежнего жительства.

— Спасибо.

— Не за что, генерал. — Немец сдержанно поклонился и, прищелкнув каблуками, вышел.

Власов, оставаясь сидеть на неудобной для его роста, низкой койке, угрюмо ссутулившись, надолго уставился в нетесанные половицы...

...О жизни Власова до революции, о том, как формировалась его личность, почти ничего не известно.

Андрей Андреевич был некрасив, долговяз и несложно догадаться, что, будучи в семье тринадцатым ребенком, в детстве он был щедр, нескладен и, вероятно, выглядел, как гадкий утенок. Над его внешностью наверняка подтрунивали сверстники, и не исключено, что отсутствие внимания по отношению к нему со стороны противоположного пола, по мере того как он взрослел, причиняло ему немало огорчений.

Учитывая, что Власов родился в год Быка: «Начальник, руководитель, хотя и замкнут. Упрям и нетерпим к провалам в предпринятом им деле. Несчастье тому, кто окажется на его пути, — он никого не пощадит», можно предположить, что детские годы подрастающего Власова прошли в постоянных конфликтах,

нередко в драках и в многочисленных обидах на людей. Наверняка при его «бычьих претензиях» в нем рано вспыхнули честолюбие и стремление самоутвердиться в глазах окружающих: заставить их видеть не свой несуразный рост и худобу, а сущность.

Не исключено, что молодой Андрей считал, что по уму, по силе характера и другим способностям он намного превосходит ровесников и, скорее всего, так оно и было в действительности.

Возможно, первые годы становления Власова и Сталина были в чем-то схожи, ибо потребность самоутверждения, как правило, появляется у людей неблагополучных с рождения: либо очень маленьких, как Иосиф, либо чересчур высоких, как Андрей; стесненных жестокой нуждой, обделенных или вниманием близких, или физической силой, подвергающихся постоянным насмешкам товарищей или потерпевших фиаско в первой любви. Но — всегда одаренных либо интеллектом, либо мощной природной энергетикой. И тот и другой, как показало будущее, явились на свет именно такими людьми. Поэтому не случайны и их сходные пути в начале жизни (оба решили «самоутвердиться» на духовном поприще), и даже одинаковый сексуальный темперамент. Они впоследствии с лихвой наверстали упущенное в «женском вопросе» и были, что называется, неукротимыми по этой части.

Однако Власов, в отличие от Сталина, духовную семинарию оставил сам. Почему?..

Грянула революция, и он быстро переключился на новый способ самоутверждения — стал командиром взвода Красной Армии. То есть «бычье начало» молодого Андрея явно

одержало верх над Божеским. И надо думать, что с этого переломного момента (когда вместо Библии он взял в руки шашку) в душе Власова началась та роковая трансмутация, которая и привела его к трагическому финалу.

Вступив в большевистскую партию и быстро делая карьеру генерала, он, как мы уже знаем, продолжал верить в Бога. Но именно эта изначальная несовместимость, вероятно, и выковала из него противоречивую натуру. Страдая от своей душевной раздвоенности, он, скорее всего, и пристрастился к спиртному, дабы находить в нем забвение хотя бы на время.

Можно сказать, что во Власове круто замесались и свет и тьма, и он часто не мог отличить в себе одно от другого.

Но теперь, попав в немецкий плен, особенно...

Больше того: Андрей Андреевич как бы перестал понимать, что же в его нынешнем положении есть «свет», а что — «тьма»?.. Он воевал за Родину. Он предан Сталиным. Он по его вине в плену. Он получил от немцев предложение встать на их сторону и выступить против ненавистного ему вождя. Но Германия — не Родина!.. Как быть?..

* * *

Через неделю Штрикфельдт привез Власова в окрестности Винницы. Машина, в которой они приехали, остановилась на высоком, красивом холме. Внизу струилась полноводная, серебрящаяся под августовским солнцем река, за которой открывался простор с лесными далями.

Оба вышли из машины и сели на траву у края обрыва.

Неподалеку от берега несколько десятков русских пленных под присмотром немцев рыли окопы.

Генерал спросил:

— Не бойтесь, что убегу?

Капитан покачал головой.

— Вряд ли у вас есть теперь дорога домой. — И указал на бывших красноармейцев. — Думаю, как и у них.

— Отчего же так?

— Советский человек, побывавший в немецком плену, для Сталина уже не советский. Зачем им менять, как вы выражаетесь, «шило на мыло»? Немецкий плен на свой лагерь.

Власов вяло отмахнулся:

— Чепуха... Простите, капитан, но вы еще не до конца знаете русских.

— В каком смысле?

— Предоставьте им только возможность — большинство этих солдат тут же сбегут.

— Почему?

— Для русского лучше умереть дома, чем быть скотиной на чужбине. Ручаюсь, многие из них думают именно так.

— То есть, вы полагаете, что у... вас напроць отсутствует здравый смысл?

— Да нет. Просто в нашей натуре заложено и кое-что посложнее обычного расчета. А вот ваш хваленый немецкий «здравый смысл» я пока ни в чем не нахожу.

— Поясните.

— Вы в отличие от французских, бельгийских и других европейских пленных относитесь к нашим, как к быдлу. Почему? Чтобы с первых же дней максимально озлобить их против себя?.. В этом проявляется ваш рационализм?

Штрикфельдт, наклонив голову, некоторое время не отвечал. Наконец сказал:

— Вы безусловно правы, Андрей Андреевич... Поэтому-то, как и по многим другим причинам, я и мои единомышленники и добиваемся от фюрера согласия на создание Русского правительства.

— Да, конечно... — отозвался генерал и, глядя в землю, согласно и продолжительно покивал. — Однако очень сомневаюсь, что из этой затеи у вас что-то выйдет.

Капитан заметил:

— Сомневаться в том, к чему еще не приложено никаких усилий, бессмысленно, Андрей Андреевич. Вначале надлежит предпринять какие-либо действия. — И, посмотрев на Власова, поинтересовался: — Лично вы... что для себя решили?

Генерал сорвал травинку и задумчиво ее пожевал. Затем тускло проговорил:

— У меня четыре варианта, капитан... Всю эту неделю я почти не спал и сколько ни мучился, ни терзался — других не придумал... Первый: в случае победы СССР в войне меня ждет неминуемая казнь. — Он подбородком повел в сторону советских пленных. — У них — хотя бы лагерь и надежда выжить, у меня же нет и этого, как у «виновника» гибели 2-й ударной армии, как у «подлого труса», который, вместо того, чтобы застрелиться, позволил взять себя в плен. — Власов надолго умолк.

Штрикфельдт напомнил:

— А... какие другие?

— Вариант второй... Тоже не лучший. В случае поражения моей страны я раб новой Германской империи. Если, разумеется, не

сгнию до того в ваших концлагерях... А посему не вы... Вильфрид, — генерал впервые назвал капитана по имени, — а сама судьба вынуждает меня выбрать третий: встать на путь открытой борьбы за свободу своей России. Вариант четвертый — самоубийство — я исключаю как абсолютно бесполезный и крайне выгодный только для Сталина.

Немец тихо уточнил:

— Значит... с нашим предложением вы согласны?

— Да. — Власов кивнул. — На это стоит пойти. Ради одного того, чтобы вот они... — он вновь показал вниз, на подконвойных красноармейцев, — не умирали в ваших резервациях голодной смертью. Но... при непереносимых условиях.

— Я слушаю вас.

— Первое — Русское правительство должно быть независимым. В любом ином случае оно не будет пользоваться авторитетом. Второе — на его базе необходимо создать Русское Освободительное Движение из числа военнопленных и нашего оккупированного населения. Третье — мы получаем от Германии официальный статус союзника. В холуях у Гитлера я ходить не намерен, я никогда не стану иметь ничего общего с его наемниками.

Штрикфельдт, немного помолчав, произнес:

— Мне импонирует ваша программа, Андрей Андреевич. Но... мне бы хотелось, чтобы мы всегда были откровенны друг с другом.

Генерал ответил:

— Меня это устраивает больше, чем вас, Вильфрид... Что дальше?

— А дальше все будет очень и очень непросто. Вы должны быть к этому готовы.

Власов ждал, что он еще скажет.

— Фюрер, как мы надеемся, начнет прислушиваться к голосам здравомыслящих офицеров, когда немецкие войска повсеместно покажутся обратно. А так обязательно случится: если он не изменит цели этой войны: захват территории, повсеместный грабеж и порабощение русского народа вместо освобождения его от ига Сталина и его сподвижников.

Генерал усмехнулся:

— Поражение под Москвой... Неужели оно не привело в чувство вашего Гитлера?

— К сожалению, нет... А поэтому нам придется претворять вашу нелегкую программу в реальность лишь политикой «малых шагов». Иначе мы сразу восстановим фюрера против себя. Вот, кстати, один из подобных «шагов»... — Капитан достал из планшета отпечатанную листовку на русском языке и передал ее Власову.

Тот, читая, все больше хмурился. Наконец вернул бумагу обратно.

— Нет, — отрезал он. — Такое обращение я подписывать не стану. Категорически.

— По каким мотивам?

— Я готов осудить режим Сталина, и с этим местом в листовке я согласен, но агитировать воюющих красноармейцев переходить на немецкую сторону — увольте. Я профессиональный военный и не имею права призывать солдат к нарушению воинского долга. Это сразу же дискредитирует идею *добровольного*, — генерал подчеркнул это слово, — Русского Освободительного Движения.

Капитан согласился:

— Что ж... пожалуй, вы правы. Эту часть текста мы постараемся изъять.

— Не «постараемся» — а непременно!

— Да, обещаю. Но я рад, что мы пришли к согласию в главном. У вас имеются ко мне какие-либо просьбы?

Власов неопределенно пожал плечами.

— По лагерному быту — пока никаких. Но... не знаю, в ваших ли это силах?..

— Что именно?

— Что с Верой?.. Мне за нее страшно — Сталин наверняка не оставит ее в покое. К тому же... она беременна, Вильфрид.

— Хорошо. Я попрошу кое-кого навести о ней справки. Но это займет некоторое время.

— Да, я понимаю.

Штрикфельдт внимательно взгляделся в потухшее, исхудавшее лицо бывшего командующего.

— Скажите честно, — поинтересовался он вдруг, — а вам самому... не страшно?

— Вы о чем?..

— Вы сейчас сделали такой выбор...

Власов уставился в синюю даль своей бескрайней земли и долго не отвечал.

— Страшно, — наконец глухо признался он. — Потому что знаю: приговор всему вынесет только один судья — успех. Победителю он присудит звание героя борьбы за свободу своего народа, побежденному — вечное клеймо изменника Родины.

И немец и русский умолкли, каждый погружившись в собственные мысли...

* * *

Власов ошибался. До определения «победителя» или «побежденного» было еще далеко, но... «клеймо изменника» ему было приклеено довольно скоро. И не ему одному.

По заданию вождя на всю мощь заработала советская пропагандистская машина и слово «власовец» быстро стало нарицательным. Интересно, что до сих пор ни в «Советской энциклопедии», ни в энциклопедии «Великая Отечественная война 1941—1945 гг.» мы не найдем никаких сведений о самом Власове, а есть только упоминание о «власовцах», которые зачастую к самому Власову не имели никакого отношения.

Вот что пишет по этому поводу А.Солженицын в своей книге «Архипелаг Гулаг»: «Власовец» (то есть, по словам Власова, «наемник». — А.Л.) — вообще всякий советский, вооруженно принявший сторону противника в этой войне. Еще понадобятся годы и книги, чтобы понятие это проанализировать, выделить разные категории, и тогда в остатке получены будут «власовцы» в собственном смысле — то есть прямые сторонники или подчиненные генерала Власова с тех пор, как он в немецком плену дал свое имя для антибольшевистского движения. Таких сторонников в иные месяцы войны насчитывались всего лишь сотни, а собственно власовская армия с центральным подчинением и вообще по сути создаться не успела».

И еще: «Никакой РОА в действительности и не было почти до самого конца войны. Все годы несколько сот тысяч *добровольных* подсобников — *Hilfswillige* рассеяны были по всем германским частям на полных или частичных солдатских правах. Да, существовали добровольческие противосоветские формирования — из недавних советских граждан, но с немецкими офицерами».

«Несколько тысяч добровольных подсобни-

ков», — пишет А.Солженицын. В другом месте книги он приводит, в соответствии с данными немецких исследователей, более конкретную цифру — 800 тысяч.

Откуда же взялось такое огромное количество предателей?..

Снова ссылаюсь на «Архипелаг Гулаг», на отдельные из него выдержки:

«Кто это такие?

А это прежде всего те, по чьим семьям и по ком самим прошлись гусеницы Двадцатых и Тридцатых годов... Обо всех таких у нас говорят... с презрительной пожимкой губ: «обиженные советской властью», «бывшие репрессированные», «кулацкие сынки», «затаившие черную злобу к советской власти».

Один скажет — а другой кивает головой. Как будто что-то понятно стало. Как будто народная власть имеет право обижать своих граждан. Как будто в этом и есть исходный порок, главная язва: обиженные... затаившие...

И не крикнет никто: да позвольте же! да черт же вас раздери! да у вас бытие-то в конце концов — определяет сознание или не определяет? Или только тогда определяет, когда вам выгодно? А когда невыгодно, так чтоб не определяло?

Еще так у нас умеют говорить с легкой тенью на челе: «да, были *допущены* некоторые ошибки». И всегда — эта невинно-блудливая безличная форма — допущены, только неизвестно кем... А кем же еще, кроме имеющих власть, они могли быть «допущены»? На одного Сталина валить? — надо же и чувство юмора иметь. Сталин допустил — так вы-то где были, руководящие миллионы?..

Пока была наша сила — мы всех этих

несчастных душили, травили, не принимали на работу, гнали с квартир, заставляли подышать. Когда проявилась наша слабость, — мы тотчас же потребовали от них забыть все причиненное им зло, забыть родителей и детей, умерших от голода в тундре, забыть расстрелянных, забыть разорение и нашу неблагодарность к ним, забыть допросы и пытки НКВД, забыть голодные лагеря — и тотчас же идти в партизаны, в подполье и защищать Родину, не щадя живота...

Может быть, справедливо наконец допустить, что те, кого мы уничтожаем, имеют право нас ненавидеть? Или — нет, не имеют права? Они должны умирать с благодарностью?..

А еще не забудем, что среди тех наших соотечественников, кто шел на нас с мечом и держал против нас речи, были и совершенно бескорыстные и лично не задетые... но которые давно задыхались от всей нашей системы... городское меньшинство, и не такое уж маленькое, во всяком случае из нескольких миллионов, кто с отвращением выдергивал вилку радиотрансляции, как только смел; на каждой странице каждой газеты видел только ложь... и день голосования был для этих миллионов днем страдания и унижения. Для этого меньшинства существующая у нас диктатура не была ни пролетарской, ни народной, ни... советской, а — захватной диктатурой коммунистического меньшинства, весьма скотского характера...

Конечно, на этот короткий чумной пир слетелось и воронье, любящее власть и кровь. Но эти — куда не слетаются! Такие и к НКВД прекрасно подошли...

Но довоенная деревня — вся, подавляюще вся была трезва... она нисколько не разделяла обожествления батьки Сталина (да и мировой революции туда же). Она была просто нормальна рассудком и хорошо помнила, как ей землю обещали и как отобрали, как жила она, ела и одевалась до колхозов и как при колхозах, как со двора сводили теленка, овечку и даже курицу, как посрамляли и поганили церкви...

Началась советско-германская война через 10 лет после душегубской коллективизации, через 8 лет после великого украинского мора (шесть миллионов мертвых, и даже не замечены соседней Европой), через 4 года после бесовского разгула НКВД, через год после кандалных законов о производстве, и все это — при 15-миллионных лагерях в стране и при ясной памяти еще всего пожилого населения о дореволюционной жизни...

Вот здесь и лежат общественные корни тех добровольческих сотен тысяч, которые даже при гитлеровском уродстве отчаялись и надели мундир врага»...

Тяжело и страшно все это читать, но, ведь — правда! Но еще горше, представляется, правда иная: несмотря на антисоветские настроения деревни и «городского меньшинства», все же большая, преобладающая часть советских людей совершенно искренне и «вдохновенно верила в идеалы советской власти и беззаветно служила им», и действительно полагала, что «были допущены лишь некоторые ошибки». Верила, служила и считала так — не из корысти, не из-за боязни, а «по повелению сердца». Как ни хочется сие признавать, но большевики проделали колоссаль-

ную работу по перековке душ и умов значительной массы граждан, заменив в них Божеское начало на коммунистическое. Притом им удалось это проделать так, что люди зачастую «перековывали» свое сознание сами, без насильственной помощи. Объяснить подобное «чудо-самоперевоплощение» одним страхом — слишком просто. Бездумной любовью к самодержцу Сталину — тоже. Природным холопством, тупостью русского человека — и вовсе не годится. Такая версия — для отчаянных русофобов. Тогда чем же?.. А тем, что является следствием всякого богоотступничества. Будь то при демократии или при тоталитаризме.

Прояви Гитлер бóльшую политическую гибкость в отношении России и не задумай он обратить ее в колонию, помоги он освободиться русскому народу от диктатуры Сталина и предоставь он новому русскому государству полную самостоятельность (допустим такой фантастический вариант: Гитлер пошел войной на СССР исключительно ради установления там «демократических идеалов») — что было бы?.. А — ничего! При народе, лишенном Бога, — ничего человеческого. Возникло бы примерно то общество, которое пытаются основать нынешние безбожники-«демократы» — почти все сплошь в прошлом коммунисты.

Давно известно: человек устроен так, что ему невыносима духовная пустота. Изъяв из своей души чувство Бога (по принуждению ли, по собственному убеждению, или по той естественной причине, что человек уже родился в атеистическом обществе), люди инстинктивно стремятся заполнить зияющую в душе брешь хотя бы суррогатом духовного, как то

«социалистическими» или «общечеловеческими ценностями». И чем большая пропасть отделяет их от Создателя, тем неистовее они уговаривают себя принять то или иное новозычество. А когда «новая вера» начинает подкрепляться материально (бесплатное жилье, лечение, образование, ежегодное снижение цен 1 марта — у Сталина; приличный уровень жизни, в основном за счет других государств — в так называемых развитых странах), это ослепляет человека и вовсе. Вот он — долгожданный рай на земле!.. И вдруг обнаруживается (а сие обнаруживается на Западе с появлением так называемого «общества потребления», у нас — после краха социалистической системы и особенно с нынешним «беспределом»), что в подобном «раю» почему-то все больше появляется духовных дебилов и нравственных уродов. Экономика, например, в Америке процветает, а преступность почему-то все увеличивается. С чего бы?.. Ведь сегодня мы можем слышать со всех сторон: основа коррупции, взяточничества и вообще всяческого разложения — никудышная экономическая система. Дайте только провести реформы — в России тотчас наступят тишь и благодать. В каких снах они это увидели, если опыт «развитых (и рыночных!) стран» свидетельствует об обратном?..

И воочию видишь: и «социализм», и превозносимый так ныне капитализм — всего лишь две стороны одной и той же медали. И название этой медали — безбожие. И получается, пока мы надрывно спорим (и благо, если только спорим — но ведь топим друг друга в крови), что лучше — социализм или капитализм? — мы продолжаем ходить по «сатанин-

скому кругу». Вывод напрашивается сам: до тех пор пока мы будем видеть устройство или неустройство собственной жизни только в рентабельной или нерентабельной экономике, в удачной или скверной конституции, пока будем снисходительно «похлопывать по плечу Бога», считая его абстрактной выдумкой нашего «всемогущего» разума, а не действительной высшей энергией, с которой нельзя не считаться, как, к примеру, с энергией земного тяготения (а ведь не считаемся!), — до той поры, думается, нам от самих себя добра ждать нечего...

* * *

Сталин и Берия сидели в плетеных креслах на террасе правительственной дачи, залитой мягким солнечным светом, и играли за маленьким столиком в шахматы.

Начальник НКВД после долгого размышления решился наконец совершить ход ферзем, но тут же передумал и отдернул руку.

— Ай-вай, не так!.. Разрешите переходить, товарищ Сталин?

Вождь непреклонно отрезал:

— Нет!.. Что с возу упало — пропало, Лаврентий. Чекисты ошибаются один раз!

Берия поставил фигуру обратно, Сталин со стуком «съел» ее конем, мстительно сказал:

— Это тебе — за листовку Власова!

Лаврентий Павлович снял пенсне и, протирая стекла тряпочкой, которую он достал из нагрудного кармана, с легкой обидой напомнил:

— На всю страну, в газетах, по радио, объявили эту гниду изменником и предателем.

Маленькие дети — и те знают об этом. Что можно сделать еще?

Вождь вскинул на него тяжелый взгляд.

— То, что я сказал.

— Даю слово: максимум месяц ходить еще этому оборотню по земле! В его логово я готовлю засылку надежных людей, Иосиф Виссарионович. — И, надев очки, сделал новый ход. — Вам — шах!

Сталин криво усмехнулся и, быстро оценив ситуацию на доске, произвел рокировку. Затем хмуро спросил:

— Где этот... перевертыш сейчас?

— Перевели в Берлин, товарищ Сталин. У них там теперь штаб «Русского комитета».

— У кого — «у них»?

Начальник НКВД поморщился:

— Отбросы, Иосиф Виссарионович... Шваль!

— Конкретно?

— Бывший бригадный комиссар Жиленков — член Военного совета 32-й армии. Поднял, подлец, руки вверх в окружении под Вязьмой... Генерал-майор Трухин — из военной профессуры, преподавал, мерзавец, в самой Академии Генштаба.

Вождь напряг лоб:

— Трухин... Трухин... Тот, который теперь в Национально-трудовом союзе?

— Да, товарищ Сталин. Этот продажный недобитыш из дворянского отродья — заместитель председателя Исполнительного бюро НТС в Вустрау.

— Какую последнюю должность он занимал в нашей армии?

— Был заместителем начальника штаба Северо-западного фронта, Иосиф Виссарионович.

Сталин смерил Берию холодным взглядом.

— И ты позволил ему туда забраться?

— Почему я?.. — Начальник НКВД вновь обиделся. — Когда этого Трухина награждали орденом Красного Знамени за ликвидацию петлюровского движения, меня не было в органах и в помине! И не я вручал ему за отличную подготовку слушателей Военной академии ценный подарок.

— А кто?

Берия не без злорадства сообщил:

— Климент Ефремович!.. Он в свое время такую инициативу проявил. — И, чтобы как-то сгладить свою явную неприязнь к Ворошилову, добавил: — Но если бы не его чистка армейских кадров перед войной... под вашим, конечно, руководством, товарищ Сталин, сколько бы таких «высших», в кавычках, офицеров-перебежчиков оказалось сейчас у Власова?

Вождь мрачно нахохлился и, уставившись в шахматную доску, замолк...

(Забегая вперед, приведем данные из статьи Кирилла Александрова «С орденом Ленина — в союзники Гитлера», опубликованной в газете «Аргументы и факты» в 1996 году: «Большинство кадровых советских офицеров из числа перешедших к немцам оказалось в формированиях Власова (правильное название которых — «Вооруженные силы Комитета освобождения народов России»). Установлено, что в период с осени 1944 года по весну 1945 года в них служили 1 генерал-лейтенант Красной Армии, 6 генерал-майоров, 1 бригадный ко-

миссар, 1 комбриг, 42 полковника, 1 капитан I-го ранга, 21 подполковник, 2 батальонных комиссара, 49 майоров и т.д.».)

Сталин, продолжая смотреть вниз, тягуче спросил:

— Кто там... в этом «Комитете» еще?

— Урод без шеи — Благовещенский, — брезгливо назвал Берия нового власовского сподвижника. — Начальник военно-морского училища в Любаве, генерал-майор береговой службы. Малышкин — эта сволочь являлась главой штаба Дальневосточного округа. В 37-м, при чистке армии, мы его посадили, но в 41-м выпустили и отправили из тюрьмы на фронт в звании полковника.

Вождь, покачав головой, с желчным спокойствием поинтересовался:

— Почему не в звании маршала? — И снял с игрового поля противника «слона».

Тот, досадливо причмокнув от очередной потери, объяснил:

— И на старуху бывает проруха, товарищ Сталин!.. За Малышкиным не нашли вины. А видеть гниль изнутри — особый дар нужен... Вам опять шах!

— Слушай, тебе не надоело! — раздраженно произнес Сталин. — Глупый ход.

— Почему?

Сталин поднял на начальника НКВД темные колючие глаза и некоторое время смотрел на него не отрываясь. Затем жестко проговорил:

— Потому что есть более важный дар — понимать главное! Если Гитлер схватится за идею Русского правительства, а Власов сумеет

создать из пленных миллионную армию, мы окажемся за Уралом. А может — еще дальше!.. — И раздраженно ударил по доске «королевой». — Тебе мат, Лаврентий!

Вождь встал, сошел со ступенек террасы и размеренно пошагал прочь по садовой дорожке в глубь небольшого, осыпающегося листьями леса.

Берия остался сидеть на прежнем месте — он лишь из-под пенсне проводил Сталина холодным, неприязненным взглядом и чему-то нехорошо усмехнулся.

Между обоими, вероятно, уже зарождалась тайная и пока еще неосознаваемая ими дуэль — кто кого переживет. Начальник НКВД не мог не вспоминать судьбу своих предшественников — Ягоды и Ежова — и наверняка опасался, что рано или поздно подобная участь может постигнуть и его тоже, не опереди он в нужный момент «горячо любимого вождя» и не поставь ему свой «мат» сам...

Начальник НКВД уже давно ощущал к себе нарастающую, пока глухую и не вполне понятную ему неприязнь со стороны Сталина. Почему это начало происходить?..

Думается, по нескольким причинам. Вождь стал подмечать, что его ближайший помощник не столько служит ему, Сталину, сколько старается сводить свои личные счета с отдельными людьми и от этого порой страдает «общее дело». Во-вторых, он наверняка был осведомлен о похождениях Берии как сластолюбца, и это Сталину не то чтобы претило, а, скорее, вызывало раздражение. Казалось, что Лаврентий все больше чувствует себя в стране рас-

поясавшимся «хозяином», которому все дозволено. Наконец вождь не любил подолгу держать подле себя людей, которые были посвящены во многие его дела, скрытые от посторонних глаз, и потому периодически их расстреливал: себе на пользу, а окружающим — в устрашение.

Известно, что под конец жизни Сталин стал уже предпринимать кое-какие действия, чтобы избавиться не только от Берии, но и от таких «устаревших соратников», как Ворошилов, Микоян и Молотов. Вождь не случайно предложил на XIX съезде партии избрать вместо Политбюро Президиум ЦК и с 10 человек расширить его до 36. Вводя новых членов, он явно собирался сколотить из них такую группу «молодых», которые бы «съели старых».

Авторитет Берии стал падать в глазах Сталина с того периода деятельности, когда он не сумел найти общий язык с учеными, которые под его руководством работали над созданием атомной бомбы.

Лаврентий Павлович тогда схлестнулся с бесстрашным академиком Капицей. Тот позволял себе с ним спорить, не соглашаться и в результате нескольких тяжелых ссор написал заявление (прямо вождю) с просьбой освободить его от работы в Специальном комитете. Начальник НКВД позвонил академику и в повелительном тоне попросил явиться к нему в кабинет, чтобы обговорить этот вопрос. Капица ответил примерно следующее: «С вами мне разговаривать не о чем. Вам от меня что-то нужно, вы ко мне в институт и приезжайте».

Берия пришел в ярость и потребовал от Сталина санкции на арест академика. Вождь

на это не согласился, сказав, что таких, как Капица, у нас можно перечесть по пальцам, и с усмешкой посоветовал ему изучить основы ядерной физики. Однако ученого все же сняли с руководящей должности в институте, но оставили трудиться над «Проектом АБ» (атомной бомбы).

Дерзкому Капице этот «урок» не пошел впрок и он, как пишет А.Сульянов в своей книге «Арестовать в Кремле», продолжал в своих письмах к вождю обличать руководителя «Проекта»: «Товарищи Берия, Маленков, Вознесенский ведут себя в Особом комитете как сверхчеловеки. В особенности тов. Берия. Правда, у него дирижерская палочка в руках. Это не плохо, но вслед за ним первую скрипку все же должен играть ученый. Ведь скрипка дает тон всему оркестру. У тов. Берии основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. С этим у Берии слабо».

Сталин сильно засомневался в необходимости ему Лаврентия Павловича, но когда в 1949 году под Семипалатинском все же прогремел взрыв первой русской атомной бомбы, вновь «оценил» его и наградил орденом...

На первое открытое недовольство вождя Берия натолкнулся в связи с «делом Жукова». Не успокоившись на том, что маршал был уже «сослан» в Одессу, начальник НКВД вместе со своим подручным Абакумовым «наковырял» на него новый «компромат» от очередных мучеников Лубянки и, предъявив Сталину, потребовал ареста Жукова. Тот вяло перелистал пухлую папку и, хлопнув по ней рукой, сказал:

— Не верю! У Жукова есть завистники. Я

его хорошо знаю — не верю!.. А замашки Наполеона — у кого их нет? Есть и у тебя, Лаврентий, но ты их тщательно скрываешь. — Вождь глянул на него своим тяжелым, понижающим взглядом и погрозил пальцем: — Смотри! Не думай, что я ничего не вижу и не знаю. О тебе стали много говорить, Лаврентий. Не зарывайся!..

Жуков остался на свободе, а Лаврентий Павлович не на шутку струхнул.

Позиции Берии еще больше пошатнулись, когда Сталин неожиданно приказал арестовать министра госбезопасности Абакумова, — Лаврентий Павлович в свое время активно выдвигал своего друга на эту должность, а потом постоянно курировал его ведомство.

Абакумова по доносу его подчиненного — полковника Рюмина (он давно метил на место своего шефа) — обвинили в сознательном утаивании правды о «заговоре еврейских буржуазных националистов», которую он тщательно скрывал от партии и правительства. Палача бросили в подвал Лубянки и принялись с ним делать то, что он совсем недавно проделывал с другими, — допрашивать «с пристрастием».

Абакумов, ежедневно битый и пытаемый, стал беспрерывно посылать своему шефу письма. Вот выдержки из них, цитируемые по книге А.Сульянова:

«Дорогой Лаврентий Павлович! Прошло уже 2 месяца и 15 дней. Нет больше сил терпеть такой произвол, который имеет место в расследовании. В материалах много неправды и клеветы... Вы прекрасно знаете, что я целиком и всей душой предан нашему дорогому товарищу Сталину И.В. Таким верным сыном нашей партии я и остаюсь до конца своей

жизни... Режим устанавливается все тяжелее. У меня родился ребенок (жена резана), им нужна помощь... (Это особо трогательно, если вспомнить, как, по распоряжению Абакумова, обошлись с женой секретаря ЦК А.Кузнецова — тоже арестованного и расстрелянного — и с родственницей председателя Госплана Н.Вознесенского, разделившего ту же участь. Первую, беременную, избивали ногами в живот до тех пор, пока она с диким криком не выкинула из себя мертвого ребенка; а вторую, закованную в кандалы, бросили на пол узкой тюремной камеры и открыли на нее сверху краны с кипятком под давлением. Об этом пишет в своей книге А.Сульянов. — А.Л.) Вы можете смело сказать товарищу Сталину о том, что я крепко пережил, перестрадал, все необходимое понял и нужные выводы для себя сделал. Я безгранично люблю тов. Сталина... люблю и буду любить товарища Берия Лаврентия Павловича, и они моя защита... Жду вашей помощи. В.Абакумов».

«Дорогой Лаврентий Павлович» не ответил ни на одно письмо, он лишь пересылал их генеральному прокурору. Какая там помощь — ему надо было срочно спасти самого себя. Вождь, разгневанный доносом, который поступил на Абакумова, в гневе наорал на Берия и, перестав приглашать на свои ночные застолья, стал вместо «Лаврентий» называть его «товарищ Берия». Начальник НКВД явственно ощутил, как почва начала уплывать у него из-под ног.

Выручило «дело врачей», за которое он тут же взялся со всей ретивостью.

Оно началось с того, что профессор В.Виноградов, обследуя Сталина, обнаружил у него

расширяющийся атеросклероз мозга и предписал ему постельный режим с полным прекращением всякой деятельности. Подозрительный вождь, решив, что его «кто-то» при помощи врачей собирается отстранить от руководства, приказал Берии заковать Виноградова в кандалы и, «догадавшись», что он «действовал не один», приказал учинить расправу над остальными «вредителями».

Лаврентием Павловичем незамедлительно была «раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза», как было сказано в официальном сообщении. Народ заклеил «врачей-предателей», «врачей-убийц», которые «получали инструкции и указания от разведок США и Англии», и потребовал на массовых митингах их казни.

Врачей осудили, Сталин вновь стал называть Берию по имени.

Однако вскоре в «Правде» (а ее передовицы всегда редактировал вождь) на первой полосе появилось почти прямое обвинение в адрес начальника НКВД. «Органы безопасности не вскрыли вовремя вредительской, террористической организации... Тех, кто «проморгал» наймитов-убийц, ждет возмездие... оно не забудет о них и найдет дорогу к ним...».

Вероятно, с этого момента Лаврентий Павлович окончательно осознал, что «пассивно» ожидать своей участи больше нельзя. Не исключено, что в этот период он решил для себя: «Этому тирану достаточно и двух моих предшественников!» (Именно — «тирану», ибо, когда Сталин скончался, он первым, по сло-

вам С.Аллилуевой, выскочил в коридор и во все горло закричал: «Тиран мертв!».)

По восточному календарю Тигр — это человек насильственных смертей. Астролог П.Глоба, составивший гороскоп Сталина, абсолютно убежден, что вождь умер не без посторонней помощи. Это подтверждает и целый ряд наблюдений различных астрологов: каждые 36—37 лет на земле насильственно погибает глава государства. Так в 1882 году был убит Александр II, в 1918-м — Николай II, в 1953-м — Сталин, а в 1989 году — Чаушеску.

Я склонен согласиться с П.Глобой, что Сталин был убит. Существует несколько гипотез на этот счет. У меня есть своя версия гибели «Верховного герцога Армении».

Я тоже предполагаю, что вождя убрал Берия. Но как?.. И когда он начал осуществлять свой план?..

О загадочной кончине написано и высказано немало предположений, однако ни в одной статье, ни в одной книге я не встречал такое: по указанию начальника НКВД кто-то поставил на чердаке дачи Сталина поднос с ртутью, и ее тяжелые отравляющие пары, попадая через вентиляцию в кабинет вождя, постепенно сделали свое дело: накопившись в сосудах головного мозга, частицы тяжелого металла усугубили атеросклероз Сталина и его в конце концов хватил удар.

Об этом мне стало известно через знакомых, от тех рабочих, которые после смерти вождя разбирали чердак на его даче и обнаружили этот самый поднос. (Ртуть Лаврентий

Павлович убрать не успел, ибо вскоре был арестован, а затем расстрелян.)

Почему мне в это верится?..

Сталин в последние годы говорил о себе Хрущеву: «Пропавший я человек. Никому не верю... Сам себе не верю... Кругом сволочи, шпионы, продажные шкуры. Никому нельзя верить!»

То есть вождь достиг крайней степени подозрительности и потому вряд ли, как полагают некоторые, Берия сумел бы ему подсыпать яд в бокал с вином, когда накануне «удара» они остались один на один за столом после ухода гостей.

О том, что Сталин уже полностью не доверял Лаврентию, свидетельствует и такой факт, что он изгнал со своей дачи всех его «верных людей» и запретил им там появляться. Иначе говоря — вождь постоянно был начеку.

Я предполагаю, что Лаврентий Павлович, поняв это, принялся ломать голову над скрытым способом устранения своего шефа. Не исключено, что идею с ртутью ему кто-то подсказал, сам не ведая, для чего и для кого она может пригодиться. Берия наверняка сопоставил воздействие паров ртути с симптомами развивающегося атеросклероза Сталина и взялся за дело.

Но для этого ему было нужно устранить ближайшее окружение «кормчего», чтобы иметь прямой, без свидетелей, доступ как к нему самому, так и к его дому. И Лаврентию Павловичу это удается.

Сначала из сейфа давнего помощника Сталина — Поскребышева — неожиданно пропадает важный документ. Вождь в гневе — «и здесь враг!» Поскребышева арестовывают.

Следом скоропостижно умирает молодой комендант Кремля Косынкин — тоже близкий Сталину человек.

Наконец, Берия расправляется и с самым верным «псом» вождя, верно служившим ему много лет, — с начальником охраны Власиком. Он предоставляет уже маниакально подозрительному Сталину обличительные «документы» — тот «дает добро» на его арест и ссылку на десять лет.

Теперь можно беспрепятственно ставить поднос с ртутью. И начальник НКВД это делает. И ждет... Но самому страшно — а вдруг не дождется, вдруг вождь его опередит? А потому он наверняка продумал и «пожарные» варианты...

Когда описывают кончину Сталина, приводят такую деталь: Берия, близко склонившись к умирающему, парализованному вождю, пристально всматривался в него и якобы жадно ждал от Сталина хотя бы одного слова: «Ты!» — в том смысле, что «ты — мой преемник». (Вождь не оставил ни завещания, ни какого-либо распоряжения о будущем руководителе страны на случай своей смерти.) Я думаю иначе: начальник НКВД «пристально всматривался» в лицо Сталина потому, что боялся — этот дьявол догадался, что отравил его именно он, и сейчас может сказать об этом при всех, но он не даст ему это сделать: или заглушит слова Сталина собственным голосом, или как-то иначе.

Лаврентий Павлович явно был в каком-то особом возбуждении, отличаясь этим от всех присутствующих, которые были просто подавлены. Об этом вспоминает С.Аллилуева: «Только один человек вел себя почти неприлич-

но — это был Берия. Он был возбужден до крайности, лицо его, и без того отвратительное, то и дело искажалось от распиравших его страстей».

При этом, уже по утверждениям других свидетелей, «он нагонял на врачей страх зловещим вопросом: «А вы гарантируете жизнь товарищу Сталину?..» А до того, когда узнал по телефону об «ударе», случившемся с вождем, жестко приказал: «О болезни Сталина никому не говорите ни слова».

И, уже явившись на дачу и воочию увидев почти бездыханного «отца народов», заявил: «Что вы паникуете? Товарищ Сталин крепко спит».

И наконец, когда сын Сталина Василий закричал: «Они убили отца! Убили!» — По знаку Берии двое дюжих молодцов подхватили его под руки, вывели на улицу и впихнули в стоявшую у подъезда машину...»

О чем говорит подобное поведение начальника НКВД?.. На мой взгляд, об одном — он увидел, что ртуть «сработала», и, опасаясь, что врачи успеют «откачать» вождя, хотел продлить ее действие как можно дольше. Отсюда и возбужденность Берии, и его гримасы, и торжествующий вопль: «Тиран мертв!».

Сталин умирал мучительно: «Его дыхание сделалось шумным, прерывистым, с хрипами и клокотанием в горле; стали вздрагивать части лица, следом левая рука и нога, открывался и тут же закрывался рот. На лице умирающего все отчетливее виднелись следы страшных мук... Наконец донесся его тяжелый выдох, и все стихло», — пишет А.Сульянов.

Но «стихло» буквально на несколько секунд. Берия, по словам Микояна, тут же «по-

ехал брать власть», а остальные соратники вождя — без промедления брать его.

И взяли. Был суд, после чего ему порешили пустить пулю в лоб как иностранному агенту.

Лаврентий Павлович, узнав об этом, неистово орал и ругался: «Это беззаконие!.. Я требую!.. Я имею право на апелляцию! Я — член Президиума! Я — член правительства СССР! Я — депутат Верховного Совета! Это нечестно! Это несправедливо!.. Я — Герой Социалистического Труда! Я — Маршал Советского Союза!.. Вы не имеете права! Это сплошное беззаконие!..»

И требовал, умолял позвать к себе Ворошилова, чтобы тот во всем разобрался. Но Ворошилов был «того же поля ягода» — он в тюрьму не явился, отомстив ему за все прежние «подсидивания».

Генерал Батицкий, прервав истошные вопли Берии, выстрелил ему в голову. Тело Берии незамедлительно сожгли, а пепел вывезли за город и высыпали в овраг, куда местные жители сбрасывали мусор.

Интересно: знай об этом Лаврентий Павлович при жизни — повторил бы он весь свой пройденный путь?.. Полагаю, вряд ли...

* * *

Адольф Гитлер, откинувшись назад, сидел в резном кресле и, вцепившись обеими руками в подлокотники, переводил беспокойный взгляд то на руководителя Восточного министерства Розенберга, то на фельдмаршала Кейтеля. Они стояли по обе стороны от него и поочередно излагали свои соображения.

— После первого же обращения Власова к

русскому населению, мой фюрер, на нашу сторону перешли около 10 тысяч человек, — говорил фельдмаршал с вкрадчивыми интонациями. — Авторитет этого генерала несомненен, и было бы неразумно им не воспользоваться...

Розенберг прибавил:

— Его очень высоко ценил Сталин! Уверен, некоторое смягчение нашей политики на оккупированной части России крайне благоприятно отразилось бы на создавшейся там обстановке.

— Да, мой фюрер, — подтвердил Кейтель. — Сверхстрогий режим со славянами лишь увеличивает число партизан и в немалой степени затрудняет продвижение наших войск.

Розенберг опять подхватил:

— А создание для них своего Русского правительства во главе с Власовым, который бы...

Гитлер нетерпеливо замахал руками:

— Хватит, хватит!.. Я не так туп, как вы думаете! Я все понял!

Он резко встал, сцепил пальцы под животом и, нагнув голову, принялся долго и пристально рассматривать носки своих начищенных сапог. При этом фюрер к чему-то принюхивался и слегка подергивал носом... Наконец он прошел в противоположный угол кабинета, уселся в другое кресло и уже оттуда объявил:

— Этот русский мне не нужен!.. И пусть скажет спасибо, что он не еврей!

Руководитель Восточного министерства попробовал возразить:

— Но...

— Без «но»! — тут же пресек Гитлер. — Военный потенциал Сталина полностью ис-

черпан! Он скоро, как и под Москвой, опять приползет ко мне на брюхе и запросит пощады! Это данные нашей агентуры, которая нас никогда еще не подводила. К чему вешать себе на шею какое-то Русское правительство с этим... Власовым?.. Зачем мне такая обуза?..

(Любопытно: Гитлер и Власов так никогда и не увиделись, но как два Быка, которые не уживаются в одном стойле, тотчас ощутили друг к другу подсознательную неприязнь. Эта их одинаковая «набыченность» не позволяла им действовать сообща и в результате играла на руку Сталину... Случайно ли это — или таким был небесный «закрученный сюжет»?)

...Кейтель после некоторого молчания осторожно проговорил:

— Безусловно, мой фюрер, с этим правительством возникнут определенные сложности, но после победы над СССР нам все равно придется утрясать множество вопросов с этим огромным и беспокойным населением.

Гитлер вновь поднялся и выпрямился во весь рост.

— Половины его не будет — это во-первых! — заявил он решительно. — Что делать с остальными — подумаем, когда настанет время. Во-вторых, иметь русских в наших соединениях крайне опасно. Особенно — в виде отдельных, самостоятельных дивизий! В-третьих, этой скверной нации нельзя доверять. Никогда и ни под каким предлогом! Используйте этого... Власова для пропагандистских нужд. Ни для чего другого он нам не ну-

жен. — Фюрер вдруг опять уставился на носки своих сапог, и, вновь принюхавшись, спросил: — Что это может значить?

Розенберг тихо спросил:

— Что?..

— От этого гуталина — странный запах... Из чего его, интересно, изготавливают?

Министр и фельдмаршал непонимающе переглянулись.

— Не знаем, мой фюрер... — ответил за обоих Кейтель. — Мы этого не ощущаем.

Гитлер раздраженно сказал:

— Все должен знать и чувствовать я! За всех и всегда! А на что — вы?.. Вот и сейчас — я явственно чувствую запах гари! Вы понимаете?..

— Нет...

— Это предзнаменование!.. — разъяснил фюрер. — Сгорит их Сталинград!

Подчиненные обомлели.

Гитлер, повернувшись к ним спиной, приказал:

— Идите и занимайтесь Волжской операцией! И впредь не забивайте мою голову пустяками!

Министр и фельдмаршал вышли из кабинета, вновь посмотрели друг на друга и покачали головами...

* * *

Интуиция подвела фюрера лишь наполовину. Сталинград был разрушен почти дотла, охвачен небывалыми пожарами, но гарью с этой роковой для Германии битвы повеяло в сторону Третьего рейха.

Армия Гитлера стала явно «пробуксовы-

вать». Чтобы захватить Францию, немцам понадобился месяц с небольшим; для Польши хватило двадцати дней, до Москвы они добрались менее чем за полгода, а под Сталинградом — после трех кризисных для русских суток 13, 14 и 15 сентября — за последующие три недели немцы продвинулись всего на 500 метров. То есть фюрер начал вести бои уже не за страны, не за территории и даже не за города, а за отдельные улицы, дома и... этажи. Именно здесь, в сталинградском пекле, большинство немцев ощутили зловещий перелом в их грядущей судьбе, ибо поражение под Москвой они рассматривали лишь как временную неудачу.

14 октября 1942 года Гитлер вынужден был подписать приказ о переходе от наступления на Сталинград к стратегической обороне. 19 ноября в контрнаступление перешли уже наши войска и через несколько дней, преследуя панически отступающего противника, замкнули в районе Калача в кольцо 22 немецких дивизии. В котле оказались 330 тысяч человек. 90 тысяч были взяты в плен вместе с фельдмаршалом Паулюсом, остальные уничтожены. Они отказались сдаться в надежде, что кольцо будет прорвано танками Манштейна...

* * *

Власов рассеянно смотрел в окно на чистую берлинскую улицу.

— Странное чувство... — говорил он тихо, — понимаю: удар, нанесенный 6-й германской армии под Сталинградом, косвенно нанесен и по нам, но, как русский, в глубине

души не могу не радоваться. Какая-то идиотская раздвоенность... У вас — так же?

За его спиной в штаб-квартире Русского комитета за длинным столом разместились пятеро: Жиленков, Трухин, Малышкин, Благовещенский и капитан Штрикфельдт. Все сидели подавленные и угрюмые.

Генерал, не поворачиваясь к ним, ждал ответа. Первым отозвался Жиленков:

— По-моему, Гитлер и его окружение — это «клуб самоубийц». Притом предельно тупых. — У него были грустные и умные глаза, как у старой дворняги. — Вслед за собой они тащат в могилу и нас... Какая уж тут радость, генерал?

Власов обернулся. Он принципиально не носил немецкую форму — на нем были нейтральный френч без всяких знаков различия и черные штаны, заправленные в высокие сапоги.

— Да, — проговорил он задумчиво. — В успех нацистской Германии, — генерал подчеркнул слово «нацистской», — я, пожалуй, уже не верю тоже. Но еще больше я не верю в самораспад сталинского режима после окончания войны. Наоборот: победивший Сталин окончательно подомнет под себя все и вся. — Власов перевел взгляд на Штрикфельдта. — Вильфрид... ваши люди как будто собирались выйти на Гитлера с новой идеей — созданием проекта Общей Европы...

Капитан, не поднимая головы, ответил:

— К сожалению, фюрер не принял и это предложение. Замысел общеевропейского правового и государственного порядка на основах равноправия и самоопределения разных наций он попросту высмеял.

— Почему?

— Фюрер заявил, что никакая общеевропейская польза не может быть выше национальных интересов Великой Германии. Не для этого он затевал войну.

Малышкин — крепыш с волевыми, выразительными чертами лица, пристукнул ребром ладони по столу, громко заявил:

— Тогда нам ничего не остается, как противопоставить ему идею «Великой России»!

Федор Иванович Трухин вяло махнул на него рукой:

— Бросьте... — Он встал и, нервничая, заходил по комнате. Массивный, мощный Трухин превосходил ростом даже Власова. — Нацисты, господа, закусили удила, и их остановит теперь только могила. Жиленков в этом отношении прав.

Короткошей Благовещенский (Берия довольно точно описал его Сталину) горько заметил:

— О каких Соединенных нациях Европы можно говорить, если Гитлер в упор не желает видеть наш Русский комитет? Простите, господин Штрикфельдт, он, может, у вас и гений, но — самоуверенный идиот. Отклонив идею Русского правительства, он сделал то, что хотел Сталин.

В наступившем тягостном молчании немецкий капитан согласно покивал головой.

— Да, — подтвердил он, — все большее число наших высших офицеров приходят к мысли, что Третий рейх управляется уже не элитой и даже не партией, а одним человеком, чей разум, должно быть, помутнен. Фюрер становится почти неуправляем. И все же... Не будем терять надежды. Ведь немало и сделано. Всего за четыре месяца нашей работы создана

школа пропагандистов в Дабендорфе, стали издаваться две газеты для русских военнопленных — «Заря» и «Доброволец», наконец, о Русском Освободительном Движении начали писать и в серьезной немецкой прессе. А фюрер... Убежден, ему не избежать пересмотра своих взглядов на наш комитет после столь сокрушительного поражения на Волге.

Генерал его поддержал:

— Все верно. Нет, как говорится, худа без добра. Думаю, именно сейчас у нас впервые появился крупный шанс добиться от Германии статуса равноправного и независимого союзника. Россия — наша. Не Гитлера и не Сталина. И никакой ее колонизации мы не потерпим! Пусть даже и без нас, но рано или поздно она все равно будет принадлежать тем, кто хочет видеть ее великой, неделимой и свободной.

Жиленков вяло усмехнулся:

— Красиво, конечно, звучит, Андрей Андреевич... Но... нужны практические шаги, чтобы снова выйти на Гитлера. Розенберг, как ни пытался, нам не помог... Может, Гиммлер?..

Власов тотчас отсек эту идею:

— Только не гестапо!.. Нет-нет... Упаси нас от него Бог!

— Тогда кто?..

Члены Русского комитета вновь удрученно замолкли. Теперь надолго...

* * *

Рейхслейтер Лей — низкорослый, предельно категоричный мужчина с грубыми чертами лица — расставил кривые ноги на паркете

своей гостиной и, заложив руки за спину, снизу вверх взглянул на Власова.

— Я хоть и рейхслейтер, — объявил он, — но из простого народа. Церемоний не терплю! Поэтому спрашиваю вас сразу в лоб: какова истинная цель вашего визита ко мне?

Власов общался с ним через Штрикфельдта, который стоял с ним рядом. Сам он уже начал изучать немецкий язык, многое понимал, но говорил пока крайне плохо.

— Мне это как раз подходит, господин Лей, — сказал он. — И я отвечаю так же прямо: вы близкий друг Гитлера еще со времен возникновения национал-социализма. Я надеюсь, что вы сможете повлиять на него, если согласитесь с доводами нашего комитета.

С какими?

— Мне трудно понять, рейхслейтер, как немцы, обычно логичные и прозорливые, могут быть до такой степени поражены слепотой.

— Еще конкретнее?

Русский генерал пояснил:

— Ваше высшее руководство и, в частности, фюрер, до сих пор не соглашаются выделить подразделения наших добровольцев из немецких воинских частей, чтобы свести их в самостоятельные русские дивизии.

— Зачем нам это делать?

— Подобные дивизии, возглавляемые русскими офицерами, способны нанести Сталину смертельный удар.

Рейхслейтер усмехнулся:

— А мы, немцы, выходит, ни на что уже не годны?.. Или как?..

Власову не нравилось, что этот маленький немец не предлагает ему сесть. Сдержав в себе нарастающую неприязнь к этому человеку, он

постарался разъяснить суть дела как можно обстоятельнее:

— Речь идет не о достоинствах тех или иных сил, а об усилении общей наступательной мощи, господин Лей. В настоящее время русские добровольцы, которые служат в ваших частях, ощущают себя обычными наемниками и не знают, за что воюют. У них нет большой цели. Наряду с этим они видят страдания своих соотечественников в лагерях военнопленных и восточных рабочих, которым вы присвоили презрительные клички «остовцы» и «унтерменши».

— Лично я никому и ничего не присваивал! — Лей начал раздражаться. Отвернувшись, он беспокойно заходил по гостиной, потом сам уселся в кресло.

Генерал стиснул зубы. Он почувствовал, что этот человек начинает его все больше раздражать.

— По этой причине, рейхслейтер, я к вам и обратился. Чтобы не озлобиться на все и вся, бывшим советским солдатам нужна, повторю, осмысленная цель. Получить ее они смогут лишь в рядах Русской Освободительной Армии.

Тот едко поинтересовался:

— А почему мы не идем на ее создание, как вы считаете?

— Я полагаю, главная причина в том, господин Лей... что национальный эгоизм убивает не только сердце, но и рассудок. А у нас не так много времени. Если Красная Армия перейдет границы, тогда все порабощенные и униженные вами остовцы, унтерменши, наемники восстанут. И, грабя и устанавливая большевистский порядок, прокатятся по всей Германии. И горе немецким женщинам, детям, всем, кто сегодня унижает других людей...

— Достаточно!.. — Лей вскочил и быстро оказался перед русским генералом. — Хватит пророчеств! Я — не из слабонервных! — С трудом совладав с собой, он опять ушел в дальний угол комнаты и оттуда сообщил: — Ни в какие пророчества я не верю! Ни в ваши, ни в чьи-либо другие!

Власов негромко проговорил:

— Жаль.

Рейхслейтер вдруг заявил:

— Я, может, тоже хотел бы хорошего отношения к русским рабочим. Да, хотел бы! Но восточную политику делают другие — Розенберг, Кох, Заукель! И на это место их поставил сам фюрер. А фюрер — гений! Вы поняли?

— Нет, — твердо ответил генерал. — Я понимаю одно: вы все сидите на пороховой бочке. Гитлер плохо знает Россию, и если он по-прежнему будет смотреть на нее как на колонию, он проиграет войну.

Лей выкрикнул:

— А я повторяю: фюрер гений! Он знает, чего хочет, и видит намного дальше, чем мы все вместе взятые с нашими ничтожными мозгами! И никто и никогда не докажет мне обратное!

Власов переглянулся со Штрикфельдтом (тот давно уже испытывал чувство неловкости за рейхслейтера) и пристукнул каблуками:

— В таком случае разрешите удалиться.

— Нет, постойте!.. — Лей снова приблизился. — Вы мне объясните вот что: почему, по какой причине вы боретесь с большевизмом?

— Я изложил это со всей определенностью в своих «Открытых письмах».

— Читал, да! Но ваши листовки написаны

для дураков, для быдла! Меня интересует, почему переменялись ваши прежние взгляды? Например, чем вас обидел Сталин? Лично или как-то еще?

Русский генерал начал злиться уже открыто.

— Суть не в моей личности, господин Лей, а в моем страдающем народе. И мне жаль, что вы не понимаете и этого.

Рейхслейтер, вновь заложив руки за спину, как пружина, приподнялся на носки и опустился обратно, напоминая драчливого пестуха.

— Не понимаю и — не хочу! Я сказал, я человек из народа и не терплю пафоса! Если бы вы ответили просто: я ненавижу жидов и борюсь против Сталина, потому что он окружил себя жидами, — я бы вас понял! А так — ничего не понимаю!

— Евреи сегодня не имеют на Сталина абсолютно никакого влияния. А вы, немцы, вместо того чтобы направить все имеющиеся у вас силы на свержение этого монстра, воюете против невинных еврейских детей.

Лей побагровел:

— Я полагаю, нам не о чем больше разговаривать! — И демонстративно отвернулся.

— Я тоже, — сухо ответил Власов.

Не прощаясь, русский генерал быстро покинул гостиную рейхслейтера.

В коридоре он сквозь зубы сказал вышедшему вслед за ним Штрикфельдту:

— Дубина!.. Самоуверенный кретин!..

* * *

Оккупированный, полуразрушенный город выживал, как мог. На воскресную толкучку на пустыре среди развалин сошлись несколько

сот людей. Над толпой звучал бравурный марш, доносившийся со столба из репродуктора, и, если бы не торчащие вокруг остовы обгоревших домов, все походило бы на обычную барахолку.

В длинном ряду женщин самого разного возраста стояла и Мария Воронова. Она пыталась продать свои почти новые туфли. Покупателя не находилось, люди бросали на обувь, которую она держала перед собой, беглый равнодушный взгляд и проходили мимо. Был крепкий мороз с ветром, и девушка, замотанная в серый платок, давно продрогла.

— Что хочешь? — Перед ней неожиданно предстал кряжистый мужик с красным, обветренным лицом и с мешком за плечами. Видимо, из приезжих крестьян.

Мария окинула его взором.

— А что дашь?

Он придирчиво осмотрел туфли изнутри и снаружи. Наконец поскреб небритую щеку, предложил:

— Шмат сала или полмешка картошки.

Воронова подумала.

— Давай сало.

Оба произвели обмен, девушка сунула еду в тряпице за пазуху и заторопилась домой.

Поднявшись на второй этаж, она отворила ключом дверь в свою квартиру и обнаружила в прихожей двух незнакомых мужчин в черных пальто. Они сидели под стеной на сундуке и при появлении Марии лишь повернули к ней головы. Затем один из них спокойно поинтересовался:

— Воронова?..

Она испуганно произнесла:

— Ну?.. А кто вы?

Второй мужчина ухмыльнулся:

— Гости. Закрывай дверь и проходи. — Он кивнул в сторону комнаты.

Мария захлопнула за собой дверь и осторожно прошла, куда ей указали...

Там, на протертом диване, по-хозяйски развалился вальяжный полковник-энкэвдист Евтушенко. Тот самый, который прилетал на У-2 за Власовым в «волховский котел». Теперь он был в штатском. Завидев девушку, он остро сощурился:

— А... — сказал он нараспев, — пришла, красавица... Ну, садись.

Воронова медленно опустилась на край стула и плотно сомкнула колени.

Евтушенко откровенно оглядел ее пышную фигуру и, выдержав паузу, вдруг спросил:

— Жить хочешь?

Мария скованно откликнулась:

— А чего ж нет?.. Кому неохота?..

Полковник согласно покивал.

— Верно. Да еще в таком соку!.. Власова давно видела?

Девушка онемела.

— Вопрос слышала?

— Да... — ответила она наконец. — Давно.

Энкэвдист уточнил:

— Когда именно?

— Так это... Как в плен с ним попала. А после... уж нет.

— Вас, я слышал, обоих в сарае накрыли?.. В деревне.

— Ну?..

— Ночевали там, значит... голубки?

Воронова, опустив глаза, проговорила:

— Выходит, так.

— По генералу своему скучаешь?

Она промолчала.

— Скучаешь, вижу. — Евтушенко растянул рот в плотоядной улыбке: — Он, говорят, был кобель тот еще!.. Как дома оказалась?

— Он... Андрей Андреевич и попросил... Чтоб немцы меня... сюда, значит. Они и доставили...

— И ничего взамен не попросили?

— Нет.

Евтушенко бросил на Воронову тяжелый, испытующий взгляд исподлобья, жестко сказал:

— Гад твой Андрей Андреевич... знаешь?

Мария молчала.

— Так знаешь или не знаешь?

— Знаю, — отозвалась она тихо.

Полковник, не меняя хозяйской позы, уставился на нее, как удав, и, что-то обдумывая, продолжительно забарабанил пальцами по своему гладкому колену...

* * *

Нуждаясь в авторитетных сподвижниках, которых бы хорошо знали и уважали в Красной Армии, Власов прибыл к одному из таких в лагерь для военнопленных. Это был Михаил Федорович Лукин — генерал-майор, талантливый командир, истинный русский патриот, бывший командующий 19-й армией. В бою он потерял ногу, был захвачен в плен, и уже в 1941 году изъявил желание возглавить борьбу против сталинского режима, но затем, поскольку не получил от немцев гарантий национальной независимости для будущей России, отказался от подобного предприятия. Обо всем этом Власов узнал от Штрикфельда.

Теперь он стоял перед Лукиным и ждал ответа.

Тот, с черной бородой, в одежде военнопленного, примостился на чурбаке и, вытянув вперед правую ногу на культе-деревяшке, сидел, ссутулившись.

— Нет, Власов... — проговорил он с легкой неприязнью. — Для меня это уже отрублено. Вон... как нога.

— Ты не торопись, Михаил Федорович... Подумай сам: ты один из лучших русских генералов и, как и я, ненавидишь Сталина. Не тебе стоять в стороне от нашего Движения.

Лукин метнул на Власова косой взгляд.

— И что же ты мне предлагаешь... в этом своем Движении?

— Возглавить Русскую Освободительную Армию. Стать ее командармом.

— Вона как!.. — Он усмехнулся. — Не больше, не меньше. А что сам-то делать будешь?

— Я образу Русское правительство.

Лукин покачал головой:

— У тебя, гляжу, размах... А где сама армия-то?

Власов твердо заверил:

— Создадим. Людей — больше миллиона наберется. Главное — твое согласие.

Бывший генерал-майор проговорил:

— Образую... создадим... Ну, допустим. Допустим даже, что вместе с немцами победим и Сталина. А дальше?.. У тебя есть официальный договор с Гитлером? Есть гарантии, что он признает и будет соблюдать исторические границы России и ее независимость?

Власов потупил взор.

— Нет... Пока.

— Вот, видишь! А меня пытаешься сбить с

панталыку. Я, когда об этом подумывал сам, первым делом запросил у фрицев такие гарантии. Они вылупили глаза и решили, что я свихнулся. Слава Богу, оставили меня после этого в покое. А ты говоришь — «пока».

Оба некоторое время молчали.

— Оглянись!.. — Безногий генерал показал за спину Власова на виднеющийся сквозь растворенную дверь забор лагеря. — Там — колючая проволока. И она останется для русских и после твоей освободительной миссии. Если, конечно, эта миссия удастся.

— Почему?

— Я не верю, что у Гитлера есть хоть малейшее желание освободить наш народ. Это мы вначале так понадеялись. Теперь вижу — двуногий тягловый скот мы для немцев, не больше. А потому — всякое с ними сотрудничество будет служить только на пользу Германии, но не России.

Власову нравился этот прямой, честный человек, и он до последнего не хотел терять надежды сотрудничать с ним.

— Пойми, Лукин... И Сталин и Гитлер — они для меня одинаковые уроды. Дай только сбросить первого. Нашего. С новой, миллионной Русской армией мы тут же погоним обратно второго.

Генерал-майор с любопытством повернул голову.

— То есть... выходит, собираешься работать сразу на два фронта?

Власов мучительно проговорил:

— На один... Михаил Федорович. И название ему: борьба за свободу нашего народа.

Лукин впервые взглянул на него с сочувствием.

— Знаешь, в чем твоя трагедия... Андрей Андреевич?

— Ну?..

— В том, что Гитлер никогда не признает тебя независимым союзником. А посему в глазах других наших генералов, да и в моих тоже — ты останешься всего лишь наемником. К тебе никто из них не перейдет. Убежден.

Власов долго и тяжело смотрел в пол, не поднимая глаз.

— А если... — Он поднял голову, хватаясь за новую «соломину». — Если высшим немецким офицерам, которые помогают нашему Движению, все же удастся добиться изменения политики фюрера? Тогда — что?..

Безногий генерал невозмутимо ответил:

— Тогда и поговорим.

За территорией лагеря Власова ожидал в автомобиле Штрикфельдт.

Когда генерал уселся в машину, он по его виду все понял.

— Отказался?

Власов подавленно кивнул и некоторое время сидел, не двигаясь. Затем с яростью ударил себя кулаком по колену.

— Это необъяснимо! Ваши вожди не понимают, что их трусливое упрямство равносильно подписанию себе смертного приговора! Или они на самом деле основали «клуб самоубийц»?

Капитан тихо проговорил:

— Крепитесь, Андрей Андреевич...

Генерал взорвался:

— Я не дамочка, чтобы меня...

Штрикфельдт прервал его:

— Я не об этом.

Тот притих.

— Тогда... о чем?

Капитан отвел от Власова глаза.

— Мне нелегко говорить такое, но, вероятно, должен... Тем более вы сами просили узнать...

— Что?..

— Вера погибла на допросах в НКВД.

Генерал натянулся словно струна.

— А... ребенок?..

— Он — раньше. От побоев у нее случился выкидыш.

Власов нагнул голову и, сжав губы, окаменел, точно умер...

* * *

Берия читал Сталину очередное «Открытое письмо—обращение Власова к Русскому народу»... Читал очень тихо, иногда вскидывая из-под пенсне настороженные глаза на вождя:

— «...Не является ли большевизм и, в частности, Сталин главным врагом русского народа? Не есть ли первая и святая обязанность каждого честного русского человека стать на борьбу против Сталина и его клики?..» Может, достаточно? — напряженно спросил начальник НКВД. — Лично меня от этого тошнит, Иосиф Виссарионович.

Вождь упрямо потребовал:

— Нет!.. Дальше!.. — Он ходил по ковровой дорожке, будто маятник, и неотрывно смотрел себе под ноги.

Берия вернулся глазами к власовскому тексту, продолжил:

— «В последние месяцы Сталин, видя, что

Русский народ не желает бороться за чуждые ему интернациональные задачи большевизма, внешне изменил политику в отношении русских. Он уничтожил институт комиссаров, он заключил союз с продажными руководителями преследовавшейся прежде церкви, он вспомнил великие имена Александра Невского, Кутузова, Суворова, Минина и Пожарского. Он хочет верить, что борется за Родину, за Отечество, за Россию...» Хватит? — снова спросил Берия.

Сталин зло выкрикнул:

— Дальше!! — Он ходил все быстрее.

Берия опасно покосился на вождя — таким он его еще не видел. Затем отыскал в «Обращении» то место, на котором остановился.

— «...Этот жалкий и... — он невольно загнулся, — гнусный обман нужен ему лишь для того, чтобы удержаться у власти. — На лбу Лаврентия Павловича стали проступать капельки холодного пота. — Сегодня он говорит о Руси и русском только для того, чтобы с помощью русских людей добиться победы, а завтра с еще большей силой закабалить Русский народ...»

Власов, видно, попал прямо в цель — ибо Сталин вдруг схватил с тумбочки графин и с силой грохнул его об пол.

Берия застыл, уставившись на осколки и растекающуюся воду.

Вождь повернулся к нему с бешеными глазами, губы его тряслись.

— Почему он живой, Лаврентий?!.. Зачем?!..

Начальник НКВД смочил слюной вмиг пересохшую гортань, дрогнувшим, подсевшим голосом вымолвил:

— Он... осторожный шакал, товарищ Сталин... Мы заслали к Власову уже двух наших агентов, но у него — волчье чутье. Всех обезвредил. Но теперь ему конец... Эта его мерзкая листовка — она последняя. Даю слово: через неделю...

Сталин заорал:

— Нет! Сегодня!.. Завтра же! — Он подошел к Берии и с мясом вырвал из его пиджака пуговицу. — И — никаких больше слов!

Начальник НКВД побледнел.

— Но... Власов... он сейчас на фронтах, Иосиф Виссарионович... Ведет агитацию. Через семь дней — это достоверные сведения — он вернется в Берлин, а там... уже повариха.

Вождь остолбенел.

— Какая повариха?!

— Та, с которой его взяли в плен... Она все сделает — с ней хорошо поработали.

Сталин, яростно вспыхнув, так же внезапно успокоился и снова стал прежним — вождем.

— Хорошо, — сказал он ровным голосом.

Приблизившись к столу, он отсчитал на отрывном рабочем календаре семь листков и красным карандашом жирно написал: «Повариха!»...

* * *

Хочется отметить, что Власов в своем письме—обращении, которое Берия зачитал Сталину, как говорится, перегнул палку в отношении «продажных руководителей преследовавшейся прежде церкви». Его явно ослепляла ненависть ко всем действиям вождя.

Не Сталин использовал в своих целях церковь и русский патриотизм ради спасения

страны, а сама церковь, действительно доселе гонимая и притесняемая, в лице митрополита Московского и Коломенского Сергия первой призвала своих прихожан вспомнить о своих святых и героических предках и благословила всех православных положить свои души для защиты священных границ матери-Родины. Именно церковные иерархи, а не «вождь всех народов» были тому инициаторами — он лишь стал всячески способствовать религиозному и патриотическому порыву народа, не мешая ему набирать силу, ибо отчетливо осознал: остановить фашизм можно, лишь опираясь на православное начало русского человека. (Правда, использовал это до поры до времени, и в этом Власов оказался прав.) Но с начала войны Сталин принялся быстро пополнять свой лексикон непривычными для него ранее словами: «священная война», «правое дело», «великие предки», «братья и сестры» и тому подобными.

Уже в апреле 1942 года он распорядился широко отметить 700-летие знаменитой битвы на Чудском озере, а в Москве, несмотря на военное положение, разрешил празднование Пасхи, на которое в Богоявленский собор стеклись тысячи людей. В 1943 году вождь согласился наконец на избрание Патриарха Московского и Всея Руси и на регулярное печатание «Журнала Московской Патриархии». Следом были открыты духовная семинария и ряд монастырей, а через Совет по делам Русской Православной Церкви стали налаживаться взаимоотношения церкви с государством.

Думается, вряд ли стоит воспринимать все подобные «благодения» Сталина лишь с точки зрения политической выгоды. Несомненно,

в сложной натуре вождя был заложен и мистический, хотя и отрицательный аспект. А мистического во время второй мировой войны произошло немало.

Самое ее начало — 22 июня 1941 года — совпало с Днем Всех Святых, в Земле Российской просиявших, а день окончания — с Пасхой 45-го, на Георгия Победоносца — покровителя русского воинства.

Известны и такие факты: в разрушенном до основания Сталинграде уцелела лишь церковь Казанской Божией Матери с приделом в память преподобного Сергия Радонежского, а в превращенной в руины Старой Руссе и в блокадном, подвергавшемся бомбежкам, Ленинграде устояли все храмы.

Существует еще одно свидетельство необычного: при Курской битве на Прохоровском поле (она, как и Сталинградская, во многом решала исход войны) солдаты видели над собой небесное воинство, а сама она случилась в день памяти правоверных апостолов Петра и Павла.

Что сие значит — простые совпадения?.. Как-то не очень верится. Скорее, можно предположить, что с 41-го по 45-й годы война шла не только на земле. Одновременно вершилось что-то и свыше.

Существует история, полупредание, которая во многом объясняет изменившееся («некоммунистическое») поведение Сталина в период военных действий.

Рассказывают, что, когда немцы вплотную подступили к Москве, один православный зарубежный священник, который с первых же дней войны удалился отшельником в келью, несколько месяцев молился о спасе-

нии России. Там ему было видение Божией Матери. Она сказала: «Война послана России за ее грехи. Она одержит победу, если исполнит три условия: выпустит из тюрем всех священнослужителей и монахов, откроет все церкви и вновь обретет своего Патриарха. Москва будет спасена, если отслужат молебен перед иконой Казанской Божией Матери, а после этого обнесут ею трижды весь город». Этот священник встретился с русскими иерархами, те в свою очередь — со Сталиным и передали ему эти слова. На атеистического вождя это явно произвело большое впечатление, ибо он точь-в-точь все это выполнил, даже насчет иконы — после молебна с нею облетели на самолете вокруг города три раза... Москва устояла.

Понятно, что Сталин хватался за религию, как утопающий за соломинку, ибо верующим так и не стал (а, вернее — давно перестал быть), доказав послевоенной волной арестов, что эти церковные и патриотические причуды были его минутной слабостью. И все же... Не есть ли захоронение его тела из языческой усыпальницы в обыкновенную могилу — частичное прощение этого тирана Господом за то, что в свое время он Его послушал?.. И не являются ли зачастую наши земные представления о наказании ложными (многие в те дни 1961 года говорили, что Сталина из Мавзолея вышвырнули, по стране прокатились народные волнения, а в Тбилиси даже пришлось вводить войска), тогда как нередко это и есть Милость Божия?..

Если так, то первого узурпатора нашего народа — Ленина — он не простил и до сих пор, ибо, согласно православию, душа челове-

ка, чей прах не предан земле, вынуждена постоянно маяться и мучиться.

И не нынешние ортодоксальные коммунисты мешают захоронить его тело. Нет. Что они могут сделать против таких же коммунистов, назвавших себя демократами, надумай те всерьез вынести Ленина из Мавзолея? Ничего! Покричат, помитингуют и разойдутся. И страна «на дыбы» не встанет, ибо большинство здравых людей (а их все-таки большинство) к «делу Ленина», тем паче к его телу, относятся, по меньшей мере, равнодушно. Но он и до сей поры в «коммунистическом храме». Отчего так?..

Думается, по той причине, что не заслужили еще полного прощения свыше и все мы — вместе взятые...

* * *

Власов въезжал на автомобиле в Берлин и, сидя позади шофера, угрюмо взирал на мелькающих прохожих, вывески пивных, магазинов и на вымытые улицы. Столица Третьего рейха жила покойно и чистенько. Был уже конец апреля 1943 года.

Генерал возвращался из Северной группы войск, где он по собственной инициативе, не испрашивая на то разрешения у Гитлера, проводил очередную агитационную кампанию среди жителей оккупированных районов...

Вот что пишет по этому поводу А.Солженицын: «В самодельно сшитой, никакой армии не принадлежащей шинели — коричневой, с генеральскими красными отворотами и без

знаков различия, Власов совершил первую такую поездку в марте 1943 (Смоленск — Могилев — Бобруйск) и вторую в апреле (Рига — Печеры — Псков — Гдов — Луга). Поездки эти воодушевили русское население, они создавали прямую видимость, что независимое русское движение рождается, что независимая Россия может воскреснуть. Выступал Власов в переполненных смоленском и псковском театрах, говорил о целях освободительного движения, притом открыто — что для России национал-социализм неприемлем, но и большевизм свергнуть без немцев невозможно. Так же открыто спрашивали и его: правда ли, что немцы намереваются обратить Россию в колонию, а русский народ в рабочий скот? почему до сих пор никто не объявил, что будет с Россией после войны? почему немцы не разрешают русского самоуправления в занятых областях? почему добровольцы против Сталина состоят только под немецкой командой? Власов отвечал стесненно, оптимистичнее, чем самому осталось надеяться к этому времени»...

...Сейчас генерал чувствовал себя предельно уставшим и хотел только одного: смыть горячей водой дорожную грязь с тела и бухнуться часов на 12 в постель, чтобы хоть на это время забыть, кто он, где и зачем. Его тяготило какое-то смутное предчувствие беды. Откуда оно возникло — он не понимал. Дела шли, как и прежде, — со скрипом, тяжело, но все же шли. «Тогда что же меня тревожит? — подумал Власов. И тут же отмахнулся: — А, пропади они пропадом, эти безмозглые немцы! Будь что будет. Не хотят ничего слу-

шать — им же хуже... Нет, нельзя! — В нем тут же восстало «бычье начало». — Надо цепляться до последнего. Не может этот вислозадый Адольф не понимать своей же пользы... Не может!»

Водитель свернул в тихую улочку, впереди замаячил скромный особняк, в котором располагалась штаб-квартира Русского комитета. Глядя на этот дом, генерал сам себе усмехнулся: «Уже, вроде... как и родной».

У подъезда он выбрался из автомобиля, жестом отпустил шофера, бросил мимолетный взгляд на каких-то людей за решетчатой оградой небольшого палисадника, прошел несколько шагов, остановился и обернулся туда снова.

На скамейке спиной к нему сидела крупная женщина с узелком, рядом с ней молча бродил один их охранников Власова.

Генерал снял очки, протер стекла и внимательно всмотрелся в женскую фигуру. Потом неуверенно позвал:

— Маша...

Воронова оглянулась и несколько секунд сидела неподвижно, как бы не веря, что его видит. Затем кинулась к Власову со всех ног.

Повиснув на шее генерала, она ткнулась ему головой в грудь и всю зарыдала.

Власов и так был удивлен ее неожиданным появлением, а тут опешил еще больше.

— Да ты что?.. — Он стал водить рукой по ее спине и волосам. — Откуда свалилась?.. Машка!.. Ну, будет, дуреха. Ты чего это разнюнилась — на себя не похожа!..

Мария, не поднимая лица, судорожно глотала слезы:

— Я... Они послали... К вам!..

Генерал ничего не понял:

— Кто?..

— Они... НКВД!.. А я согласилась...

— Зачем?..

Женщина вскинула на него глаза, полные боли.

— Видеть вас, Андрей Андреевич... Душа измаялась... А они — велели!..

Власов слегка ее встряхнул:

— Да объясни ты толком!

— Отравить вас... Мне!.. Знали, что опять поварихой возьмете... Возьмете?..

Генерал покачал головой:

— Вон оно что... — И успокаивающе улыбнулся: — Возьму, возьму... Как же мне без твоей кухни!

Воронова вновь прижалась к его груди.

— Не оставят они вас, Андрей Андреевич!.. Еще кого пришлют... Упыри они!

— Знаю, — проговорил Власов. — Двоих от них мы уже прищучили... А ты вот... Сама!

Мария заревела еще пуще. Генерал понюхал ее голову и с тихим озорством сказал:

— А запах от тебя... все тот же! Бабий.

— Куда ж ему... надеваться?.. — откликнулась женщина и, обтирая слезы тыльной стороной ладони, вновь подняла лицо. — Осунулись-то вы как, Андрей Андреевич.

Он ответил:

— Здесь не только осунешься. Взвоешь.

— Да с чего же?..

— Жизнь собачья, Маша... Вернее — рыба.

— Не понять... Как это?..

— Бьюсь тут с немчурой словно рыба об лед. Ладно, заходи!

Власов властно обвинил Марию длинной рукой за талию и повел в дом...

* * *

С вершины естественной скалистой террасы, на которой располагалась летняя резиденция фюрера в Верхних Альпах, открывался чудесный вид на горы и на долину. Великолепный пейзаж озаряло мягкое солнце, кругом цвела и зеленела весна, повсюду на разные трели заливались птицы и все это очень напоминало бы рай, если бы... не голос Левитана.

Гитлер внимательно вслушивался в его густой, твердый баритон, звучавший из приемника: сидя на воздухе за легким столиком, подперев кулаком голову и прикрыв глаза.

Левитан передавал последнюю сводку Информбюро и, торжественно вещая о победоносном продвижении советских войск, перечислял освобождаемые ими города.

Нагнувшись к фюреру, текст сообщения синхронно и негромко переводил седой полковник. За его спиной, вытянувшись, молча стояли два фельдмаршала — Кейтель и Цейтцлер...

Левитан наконец умолк. Из репродуктора грянуло:

«Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война!»

Гитлер, по-прежнему не открывая глаз, теперь напряженно прислушивался и к песне.

Со стороны казалось, что он хочет понять нечто важное, вот-вот уловит, но ему никак это не удастся. Фюрер наконец протянул руку и, оборвав песню на полуслове, выключил приемник.

— Какая жуткая... Какая сильная музыка... — задумчиво проговорил он во всеобщей тишине. — В нашем рейхе такой нет. И вряд ли... — И не договорил.

Кейтель осторожно заметил:

— Зато у нас есть марши, которые...

Гитлер рывком поднялся.

— Марши!.. — Он кивнул в сторону радио. — Домаршировались!.. Ничего, — тут же успокоил себя фюрер, — за это временное отступление они заплатят мне сполна. Еще три месяца, максимум полгода, и им не уйти от страшного возмездия! — Он дошел до бордюра у края скалы и отрешенно уставился в пропасть. Затем очень тихо проговорил: — От нашего нового оружия содрогнется весь мир... От Москвы и Ленинграда не останется камня на камне. Пустое место, пыль. Но и эта пыль начнет убивать. Она пронизает и разъест все живое на много километров вокруг этих проклятых городов. — Гитлер медленно повернулся к примолкшим подчиненным и опять указал на приемник. — Но сначала, как и обещал, я повешу этого болтливого жида. Вторым — после Сталина!.. А этого... Вашего наглого русского, о котором вы снова печетесь... Отправьте в лагерь для военнопленных, а еще лучше — сдайте в гестапо!

Кейтель осмелился произнести:

— Но, мой фюрер, это слишком. Генерал Власов не заслужил... — И умолк, ибо Гитлер мрачно закивал головой.

— Опять «но»... — проговорил он как бы печально. И тут же взорвался: — Да! Этот Власов ничего не заслужил!.. Кто позволил ему разезжать по моим фронтам и нести там всякую чушь?.. Вы?

Фельдмаршалы онемели.

— Никто! — ответил сам фюрер. — А этот русский так держится, как будто он у себя дома! — Он перекинул в усмешке рот. — Сталин — он позволил бы подобную наглость нашему генералу, перейди тот на его сторону?.. Его бы моментально расстреляли! — Гитлер нервно прошелся по террасе и, вернувшись, остановился напротив Цейтцлера. — Вы там в то время были... — сказал он. — Этот Власов... он приглашал нас в гости в Ленинград при поездке по фронтам в группу армии «Север»?

Тот робко откликнулся:

— Да, мой фюрер... Подобный разговор состоялся, но не в такой форме.

Гитлер, раздраженно взглянув на него, отошел.

— А мне передали, что он вел себя там как хозяин! Уже как правитель будущей освобожденной России! Мы — к нему в гости!.. Что вы ему позволяете?

Все подавленно молчали.

Фюрер подвел итог:

— Запомните и передайте другим: не поздороится тому, кто заберет себе в голову глупую мысль, будто я, фюрер, помогу Власову или любому иному русскому когда-либо сесть на коня. Я уже загорелся создавать русские части больше батальона, а впредь намерен и вовсе расформировать их. Мне не нужны славяне с

оружием в руках! Мне нужны на их руках только рабочие мозоли!

Цейтшлер произнес:

— Но Власов, он смог бы...

Гитлер, обрывая его, сильно топнул ногой:

— Я не желаю о нем ничего больше слышать!.. Вы поняли? А вы, Кейтель, отдайте приказ запретить его «комитету» заниматься любой политической деятельностью! — Фюрер повернулся к фельдмаршалам спиной и после долгого молчания, уже успокоившись, добавил: — В конце концов, мы способны и без Власова использовать его имя...

* * *

В том, что Гитлер отказался от «услуг» Власова, есть опять какая-то мистика, а точнее — воля провидения.

Фюрер был отнюдь не дурак и вдруг — такое упрямое непонимание собственной выгоды, такое, не свойственное немцам, иррациональное поведение. В чем дело?.. Только ли в «бычьих» свойствах его натуры?.. Думается, неприятие им всего русского было... «кем-то» заложено в его натуре изначально, в соответствии с принципом: «характер — это судьба человека». По сути, именно эта почти физиологическая вражда к славянскому миру и толкнула Гитлера на самоубийственный поход против России, не дала воспользоваться возможностью создать по меньшей мере миллионную армию из бывших советских граждан, чтобы двинуть ее против Сталина, и породила настоящий бич для немецких войск — массовое партизанское движение, которого могло и не быть, веди себя вождь фашизма на захва-

ченной территории по-иному. То есть, с одной стороны, личность Гитлера была как бы запрограммирована на глобальное разрушение, а с другой — на самоуничтожение. (Он и в прямом смысле сам себя велел сжечь.)

Выходит, что в этой мировой схватке суждено было победить Сталину, и потому Власов со своей идеей Русского Освободительного Движения определенно не вписывался в «сценарий» небесных сил, а вернее, нарушал какие-то непостижимые для нас процессы, которые в те времена происходили в иных измерениях Вселенной. А посему его выбор и оказался роковым — он был обречен заранее. Любопытно, что в этом положении оказался не только один Власов, но и те, кто с ним соприкасался, — заговорщики из высших офицерских чинов Третьего рейха. И Штауфенбергу с его единомышленниками, и многим другим опять же «кто-то» как будто бы поставил невидимый заслон. На Гитлера они совершили несколько покушений, и ни одно из них не удалось. Всякий раз его спасало чудо. Иначе говоря, если принять излагаемую точку зрения, фюрер, согласно провидению, должен был дожить до апреля 1945 года, чтобы свершилось то, что свершилось. Зачем? Вряд ли это можно постичь. Остается только гадать, что, вероятно, в назидание грядущим, послевоенным, немцам, дабы умерить впредь их воинственный пыл, да и вообще — всем иным народам, которые вздумают построить свое благополучие на теории расизма. И еще одно предположение — убей Гитлера свои же соотечественники, он мог бы превратиться в национального страдальца, почитаемого во все времена, которому «злые силы» не дали ус-

пешно завершить войну (ведь фюрер готовил новое оружие) и превратить тем самым Великую Германию в могущественную и процветающую владычицу мира.

Думается, что мы в состоянии лишь подметить (и давно подмечаем, но упорно не принимаем во внимание) постоянную и довольно очевидную закономерность нашего земного существования, а именно: неминуемую расплату за свои безнравственные помыслы, вождения и поступки. И личные, и всенародные.

Известно, что грех — это нарушение всякого естества, игнорирование не нами созданных законов, самовольное разделение телесного и духовного. Почему безбожие — грех наиболее тяжкий?.. По простой причине: отрицая духовное начало жизни, объясняя ее зарождение сугубо материальным фактором — случайным сцеплением атомов и молекул в живую клетку, считая себя «венцом» и, как следствие, «царем» природы, мы покушаемся на основополагающее естество Сущего — на нерасторжимость духа и материи, и можем быть уподоблены взбунтовавшемуся ногтю на одном из пальцев, который возомнил себя повелителем собственного сложнейшего организма. Но Оно, Сущее, хоть и безграничное и вроде бы невидимое и неосязаемое, — тоже живое, и Ему очень больно, когда мы беспрестанно дергаем за пуповину, связывающую нас и Его, пытаясь ее оборвать. И как же Оно с нами поступает?.. А так же, как отец или мать с маленькими неразумными и вредными детьми, — пытается нас образумить, периодически посылая нам мировые и немировые войны, эпидемии,

землетрясения, революции, нашествия и прочие наказания.

Вспомним несколько страниц из истории:

Татаро-монгольское иго (аж на 250 лет!) последовало вслед за отступлением русских князей от христианских заповедей: когда из-за корысти и гордыни брат пошел на брата, творя произвол и разрывая государство на части. «Дом, разделенный изнутри, должен был разрушиться». Однако всякая нация — это не просто случайное скопление людей на одной территории; они, нации, создавались по Промыслу Божиему, как Его духовная и материальная сила, чтобы каждой исполнить свое предназначение. Русь была необходима Создателю. Что могло ее спасти и сплотить заново, когда никто и никого не хотел уже слушать, считая себя обиженным и самым правым?.. Только общая беда. Она и нагрянула.

Первая российская Смута, с самозванцами, с мором, с морозами посреди лета покарала Русскую землю за разложение дома Рюриковичей и особенно за вторую кровавую половину царствования Ивана Грозного, за что в итоге расплатились как Борис Годунов, так и его многочисленные подданные.

Война 1812 года случилась после убийства императора Павла, которое совершилось, как говорят, с молчаливого согласия его сына — преемника Александра I и после проникновения в Россию антирусских, антихристианских масонских лож, быстро превратившихся в «раковую опухоль» православной державы.

Две разрушительные революции 1917-го обрушились на страну за грехопадение ее интеллигенции (которое все еще продолжается), все больше становившейся антинациональной

и антирелигиозной, и за отступление немалой части церковных служителей от истинной духовности. Что показательно: именно они более всех и пострадали в последующей «мясорубке». Революция «пожрала» своих же «интеллигентных бациллоносителей», которые ее породили, и напрочь разгромила церковь, чтобы укрепить в духе истинно верующих. (Об этом мало говорят, предпочитая делать упор лишь на зверства большевиков.)

Вторая мировая война явно была послана России и Германии за их самое откровенное безбожие — большевизм и фашизм. И не случайно насмерть столкнула эти режимы лбами.

Наконец, нынешняя смута, кровь, власть криминала и повальное обнищание — за что *это?*.. Не иначе, как за очередное уничтожение Божеского начала в человеке, когда из одной крайности мы кинулись в другую: безудержно поклоняться мамоне в «образе» нового идола — рынка. (Это же надо до такого додуматься: инструмент, средство хозяйственной деятельности предлагать в качестве идеала жизни, да еще кому — русскому человеку! Хотя, определенная категория наших людей на этой почве, безусловно, ополоумела. Вспомните в некоторых своих прежних знакомых: их словно обрызгали какой-то заразой — не узнать.)

И что же: делаем мы какие-либо выводы?.. За исключением небольшой (пока) части простого народа, которая наконец осознала, что идти надо не по пути социализма или капитализма, а «по дороге к Храму» — остальные, представляется, нет.

А посему, думается, не Гитлер и не Сталин повинны в том, что они возникли и утвердились среди нас как уродливые явления, — мы

сами. Именно мы своими греховными побуждениями вынуждаем наш «вселенский организм» вызывать к жизни разных монстров (и они явятся еще, если не откроем на самих себя свои «духовные глаза»), дабы через подобные фигуры (антитела) осуществить свое «лечебное наказание» ради нашего же спасения. Представляется, Создатель не желает, чтобы людские нравственные болезни закончились летальным исходом. Мы все еще Ему почему-то нужны...

* * *

После встречи с Гитлером в Верхних Альпах фельдмаршал Кейтель издал и подписал такой приказ: «Ввиду неквалифицированных бесстыдных высказываний (заметьте: все же, не как у нас — «идеологически невыдержанных высказываний». — *А.Л.*) военнопленного русского генерала Власова во время поездки в Северную группу войск, происходившую без ведома фюрера и моего, перевести его немедленно в лагерь для военнопленных».

Узнав об этом, Власов заявил, что отправится в лагерь сам, не дожидаясь немцев, и... запил. Он и так уже давно злоупотреблял спиртным, а тут, что называется, ударился в запой «по-черному»...

Закрывшись на ключ в кабинете штаба Русского комитета, он неподвижно лежал на диване и не хотел никого видеть. Лежал в позе ребенка, подогнув калачиком громоздкие ноги в сапогах и подложив ладонь под щеку. Небритый, с опухшим, отекившим лицом, уставившись отрешенным, бессмысленным взглядом в пространство.

На его письменном столе, среди вороха разбросанных, залитых и перепачканных бумаг высилась батарея опорожненных бутылок из-под водки, рядом на заляпанной газете «Доброволец» валялись остатки и огрызки пищи.

В дверь время от времени стучали, за ней, сменяя друг друга, раздавались голоса ближайших соратников генерала:

— Андрей Андреевич, в конце концов, это неумно... Нельзя на очередную идиотскую выходку Гитлера отвечать такой же глупостью...

— Нам только что передали: вас никуда не отправят — ни в лагерь, ни в гестапо. Никуда!.. Вы слышите?..

Власов, точно глухой, лежал в прежней позе и ни на что не реагировал.

Раздался бас Трухина:

— Вы же, черт возьми, генерал! Ну, как так можно?.. Мы обязательно найдем выход, я обещаю. Сейчас главное — избежать с нацистами открытого столкновения. Даже если придется действовать подпольно!.. Вы согласны?.. Или нет?.. Не молчите!..

В ответ опять не донеслось ни звука.

Заговорил Жиленков:

— Ваше решение самому уйти в лагерь к военнопленным — это только на руку Сталину, Андрей Андреевич... Подумайте... Представьте себе его довольную ухмылку. Неужели, вам все равно?..

— И потом, — произнес еще один голос, — если мы все разбежимся, на наше место тут же явятся соглашатели. Или того хуже — наши собственные нацисты с кличем «Бей жидов, спасай Россию!» Освободительное Движение выродится в антисемитское!.. Вас это вдохновляет?..

Генерал не шевелился.

Стучать вдруг перестали, члены «комитета» смолкли, потом приглушенно принялись переговариваться с кем-то, вновь пришедшим:

— Нет.. Пьет третьи сутки и не выходит... Только по надобности, и то ночью.

— Ваш фюрер, конечно, отколол номер... О чем он думает? Или, вправду, свихнулся?..

— Бесполезно... Не впустит...

За дверью снова затихли, затем раздалось деликатное постукивание:

— Андрей Андреевич... Это я... Вильфрид.

В глазах Власова впервые за долгое время проступила некая осмысленность. Но он только пошевелился и опять ничего не ответил.

Штрикфельдт еще раз побарабанил по створке:

— Мне надо сказать вам кое-что важное... Именно сегодня. Вы понимаете?

Генерал с трудом сел и потряс головой.

— Мой шеф, генерал Гелен и его... друзья, они просили вас срочно приехать, чтобы сообщить вам нечто... Андрей Андреевич... Отзовитесь!.. Это серьезно.

Сиплым голосом он наконец откликнулся:

— А чего им от меня надо?

Немец пояснил:

— Это — разговор не под дверью...

* * *

Власов, побритый, вымытый, но все еще до конца не протрезвевший, грузно опустился в кресло и воззрился на двух генералов и трех полковников Третьего рейха, сидящих напротив. Штрикфельдт, оставшись стоять за спи-

ной русского генерала, каждого из них поочередно представил:

— Мой шеф — генерал Гелен... Генерал Вагнер... Это — полковник фон Альтенштадт... Полковник фон Рённе... Полковник граф Штауфенберг.

Левая рука последнего, интересного мужчины с благородными чертами лица, висела на черной перевязи. Вглядевшись во Власова, он приятно улыбнулся и сочувственно заметил:

— Вам следует еще выпить... Я не ошибаюсь?

Русский генерал согласился:

— Да... Пожалуй.

Штауфенберг одной рукой наполнил коньяком рюмку и передал ее Власову. Тот взял ее в трясущиеся пальцы и залпом опрокинул. Затем подумал, сказал:

— Еще одну...

Вторую порцию спиртного русский генерал выпил гораздо медленнее и, положив уже не дрожащие руки на подлокотники кресла, произнес:

— Я, господа, к вашим услугам.

Седеющий генерал Гелен после некоторого молчания проговорил:

— Мы отлично понимаем ваше состояние, генерал. — И, улыбнувшись, поправился: — В смысле — моральном, не физическом. За короткий период вы проделали большую и сложную работу, чтобы вместе с нами, — он подчеркнул последнее слово, — которых вы до сего дня не знали в лицо, предотвратить беду, надвигающуюся на наши страны. — Гелен опустил взор. — Увы, фюрера не удалось образумить, как мы ни пытались. И теперь твердо убеждены — не удастся и впредь. Он вы-

шел из круга разумных доводов. — Шеф Штрикфельдта снова поднял глаза. — Но мы не можем согласиться с вашим отчаянным решением добровольно уйти в лагерь и стать там обычным военнопленным. Не можем.

Власов бесстрастно молчал и, не двигаясь, ждал, что этот рассудительный немец скажет дальше.

— Вы не нужны Гитлеру, но вы необходимы нам. Нам — в лице той новой Германии и той новой России, общественное устройство которых мы ясно себе представляем. Разумеется, при условии, если мы сумеем избежать катастрофы.

Русский генерал осторожно заметил:

— Мне приятно это слышать, господа. Но... ваши «ясные представления» не имеют, простите, никакой перспективы. Я твердо в этом убедился тоже.

Присутствующие офицеры как-то странно переглянулись, точно безмолвно и коротко переговорили между собой.

Штауфенберг сказал:

— Не торопитесь с окончательными выводами, генерал. Не вдаваясь в детали, мы можем сообщить вам сегодня главное: не исключены преобразование или смена германского правительства, куда войдут принципиально новые люди с иным политическим и нравственным мышлением. И еще... Не исключен вопрос и о назначении нового Верховного главнокомандующего Третьего рейха.

Власов сосредоточенно слушал.

— При таком варианте нам, как никогда, понадобятся ваше сотрудничество и помощь.

Русский генерал продолжал молчать.

Лысоватый, суровый полковник фон Альтенштадт негромко прибавил:

— Даты этих грядущих событий мы, разумеется, назвать вам не можем. Но прошу вас нам доверять, как сейчас мы доверяем вам. Надеюсь, вы нас поняли?

— Да... — наконец произнес Власов. — Мне кажется — да. А посему обещаю: я попытаюсь продолжить свою деятельность, как смогу. К тому же... Глядя теперь на вас, думаю: идея свободной Германии и свободной России будет жить даже тогда, когда нас не станет.

Гелен подытожил:

— Вот и отлично. Но одна просьба: сохранить в тайне этот разговор. И, конечно, наши имена.

Русский генерал согласно кивнул.

— И еще... — Штауфенберг приподнял здоровую руку. — Я с крайней неприязнью, больше того — с брезгливостью отношусь к шефу гестапо Гиммлеру. Но если произойдет... непредвиденное и наши планы рухнут, вам следует выйти на рейхсфюрера СС. Он — ваш последний шанс.

Власов ответил:

— Очень бы этого не хотелось... — И, впервые за все время улыбнулся: — Чтобы подобного не случилось, господа... налейте мне уж, пожалуй, и третью!..

* * *

И все же Гиммлера генералу избежать не удалось. Но до этого произошло немало важных событий...

Во-первых, Красная Армия впервые пере-

шла собственные границы и неудержимо погнала противника к Берлину.

Во-вторых, был наконец открыт второй фронт. Америка и Англия окончательно осознали, что выжидать больше нельзя, иначе они крупно прогадают. Они высадились на берегах Нормандии, легко и быстро освободили Британь, Бельгию и Голландию. В то время как наши войска продвигались с тяжелыми боями (Гитлер сосредоточил всю главную мощь на Восточном фронте), союзники под ликование жителей освобождали все новые и новые города Европы, почти нигде не встречая никакого сопротивления, кроме... как это ни странно, русских добровольческих частей.

Как они там оказались и почему так ожесточенно воевали против американцев, французов и англичан?.. Дело в том, что Гитлер, опасаясь предательства русских, которые находились в его соединениях, и перехода их в критический для Германии момент к своим (а такие случаи стали учащаться), приказал в сентябре 1943 года разоружить все добровольческие батальоны и отправить на тяжелые работы в угольные шахты и рудники. Вероятно, кто-то сумел убедить фюрера в неразумности подобного решения, и он, передумав, повелел перебазировать их на Атлантический вал, выставив заслоном против второго фронта.

Как в этой ситуации повел себя Власов?.. Сошлемся опять на А.Солженицына: «Он пыривался остановиться, отступить, отказаться, но всегда находились аргументы: «разоружат все добровольческие части», «не будет выхода для военнопленных», «ухудшится положение *остовцев*», то есть русских рабочих в Германии. И в крючках этих аргументов Вла-

сов в октябре 1943 года подписал открытое письмо к добровольцам, переводимым на Западный фронт: о временности этой меры и необходимости подчиниться...

Так потерян был последний ускользающий смысл этого горького добровольчества: отправляли их пушечным мясом против союзников да против французского Сопротивления — против тех самых, к кому только и были искренняя симпатия у русских в Германии, испытавших на себе и немецкую жестокость, и немецкое самопревозношение».

И такая подробность: «Трагикомично, но среди добровольческих антибольшевистских батальонов, прибывших на Западный фронт, союзники распространяли воззвания: перебежчикам обещается немедленная отправка в Советской Союз!..

Власовское окружение в мечтах и надеждах рисовало себя «третьей силой», то есть помимо Сталина и Гитлера, но и Сталин, и Гитлер, и Запад вышибали из-под них такие подпорки: для Запада они были какой-то странной категорией нацистских пособников, ни в чем не замечательной».

Так что никак по-иному добровольческим частям воевать было нельзя: или сгнить на германской каторге, или плен и «родной» лагерь, а то и расстрел дома.

20 июня 1944 года на Верховного главнокомандующего Третьего рейха было совершено покушение в его собственном кабинете. Гитлера спасла дубовая крышка массивного письменного стола, под которым и взорвалась подложенная Штауфенбергом мина. Фюрера лишь слегка контузило. Генерал Вагнер, полковники Штауфенберг, Рённе, Альтенштадт и другие

участники заговора были быстро выявлены, арестованы и казнены. Уцелел только шеф Штрикфельдта генерал Гелен. Ему случайно повезло. За неделю до теракта он неожиданно тяжело заболел и, что называется, не успел «засветиться».

Планам заговорщиков не суждено было сбыться, но Гитлер был явно напуган (к тому же положение на фронтах становилось угрожающим), и он согласился на формирование Русской Освободительной армии. Проработкой этого вопроса он поручил заняться осторожному Гиммлеру.

В сентябре 1944 года рейхсфюрер пригласил Власова в свою штаб-квартиру под Растенбургом...

* * *

После продолжительной беседы и тщательного обсуждения всех организационных деталей Гиммлер лично проводил Власова до дверей своего кабинета. У порога он пожал ему руку и, не отпуская ее, неожиданно признался:

— Вы знаете, а я ведь тоже из простых сельских жителей. Как и вы.

Генерал искренне удивился:

— Вот как! — Он уже довольно сносно говорил по-немецки.

Рейхсфюрер мягко улыбнулся:

— И очень люблю животных. У меня это сохранилось с детства. А вы?..

Власов замялся:

— Я? . Скорее, к ним равнодушен. А вообще, да, конечно. Деревня этому способствует.

Гиммлер вновь затряс его руку:

— Хорошо, что у нас с вами есть что-то общее...

Генерал напрягся — он вдруг вспомнил, что почти то же самое ему когда-то говорил и Сталин.

Рейхсфюрер снова сказал:

— И я очень рад, что получил согласие фюрера на немедленное проведение мероприятий, которые обеспечат нам новую политику. И вдвойне обрадован, что вы, генерал, развеяли все мои прежние заблуждения по отношению к вашему Русскому Освободительному Движению.

Власов ответил:

— Лучше поздно, чем никогда, рейхсфюрер. Сталинский режим обречен еще и сегодня, даже после того как Сталин вошел в Европу, если народ в России возьмет власть в собственные руки.

— Да, разумеется... Я вас поздравляю.

— С чем же?

Гиммлер пояснил:

— Мне стало известно, что вы намерены заключить брак с немкой. По-моему, это верный шаг.

Генерал потупил взгляд.

— Благодарю. Но... я собираюсь обвенчаться с ней в православной церкви.

Рейхсфюрер вновь улыбнулся:

— Я полностью одобряю ваш поступок.

(Власов женился на вдове немецкого офицера, который погиб на фронте в России. На этот брак он, видимо, пошел по расчету, желая показаться в глазах Гитлера лояльным Германии.)

Гиммлер наконец отпустил руку генерала и распахнул перед ним дверь, давая понять, что аудиенция окончена...

Возле здания резиденции рейхсфюрера Власова поджидал в автомобиле Штрикфельдт. (Его на беседу с Гиммлером не допустили.) Он сразу поинтересовался:

— Ну, что?..

Генерал покачал головой:

— Чудеса, да и только!.. Поехали!

Сев в машину позади капитана, он повторил:

— Нет, чудеса!

Штрикфельдт вырулил от особняка на автостраду.

— Расскажите подробнее.

Власов, припоминая свой визит к Гиммлеру, снова покачал головой.

— А знаете, Вильфрид, этот рейхсфюрер СС... Он совсем не такой, каким я его себе представлял.

— А именно?

— Я думал увидеть перед собой жесткого, надменного инквизитора с поджатыми губами, для которого я — всего лишь русский «унтерменш», недочеловек. А он... оказался на вид типичным бюргером. Ни слова об «истинных арийцах», ни звука о евреях... И не поверите: признал вдруг многие ошибки, которые были сделаны немецким командованием. И даже покритиковал сам себя.

Капитан нетерпеливо спросил:

— А главное?.. Суть вашей беседы?

Генерал объяснил:

— Если я все правильно понял и ничего не нафантазировал, Гиммлер дал понять, что наш «Комитет» может наконец действовать как су-

веренный орган. Нам разрешено сформировать 10 дивизий — это он сказал уже прямо!

Штрикфельдт улыбнулся:

— Действительно, Андрей Андреевич, — чудо. Надо надеяться, назад они свое слово уже не возьмут.

Глаза Власова возбужденно блестели.

— Это не все! Рейхсфюрер пообещал, что унижительная нашивка «Ost» будет изъята. наших русских рабочих и военнопленных приравняют к рабочим и пленным других стран. Согласно Международной конвенции.

— Видите, — сказал, обернувшись, капитан. — Мы все же дошли с вами до цели!

— Да, — подтвердил генерал. — Но я добился и самого важного: мы получаем еще и статус независимых союзников! Рейхсфюрер тут же предложил мне занять пост главы Русского правительства, но я отказался.

— Почему?

— Я ему заявил, что на то должна быть воля самого русского народа. Когда придет время, он свободным волеизъявлением сам решит, кого ему избрать на эту должность.

Штрикфельдт полюбопытствовал:

— Каковы же, Андрей Андреевич, ваши первоочередные шаги?

Власов, подумав, ответил:

— Формируя дивизии, надо попытаться собрать все добровольческие силы, разбросанные по фронтам, в единый кулак. А точнее — в единый Комитет освобождения народов России — КОНР. Как вы на такое смотрите?

Капитан одобрил:

— Крайне положительно. Это очень разумная и верная основа для национальной политики будущей России. Но Бандера, я подозреваю...

Генерал тут же с ним согласился:

— Да, он на это не пойдет, я знаю. Ему хочется повластвовать на Западной Украине «самостийно» без «москалей». Туда же и тюрки: тоже желают иметь отдельное от России государство. Ничего, настанет час, они сами попросятся под нашу руку, а насчет украинцев... так ведь есть и другие. Например, Шандарука. С ним у меня уже предварительная договоренность. Потом примкнет, наверняка, часть белоруссов... белоэмигранты, некоторые кавказцы... Народ наберется!

— А дальше?

— Проведем первое заседание КОНРа в Праге, обсудим и огласим там свой общий Манифест. Смысл его давно обдуман, а текст почти готов.

Штрикфельдт не понял:

— Но отчего — в Праге?

— Эту идею подсказал Жиленков. Единственный крупный славянский город в Европе, который пока не занят Сталиным. Как видите, Вильфрид, я шел к рейхсфюреру не с пустыми руками.

— И он... все это принял?

Власов широко улыбнулся:

— А куда ему теперь деваться! При этом я ни на йоту не поступился своими требованиями. — И слегка похвастал: — Я, если хотите, заключил сегодня соглашение с Гиммлером, как в свое время Черчилль и Рузвельт со Сталиным!

Капитан оглянулся снова:

— Вы так говорите, словно оправдываетесь. Вы, Андрей Андреевич, сейчас выиграли важную битву после двух лет унижений.

Генерал, посерьезнев, поправил:

— Выиграли мы с вами, Вильфрид... Не вы — вряд ли я бы все вытерпел. И жертва ваших друзей — тоже не оказалась напрасной.

Штрикфельдт согласно кивнул.

Власов умолк и, глядя на проносящееся пространство за окнами автомобиля, глубоко о чем-то задумался...

Генерал, окрыленный поддержкой Гиммлера, еще плохо представлял себе, что ожидает его впереди. Созвать и создать Комитет освобождения народов России ему удалось (в октябре 1944 года, в Праге), но... десять дивизий, обещанные рейхсфюрером, — оказались полным блефом. Власов осознал это довольно скоро. По каким причинам?..

А.Солженицын объясняет это так: «В нацистском руководстве уже наступал хаос: одни начальники разрешали стягивать русские добровольческие части в РОА, другие препятствовали. Да и реально каждый такой сражающийся отряд было трудно вырвать с передовой, как, впрочем, и остовцев, желавших в РОА, не легко было вырвать с их тыловых работ. Да не спешили немцы освобождать и военнопленных для власовской армии, на освобождение — машина не прокручивала. Все же к февралю 1945 года 1-я дивизия РОА... была сформирована и начинала формироваться 2-я»...

* * *

— Кто хочет вступить в Русскую Освободительную Армию? — громко спросил Власов

Перед ним на территории лагеря для воен-

нопленных выстроилась длинная шеренга из бывших красноармейцев. Из строя тотчас выступили пятеро солдат. Следом, поколебавшись, к ним присоединились еще двое.

Генерал исподлобья оглядел остальных.

— Больше никого?..

Военнопленные, избегая его пристальных глаз, опустили головы.

Власов обратился к ним снова:

— Я — глава Комитета освобождения народов России, призываю вас отвоевать свободу для самих себя!.. Всех — кому надоело быть рабом на собственной родине!

Ответом ему было глухое молчание.

Генерал нервно подернул плечом:

— Странно. Я полагал, что в этом лагере много людей, которые пострадали от сталинского режима. Или это не так?..

Солдаты переминались с ноги на ногу, но никто из них не выходил.

Власов еще немного постоял, затем резко отвернулся и стремительно направился в один из барачков, где размещалось помещение администрации...

Там он попросил:

— Дайте мне несколько личных дел таких военнопленных, которые должны быть недовольны Советами!

Комендант лагеря развел руками:

— Но... здесь все такие.

— Тогда — любые. Наугад!

Немец достал из сейфа десяток тонких папок и положил их на стол перед генералом.

Тот открыл первую, внимательно просмотрел и сразу же сказал:

— Вызовите сюда бывшего рядового Силушкина!..

Явившийся пленный никак не соответствовал своей фамилии — тщедушного сложения, белобрысый, тонкошей, лет двадцати восьми, в очках.

Власов указал ему на стул:

— Садитесь, Силушкин!

Тот настороженно присел на краешек стула, поглядывая на генерала сквозь стекла очков.

Власов, заходя от стены к стене по тесной комнате, заговорил:

— Я ознакомился с вашим личным делом. Ваш отец, ответственный работник прокуратуры, арестован в 38-м и сослан на Колыму. Вас самого, как сына врага народа, исключили с третьего курса историко-философского факультета и посадили в 39-м году за антисталинский анекдот. В 41-м выпустили из тюрьмы и в качестве пушечного мяса отправили на Белорусский фронт в штрафной батальон... Скажите, все это — правда?

Силушкин тихо отозвался:

— Да, конечно... Я верующий и стараюсь никогда не говорить лжи.

Генерал остановился.

— Тогда почему вы не желаете вступить в Русскую Освободительную Армию?

Солдат опустил взгляд и промолчал.

Власов чуть усмехнулся:

— Я отвечаю за вас сам. В ваших глазах — я предатель. Так?

Не поднимая взора, Силушкин ответил:

— Пока нет.

— Что значит «пока»?

— До тех пор, пока вы не пролили крови своих соотечественников.

Генерал удивился:

— Но откуда вам это знать? Как подлого

изменника Сталин приговорил меня к смертной казни уже в 43-м году!

— На вас возвели чужую кровавую вину. Добровольных наемников. А к ним вы не имели отношения и ими не командовали. Тут всем об этом известно.

— Что же, спасибо за объективность! — Власов вновь стал мерить шагами комнатушку. Затем вдруг объявил: — Я вам не верю, Силушкин!

Тот не понял:

— Почему?

— Вы все здесь уже смекнули: Гитлер войну проиграл и идти к Власову теперь нет никакой выгоды!

— Неправда.

— Правда! — резко сказал генерал. — И все свои страдальческие биографии вы высосали из пальца! И про пап, и про мам, и про самих себя!

Солдат вдруг вскинул гневные глаза и, поднявшись во весь рост, произнес:

— Вы не смеете так говорить!.. Слышите? Не имеете никакого права!

Власов, пораженный, застыл и, привалившись спиной к стене, замолчал.

Силушкин сел обратно и после паузы уже негромко проговорил:

— Я ненавижу Сталина не меньше вас. Он исковеркал жизнь... мне, отцу, матери, брату. Он отнял и разрушил у меня все, что только можно было... Но нельзя идти против собственного народа.

Генерал наморщил лоб:

— Объясните?

Солдат, помолчав, сказал:

— Вы можете организовать на Сталина по-

кушение. Отравить, застрелить, задушить его... не знаю. Это дело вашей личной совести. Вашей. Но не приведи Господь, если ради этого вам удастся повести за собой с оружием в руках одну часть народа на другую.

Власов парировал:

— Никто не станет сопротивляться! Все давно и втайне стонут под этим чудовищем и ждут лишь первого толчка. И первые же успехи нашей армии...

Силушкин помотал головой.

— Нет! — возразил он твердо. — Это самообман.

Генерал снова умолк.

— Пусть тридцать процентов, пусть сорок, пусть даже все пятьдесят встанут на вашу сторону. А другая половина?.. — Солдат поднял глаза. — Вы — генерал, поверьте мне, рядовому. Большинство наших людей родились уже при советской власти. Они многим недовольны, да, но эта часть населения искренне верит в ее идеалы, как до определенной поры верил я и как, наверное, верили и вы. И что же?.. Вы дадите второй половине обиженных автоматы и начнете убивать всех коммунистов и комсомольцев? А главное — основную массу всех им сочувствующих?.. — Пленный вновь уставился вниз. — Нет. Развязать гражданскую бойню одновременно с этой страшной войной — такого самоистребления русского народа Бог не попустит.

Генерал подошел к столу, сел и, не глядя на солдата, некоторое время выбивал пальцами дробь. Затем без всякой интонации спросил:

— Значит, я обречен?

Силушкин глуховато откликнулся:

— Похоже, так... товарищ генерал.

Власов криво усмехнулся:

— Почему, несмотря ни на что, вы называете меня товарищем?

Пленный пожал плечами:

— Но ведь по несчастью... господ не бывает?

— Чушь! — Генерал вскочил снова. — Все это — одни слова! Словоблудие! Только война открыла наконец возможность добиться в России свободы! Возможность, которая никогда может больше не представиться!

Силушкин в упор на него глянул.

— Но — какой ценой?

Власов онемел — он вдруг вспомнил свой такой же вопрос, который задал Сталину по поводу его «шахматных ходов» перед началом войны. И явственно услышал его жесткий ответ: «Цена — вполне приемлемая. И вообще — когда решается судьба государства, вопрос цены не стоит»...

Генерал опустил обратно на стул.

— Ценой братоубийства?.. — вновь спросил бывший рядовой солдат. — Таковую, насильственную, свободу нам дали уже большевики... с которыми вы боретесь. Теперь — все это вы повторите сами?.. По новому кругу?

Власов долго молчал и неподвижно смотрел в стол. Наконец вымолвил:

— Что же тогда... по-вашему, делать?

— Ждать, — сказал Силушкин. — Ждать, когда этой свободы народ захочет сам.

— Но когда?! Когда нас уже не станет?

Упрямо нагнув голову, пленный произнес:

— Пусть так. Но это лучше, чем не будет самого народа.

Власов протянул:

— Да-а... Худо мое дело, если ко мне не хотят идти даже такие, как вы.

Солдат умолк.

— Отчего все так... Силушкин?.. — вдруг тихо спросил генерал.

— Как?

— Обреченность эта... Неужели против меня сама судьба?

— Думаю, не она, товарищ генерал... Бог... Видно, нельзя восставать против одного дьявола и просить при этом помощи у другого.

— Почему?

Силушкин спокойно пояснил:

— Результат такого рокового выбора давно известен: так рождается только третий сатана.

Власов надолго застыл в тяжком раздумье...

* * *

Обратимся вновь к тексту А.Солженицына, ибо никто из русских писателей еще не исследовал тему Власова на столь честной и документальной основе. Однако на сей раз с ним впервые не хочется согласиться.

Вот полный отрывок из его уникальной энциклопедии страданий русских людей первой половины XX века, а посему, без преувеличения, бессмертной книги «Архипелаг Гулаг»: «Но имеет ли право русский человек для достижения своих политических целей, пусть кажущихся ему правильными, опереться на локоть немецкого империализма?!.. Да еще в момент беспощадной с ним войны?»

Вот, правда, ключевой вопрос: для целей, кажущихся тебе благородными, можно ли воспользоваться поддержкой воюющего с Россией немецкого империализма?

Все единодушно воскликнут сегодня: нет! нет! нет!

Но откуда же тогда — немецкий экстерриториальный вагон от Швейцарии до Швеции и с заездом (как мы теперь узнали) в Берлин? Вся печать от меньшевиков до кадетов тоже кричала: нет! нет! — а большевики разъяснили, что это можно, что даже смешно в этом укорять. Да и не один там был вагон. А летом 1918-го сколько вагонов большевики погнали из России — то с продуктами, то с золотом — и все Вильгельму в пасть! Превратить войну в гражданскую — это Ленин предложил прежде власовцев.

— Но цели! Но цели какие были?!

— А — какие? А где они, те цели?..

— Да ведь то был — Вильгельм! кайзер, кайзерчик! То же — не Гитлер! И в России рази ж было правительство? временное...

Впрочем, по военной запальчивости мы и о кайзере когда-то не писали иного, как «лютый» да «кровожадный», о кайзеровских солдатах незапасливо кричали, что они младенцам головы колют о камни. Но пусть — кайзер. Однако и Временное же: ЧК не имело, в затылки не стреляло, в лагерья не сажало, в колхозы не загоняло. Временное — тоже не сталинское.

Пропорционально»...

Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что Александр Исаевич (вольно или невольно) дает понять, что Власов был вправе «опереться на локоть немецкого империализма», как это сделал в свое время Ленин. Одновременно он истово ненавидит Ленина, а тем паче — его верного ученика и последователя Сталина. Но

в чем же при подобной раздвоенности логика, не говоря уже о душевной мудрости?

Наша трагическая российская дьяволиада в том и заключается, что «декабристы», ради «высоких идеалов», прибегли к помощи дьявола-масонства, Ленин — дьявола-кайзера, а Власов собирался добыть свободу России, пойдя в услужение к дьяволу-Гитлеру... Но что получилось?.. Декабристы-масоны воспитали в государстве значительную часть антинациональной интеллигенции, она в свою очередь взрастила монстра Ульянова, который тут же, вместе с «высокими идеалами», «проглотил» ее «с потрохами»; а этот монстр породил себе подобного — Джугоева-Джугашвили. «Архипелаг Гулаг», эта бесценная книга, от прочтения которой сердце обливается кровью, явился своеобразным отчетом деяний этих диктаторов. Но о какой крови и о каком очередном самоуничтожении нашего народа пришлось бы писать (и пришлось ли?), осуществи Власов свою «идею»?..

Сегодняшние «демократы» отыскиали себе дьявола еще похлеще — «мировое цивилизованное сообщество». Мол, как только мы туда вольемся, тотчас наступит всеобщая благодать. А сие «сообщество», едва ступив на нашу землю, сразу же (похуже татарской орды) принялось беспощадно затаптывать «русское поле» — наши хозяйство, культуру и веру. Начиная с экспансии куриных окорочков, с непрекращающегося потока антидуховных киноподелок и различных шоу на телеэкранах и кончая изживанием «русского духа» через нашествие разнообразных сект. И это — под предлогом нашего «оцивилизовывания», чему до сих пор аплодирует так и не образумивша-

яся часть нашей лжеинтеллигенции. При этом внешне подобные люди никуда и ни к кому, вроде бы, не переходят и остаются в России, но активно не принимают все ее древние устои, откровенно гордясь своими проамериканскими или же вообще прозападными взглядами. Кто же они — те, кто организовал на собственный народ доселе невиданное теле-, кино- и пресс-нашествие чуждых ему ценностей, стремясь превратить его в аморфную «рыночную» массу без национальных корней и своего лица?.. Надо понимать — это наши внутренние завоеватели, та «раковая опухоль», которая тайно зародилась во чреве государства двести с лишним лет назад, а ныне явно вылезла наружу во всем своем безобразии. Власов в сравнении с этой глумливой, циничной и прожорливой сворой «цепных псов» «цивилизованного сообщества», к которой тотчас прилипли проходимцы и крупное жулье, — «дитя-идеалист».

Но вернемся к А.Солженицыну. Искренне сострадавая жизненным мытарствам Александра Исаевича, во многом разделяя взгляды этого редкого писателя, понимая его боль за свой народ, все же нельзя не видеть и не чувствовать, что при всем неприятии «советского» он, к сожалению, сам не избавился от опасной заразы отрицаемой им идеологии. А именно — от главного ее постулата: «благородная цель — оправдывает средства», который регулярно заводит нас в катастрофический тупик, где неизбежно происходит зачатие очередного сатаны. И так — до бесконечности. Дьволиада — по замкнутому кругу.

Не на этот ли роковой путь ступил Александр Исаевич, когда «дал добро» на расстрел

Белого дома? И это он — гуманист высочайшей пробы, так почитающий право любого индивидуума на инакомыслие, наконец человек верующий... Неужели Сам Господь подсказал ему, что кровь октября 1993 года должна быть непременно пролита?.. Чем же тогда объяснить его отчаянное высказывание на похоронах Б.Можаяева о «сегодняшней грязной и смрадной нашей атмосфере»?.. Думается, одним — «двойной арифметикой» писателя, с которой «жить не по лжи» (как наставляет сам Александр Исаевич) никто еще не умудрился...

* * *

Среди ночи Власов неожиданно открыл глаза и взглянул на свою новую супругу, спавшую рядом с ним на их временной квартире в Карлсбаде. Уткнувшись лицом в подушку, она неровно посапывала. Генералу стало неприятно слушать ее полузадыхающиеся звуки и он несколько раз поцокал языком. Жена резко всхрапнула и, перевернувшись во сне на другой бок, затихла. Власов немного выждал и осторожно выбрался из постели.

Одетый в пижаму, босиком, он на цыпочках отправился на кухню.

Там генерал тихо притворил дверь и зажег настольную лампу с мягким светом под желтым абажуром. Затем так же, стараясь не шуметь, открыл створку буфета, достал початую бутылку коньяка, налил полный хрустальный фужер и, не отрываясь, выпил. Заедать он не стал, а лишь прикусил рукав пижамы. Постояв немного, Власов спрятал бокал и бутылку обратно в буфет и, опять же на цыпочках, прошел к столу. Возле него он сел

на стул и, свесив вниз длинные руки, отрешенно замер... Почувствовав чье-то присутствие, Власов вздрогнул и медленно обернулся.

В дверях другой комнаты, также выходящей на кухню, стояла Мария Воронова. Босая, в ночной рубашке и с распущенными волосами.

Генерал шепотом спросил ее:

— Ты что?..

Она приглушенно ответила:

— Я вашу Адель... наверное, убью.

Власов исподлобья взглянул на женщину:

— С тебя, пожалуй, станется... — И, усмехнувшись, показал себе на колени. — Иди сюда.

Воронова с готовностью прошлепала по полу и, устроившись на коленях генерала, прильнула к нему, точно маленькая девочка. Потом проговорила:

— Вы ведь из-за политики с ней, Андрей Андреевич?.. Правда?..

Он скупно ответил:

— Правда.

— И... не любите?..

— Нет... Но она не плохая.

Мария с сомнением произнесла:

— Не знаю... Только немцы ее за вами шпионить приставили, это уж точно.

Власов равнодушно откликнулся:

— Может, и так... Пусть.

Воронова осторожно провела пальцами по его худой щеке.

— Бедненький вы мой... — сказала она тихо. — Да и я тоже... Несчастные мы с вами.

Глядя в какую-то невидимую точку, генерал кивнул, глухо отозвался:

— Да... Только не мы одни.

Оба посидели некоторое время в молчании. Власов вяло поинтересовался:

— Выпить хочешь?

Женщина неопределенно пожала плечами:

— Давайте.

Но тут с улицы донесся отдаленный нарастающий гул тяжелых самолетов, завывала сирена, почти сразу же стали раздаваться ухающие взрывы бомб и скорострельная пальба зениток по бомбардировщикам.

Генерал быстро проговорил:

— Иди к себе! Она сейчас проснется и снова начнет бегать и паниковать.

Мария мигом слетела с его колен и исчезла в своей комнате.

В другой, за закрытой дверью, заволновалась супруга-немка:

— Андреа!.. — закричала она в испуге. — Снова этот кошмар, Андреа! Да где же ты?!..

Власов вошел в спальню.

— Ничего страшного, Адель, — сказал он спокойно. — Налет где-то за городом. До нас не достанет.

Жена металась из угла в угол, беспорядочно хваталась за свои вещи и никак не могла сообразить, что сначала надеть.

— Да что же это, Андреа?!.. — восклицала она беспрерывно. — Они летают за нами всюду! Мало им было Берлина, мало Праги! Теперь прилетели и в Карлсбад!.. Это же центр Европы, Андреа!.. Как так можно?!..

Генерал невольно улыбнулся.

— Успокойся, Адель... Если хочешь, спустись опять в бомбоубежище.

— Да! — нервно согласилась супруга. — Я не смогу!.. Я этого не вынесу!.. Где наша горничная Марлен? Пусть поможет мне одеться!.. — И громко позвала: — Марлен!..

Власов пояснил:

— Она спит. Я помогу сам.

— Боже! — Адель театрально всплеснула руками. — Какая ужасная нация! Она спит во время бомбежки!.. Андреа, но как же ты?! Ты останешься?..

Генерал кивнул головой:

— Да... Я все же солдат и потом... тоже принадлежу к этой ужасной нации.

— Мой Бог! Я не хотела тебя обидеть! Но это какой-то бред! Сон наяву!.. Гитлер обещал, что русский сапог никогда не ступит в Европу! Он обещал, Андреа!..

Власов набросил на плечи жены плащ, теряя терпение, ответил:

— Возьми себя наконец в руки, это не русские. Нас бомбят американцы. Идем. — Он почти насильно повел ее за руку прочь из квартиры...

Бомбоубежище находилось рядом с домом, туда уже торопливо стекались десятки заспанных напуганных горожан. Генерал проводил супругу до железных дверей бункера и, дождавшись, когда она спустится вместе со всеми по ступеням, вернулся обратно...

Воронову Власов застал на кухне. Она, не обращая внимания на сотрясающие дом взрывы, пила коньяк из фужера. Осушив его до дна, женщина азартно выдохнула:

— Хорошо!..

Генерал не понял:

— Что?..

— Что — эти бомбежки!.. И что Адель их боится! — Схватив Власова за рукав, Мария потянула его в свою комнату...

Обнаженная, жадная до похоти, Воронова, словно в последний раз (а так оно и было), как бы насильовала неподвижно лежащего под

ней генерала и, ощущая обрушивающийся на нее прилив чувственности, все сильнее и раскованнее кричала, заглушая грохот бомбежки... Наконец протяжно и сильно, точно волчица, взвыла и, обмякнув на Власове всем своим грузным, пышным телом, долгое время не шевелилась, будто умерла. Он осторожно перевалил ее с себя и до пояса прикрыл простыней. Мария опять ожила и принялась одними губами целовать генерала в грудь, в шею, в глаза, в щеки... Он глядел в потолок и прислушивался к приближающимся разрывам. Они становились все более угрожающими, в окнах жалобно начали позвякивать стекла. Теперь уже и в их районе по самолетам бешено забили зенитки. Власов, не отрывая взгляда от люстры, которая раскачивалась все сильнее, тихо проговорил:

— Кажется, это все, Маша... Конеч.

Женщина, продолжая его целовать, беспечно отозвалась:

— Угу...

Генерал слегка отстранил Воронову и посмотрел ей в лицо:

— Ты вот что... Завтра или послезавтра поедешь с Адель в Швейцарию, оттуда — в Испанию. Поняла?

Она приподнялась на локте.

— Как?.. А зачем она мне?..

— Испания?..

— Нет... Ваша Адель.

Власов объяснил:

— Без нее тебе туда не выбраться. Сегодня же попробую уговорить, она поедет.

Мария насторожилась:

— А вы?.. Сами?..

— Думаю, тоже там скоро буду.

— В Испании?

— Да. — Генерал чуть улыбнулся: — Куда ж мне без тебя — привык. — И, помолчав, прибавил: — А может — и не только.

Женщина вновь принялась его ласкать. Затем, продолжая целовать, спросила:

— Если уж бежать... отчего же не вместе?

Власов тихо ответил:

— Дела кое-какие остались, Маша.

— Какие?

Он, поколебавшись, неохотно отозвался:

— С американцами... Теперь вся надежда на них. Переговоры надобно завершить.

— Да зачем они вам?

— Чтобы взяли под свою опеку. Всех наших... Так что бросить армию и бежать одному... сама понимаешь...

Мария застыла.

— А... немцы?.. Они ж вам голову оторвут! Вы что... Андрей Андреевич?

Генерал скупно усмехнулся.

— Все, Маша, хватит с ними церемониться. Гиммлер — дрянное трепло: вместо десяти дивизий позволил создать только две. Да и то — вторая до сих пор почти безоружная. А потом, их песня спета, — он кивнул в сторону дрожащих стен, — сама слышишь... — И, подумав, договорил: — Хотя и наша... нутром чую, наверное, тоже.

Очередная бомба оглушительно разорвалась рядом с домом, в одном из окон взрывной волной вышибло стекла, они со звоном разлетелись на мелкие кусочки. Под порывами ворвавшегося в комнату ветра парусом вздулась тяжелая портьера.

Воронова, покосившись на осколки, разбросанные по полу, неуверенно произнесла:

— Может, тоже... в бомбоубежище?

Власов, не переставая смотреть на раскачивающуюся люстру, вяло спросил:

— А зачем?

— Так это... вдруг накроет?..

— От судьбы под одеяло не залезешь, Маша. И потом... оно, может, и к лучшему... так...

Женщина приподнялась на локте и внимательно взгляделась в генерала. Затем сурово предупредила:

— Вы мне эти мысли бросьте... Не то глядите — я тогда сразу тоже... За вами!..

Замкнутое осунувшееся лицо Власова ничего не выразило, он продолжал неподвижно лежать на подушке и безучастно прислушиваться к нарастающему грохоту бомбежки...

* * *

«1-ю дивизию, — описывает события того времени А.Солженицын (16 тысяч), — назначили для операции безнадежной и смертной (Власов покорно согласился временно передать ее немцам, чтобы она удержала фронт на Одере. — А.Л.) — и только общий уже развал Германии позволил командиру дивизии Буняченко увести ее самовольно с передовой и через сопротивление генералов пробиваться в Чехию. (По пути освобождали советских военнопленных, и те присоединялись — «чтобы русским быть вместе»). Пришли под Прагу в начале мая. Тут их позвали на помощь чехи, поднявшие в столице восстание 5 мая, дивизия Буняченко 6 мая вступила в Прагу и в жарком бою 7 мая спасла восстание и город. Будто в насмешку, чтобы подтвердить дальновидность самых недалководных немцев, пер-

вая же власовская дивизия своим первым и последним независимым действием нанесла удар — именно по немцам, выпустила все ожесточение и горечь, какую накопили на немцев подневольные русские груди за эти жестокие и бестолковые три года. (Чехи встречали русских цветами в те дни — понимали, но у всех ли потом осталось в памяти, как и е русские спасали им город?..)».

А что же сам Власов?..

«Все эти недели Власов не проявляет себя как полководец, но обретаётся в потерянности, безвыходной зажатости. Он не направляет 1-ю дивизию в Пражской операции, оставляет в неопределённости 2-ю и мелкие части... Власов последовательно отказывается только от единоличного бегства (ждал самолет в Испании) и, видимо, в параличе воли отдается концу. Единственная активность его все последние недели — посылка тайных делегаций и поиск контактов с англо-американцами. И другие члены штаба (генералы Трухин, Меандров, Боярский) делают то же.

Только тем смыслом, чтобы теперь, при конце, пригодиться союзникам, и освещалось для власовцев их долгое висение в немецкой петле».

Но... «Во второй мировой войне Запад отстаивал свою свободу и отстоял ее для себя, а нас (и Восточную Европу) вгонял в рабство еще на две глубины.

Последней попыткой Власова было заявление, что руководство РОА готово предстать перед международным судом, но выдача армии советским властям на верную смерть противоречит международному праву как выдача оппозиционного движения, — никто того пис-

ка не услышал, да большинство американских военачальников даже с изумлением узнавало о существовании еще каких-то русских, а не советских, естественно было передавать их по советской принадлежности.

РОА не просто капитулировала перед американцами, но *молила* принять капитуляцию и только дать гарантию невыдачи Советам. И средние американские офицеры, кто не охватывал большой политики, иногда по простоте и обещали. (Все обещания эти были нарушены потом, пленных обманули.) Но всю 1-ю дивизию (11 мая, под Пильзенем), да почти и всю 2-ю американцы встретили вооруженной стеной: отказались брать в плен, отказались впустить в свою зону: в Ялте Черчилль и Рузвельт подписали обязательную репатриацию всех советских граждан, особенно военнослужащих, а добровольность или насильственность репатриации не была при том помянута, ибо где же еще на земле, в какую еще родину ее сыны не желают возвращаться добровольно? Вся близорукость Запада сгустилась в ялтинских перьях».

Здесь опять хочется возразить Александру Исаевичу: не «близорукость» — цинизм высшей степени, цинизм в международном масштабе. Но об этом позже...

* * *

Жиленков сильно саданул кулаком по столу, отчего на нем задребезжали несколько пустых бутылок из-под коньяка:

— Что же это... Андрей Андреевич?!.. — Его голос протяжным эхом ударился о стены сумрачной высокой залы старинного особняка. —

Мы им — Прагу на блюдечке, а они нас, выходит, под зад коленом?.. Почему этот говнюк Эйзенхауэр запретил американским войскам продвигаться на восток не далее Карловых Вар?.. Как это понимать?..

Власов ничего не ответил. В наброшенной на плечи шинели он, нахохлившись, сидел на низкой резной скамеечке и пытался растопить чадящий камин, чтобы хоть как-то обогреть сырое помещение.

В другом углу, в полутьме, угадывалась фигура Штрикфельдта, привалившегося к створке закрытых массивных дверей, ведущих в другую залу. Оттуда капитан очень тихо произнес:

— Надо думать, они все поделили и распределили на Ялтинской конференции. Да, — сказал он тверже, — теперь в этом у меня нет никаких сомнений. Все именно так... Сталину — Европа восточная, Рузвельту и Черчиллю — запад... Вы в этой игре — лишние.

Жиленков в отчаянии опять трахнул по столу:

— Но почему?!.. Неужели для американцев и англичан большевизм менее страшен, чем наша армия? Ведь только мы — одни мы в Европе и способны стать заслоном на пути «красной чумы»! Тут и соображать нечего! Или они... спятили?..

Штрикфельдт, горько усмехнувшись, проговорил:

— Эти торгаши понимают сложившуюся ситуацию лучше нас с вами. Но... Сталин набрал силу и, возьми они вас под свое крыло, может взбеситься, прокатиться с войсками до самой Атлантики и сбросить их самих в море, несмотря на союзническую договоренность.

Вы знаете его характер сами. В результате союзники останутся в этой войне ни с чем.

Жиленков сел на широкую скамью, опустил руки и уставился вниз.

— То есть они нас продали... — сказал он сам себе. — Вышвырнули, как хлам... — И вновь вскинул воспаленные глаза. — А как же: Америка — оплот свободы?! Их краеугольные принципы прав свободной личности?.. Или это только для внутреннего пользования?..

На его слова никто не отозвался.

Жиленков в третий раз стукнул по столу и опять встал.

— Нет!.. — Он упрямо помотал головой. — Я не могу в это поверить! Тут явно какая-то неразбериха. Я сейчас же еду к генералу Пэтчу и все выясню у него сам. Он честный офицер и обещал ходатайствовать, чтобы американцы предоставили нам политическое убежище. — Жиленков решительно пошел к выходу и, приостановившись, обернулся на безучастного Власова. — Андрей Андреевич... что ему передать лично от вас?

Тот, не оборачиваясь, откликнулся:

— Что хотите. Теперь — все равно.

— И все же?..

Генерал больше не произнес ни слова.

Жиленков осуждающе покачал головой и, махнув на всех рукой, удалился.

Камин наконец разгорелся, дрова, потрескивая, стали обвиваться пляшущими языками пламени, стены старинного помещения заколыхались в таинственных красноватых отсветах.

Немецкий капитан приблизился к Власову и, пододвинув стул, сел с ним рядом. Затем, помолчав, вдруг сказал:

— Простите меня, Андрей Андреевич.

Тот удивленно повернулся к немцу:

— За что же?..

— Что втравил вас во всю эту историю... В 42-м году.

Генерал пожал плечами.

— Напрасно вы это... О чем-либо сожалеть — теперь бессмысленно. Видно, подобная участь и вам и мне была написана на роду.

Штрикфельдт покивал и, посидев еще немного, поднялся.

— Что ж... — сказал он. — Тогда прощаюсь с вами, Андрей Андреевич... — И неуверенно спросил: — Увидимся ли еще?

Власов спокойно ответил:

— Думаю, вряд ли.

— Отчего же?

— Жить мне больше не хочется... Исчез смысл. А это все — приехал, значит.

Капитан успокаивающе проговорил:

— Бросьте. Вы еще...

Генерал его прервал:

— Не надо фальшивых слов, Вильфрид... Тем более напоследок. — Он выпрямился во весь свой могучий рост и крепко обнял друга за плечи. — Вы всегда были со мной честны. Спасибо вам за это. — Власов отстранил Штрикфельдта и близко посмотрел ему в глаза. — Скажите мне так же честно: я, ведь... не предатель?

Капитан выдержал его взгляд.

— Нет.

Генерал отошел в темный угол залы и некоторое время стоял там неподвижно.

— И все-таки — предатель, — вдруг возразил он оттуда. — В глазах всех тех русских, —

Власов показал за стены особняка, — которые сейчас покоряют Европу... И буду оставаться им до тех пор, пока в России свобода не восторжествует над советским сталинским патриотизмом...

(Эти слова генерала — доподлинные. Их приводит в своей книге о Власове «Против Сталина и Гитлера» Вильфрид Штрик-Штрикфельдт. Он убежден, что именно так и случится.)

Вряд ли с этим неординарным немцем можно согласиться. Слово «патриотизм» переводится вполне определенно — «любовь к родине», а не к тому или иному политическому режиму или социальной системе. Не было и нет, к примеру, патриотизма «царского» или «капиталистического». Так что патриотизмы «сталинский», «советский» и «социалистический» — понятия абсолютно надуманные. Плохо это или хорошо, но для русского, армянина ли, татарина, или белоруса родина — и под властью тирана родина. Даже власовцы: сколь ни ненавидели они Сталина, а Гитлера не терпели еще больше. Об этом свидетельствуют их последние военные действия, когда они с остервенением принялись кромсать своих несостоявшихся покровителей, а до этого, в битве на Курской дуге, открыли брешь в линии фронта советским войскам, переметнувшись к партизанам.

Власова можно и нужно понять по-человечески (что автор и пытается сделать), даже (кто сумеет) простить, но считать его героем, борцом со сталинизмом большинство наших

людей никогда не будет. Даже при самом «антисталинско-антисоветском патриотизме».

Доказательством тому служит судьба Андрея (тоже Андрея!) Курбского, очень похожая на жизненный путь Власова. И тот, и другой сотворили для России немало полезного: князь — благими делами в Избранной раде (в первой половине царствования Ивана IV) и геройским поведением при штурме Казани как воевода полка правой руки; генерал же — первым погнал немцев от Москвы, привнеся в ход войны значительный психологический перелом. Оба были преданы своими тиранами и бежали от них в стан противников России. (Власов, думается, уже подсознательно сделал свой выбор, почему он так легко и попался в плен.) Курбский один раз с мечом в руках выступил, с королем Сигизмундом, против своего Отечества, Власов только собрался его поднять — но немцы, испугавшись, не дали ему этого сделать, а когда позволили — он уже не успел. Первый Андрей тихо умер, иссохнув с тоски по Руси; второй — был казнен, но по сути итог их страдальческих жизней одинаков: оба нарушили ту незримую грань, которую русские, да и многие другие народы, испокон веков оберегают, — они отождествили обидевшую их власть свирепых антихристов со своей священной Матерью-землей. (Эти понятия в России во все времена четко отделялись друг от друга.) Посему, прошло уже четыре с половиной столетия, но именно князь Курбский, а не изувер Грозный (породивший страшную опричнину и утопивший в крови Новгород) остался в народной памяти изменником. Аналогичная история произошла со Сталиным и с генералом Власо-

вым. Изменник — не первый, истинный «уби-вец», а второй — несостоявшийся. И думается, подобная расстановка этих фигур в народном сознании тоже остается на века, несмотря ни на какие вновь изобретенные прилагательные к исконно русскому патриотизму...

...Штрикфельдт, избегая смотреть на Власова, продолжал стоять в полутемной зале у горящего камина.

Генерал из своего угла тихо сказал ему:

— Ступайте, Вильфрид... С Богом... И не поминайте лихом.

Капитан кивнул и быстро вышел.

Власов, оставшись один, долгое время не двигался, отчего постепенно стал казаться похожим на какое-то застывшее привидение старого дома. Потом вдруг подогнул ноги и, опустившись на колени, медленно поднял к темному потолку глаза. Там покачивались слабые отблески от огня.

— Господи... — еле слышно промолвил он. — Иисусе Христе, Сыне Божий... помилуй мя грешного... Прости раба Твоего... — Его полусшепот отдавался по стенам шуршащим эхом. — Помышляю день страшный, Господи, и плачуся деяний моих тяжких, горьких и лукавых: како отвечаю Бессмертному Царю, или коим дерзновением воззрю на Судию, блудный аз?.. — Генерал помолчал, словно ожидая ответа. Затем заговорил снова: — В руке Твои, Господи Христе Боже мой, предаю дух мой: Ты же ми укажи спасение и избавление от грехов моих окаянных. К Тебе, Милосердному...

За спиной генерала вдруг что-то страшно

грохнуло, он осекся и испуганно втянул голову в плечи. Потом медленно обернулся.

На полу лежал огромный кусок штукатурки, сорвавшийся с отсыревшего потолка.

Власов, ошеломленный, поднялся и, глядя вниз, застыл над ним истуканом.

На расколовшемся, но не разлетевшемся куске образовалась четкая трещина в виде петли с коротким загнутым концом.

Цепenea от страха, он понял, что это и был ему ответ свыше...

В залу вбежал шофер генерала, с порога закричал:

— Тикать надо, Андрей Андреевич!.. Срочно!..

Власов не пошевелился.

Водитель подошел ближе, с недоумением в него взгляделся.

— Вы чего, товарищ генерал?.. Я говорю, драпать пора! Немцам-то все — капут!

Тот продолжал смотреть вниз.

Шофер оглянулся и, увидев на столике приемник, включил его сразу на всю мощность:

— Послушайте!..

В мрачное пространство нежилого дома ворвался громовой голос Левитана:

«...Войска 4-го Украинского фронта продвигаются к последнему форпосту гитлеризма — к Праге! Сегодня, 7 мая в 12 часов 15 минут имперский министр граф Шверин объявил по радио, что Германия потерпела в этой войне поражение...»

Власов, по-прежнему не отрывая взгляда от петли-трещины, стоял над ней, как изваяние, похожий на страшного сутулого идола-великана...

* * *

Ту же сводку информбюро слушал в своем кабинете и Сталин.

«...Готовится подписание акта о безоговорочной капитуляции Германии! — Голос Левитана и здесь звучал на полную мощь. — Советские вооруженные силы нанесли сокрушительный удар Гитлеру и освободили от фашистского гнета европейские народы! Так называемый «новый порядок» в Европе — ликвидирован!..»

Слушая сообщение, «вождь всех времен и народов» ходил взад-вперед по ковровой дорожке какой-то неестественной для себя, припрыгивающей походкой и улыбался в рыжие усы. Улыбался затаенно, самой своей сокровенной частью души... Это был высший пик его счастья.

Левитан закончил:

«...Слава нашим доблестным войскам! Слава нашему народу! Слава нашему великому Сталину!»

Грянул марш «Славянки», Сталин сразу отключил радио и, пройдя к столу, снял трубку телефона. Стоя, он набрал несколько цифр, подчеркнуто спокойно проговорил:

— Лаврентий... Ты мне нужен.

Когда Берия явился (предварительно постучав), Сталин стоял лицом к окну. Выдержав паузу и не оборачиваясь, он сурово сказал:

— Ты, Лаврентий, не сумел в свое время устранить Власова... Я тебя простил...

Начальник НКВД развел руками:

— Но... товарищ Сталин. Уже полгода, как вы приказали, что теперь он нужен вам живым.

Вождь ответил:

— На память я пока не обижаюсь... А потому — если на этот раз не доставишь его ко мне целым и невредимым, пеняй на себя!

Берия твердо заверил:

— Осечки не будет. За ним давно присматривают, теперь ему никуда от нас не деться.

Сталин резко повернулся к начальнику НКВД, его темные глаза пугающе мерцали.

— Этот оборотень, — жестко проговорил он, — должен висеть не на веревке... На железном крюке, Лаврентий! — И, вновь отвернувшись, добавил: — В назидание всем потомкам! — От такого решения вождя онемел даже Берия...

* * *

Вот как описывает А.Солженицын последние дни власовской, практически не состоявшейся, армии:

«Американцы не приняли капитулирующих, а советские танки проходили последние километры. Оставалось — или дать последний бой или... Буняченко и Зверев (2-я дивизия) распорядились сходно: боя не было. (Это — тоже русский характер: а вдруг?.. все ж — свои...) 12 мая вооруженная полносоставная 1-я дивизия получила приказ в лесу: «Разойдись!» Одевались в штатское, спарывали отличия, сжигали документы, стрелялись. Ночью началась облава советских войск. Около 10 тысяч было убито и взято в плен, остальные прорвались в американскую зону, но из них бóльшая часть была выдана советским войскам, как и из 2-й дивизии, авиации, отдельных отрядов. Для иных сидение в американских лагерях затянулось на многие месяцы...

В том же мае 1945-го в Австрии такой же лояльный союзнический шаг (из обычной скромности у нас не отмеченный) совершила и Англия: она передала советскому командованию казачий корпус (40—45 тысяч человек), пробившийся из Югославии... Среди выданных генералов большинство были — эмигранты, союзники этих самых англичан по 1-й мировой войне. В гражданскую войну англичане не успели их отблагодарить, возвращали долг теперь... (17 января 1947-го советские газеты опубликовали сообщение о повешении казачьих генералов Петра Краснова, Шкуро и еще нескольких.)»...

Не избежали подобной участи (насильственной выдачи из добровольного плена на верную смерть на родину) и многие члены КОНРа.

Генерал Трухин нарвался на засаду чешских коммунистов еще раньше — 8 мая 45-го — и был передан ими СМЕРШу.

Благовещенский, морально сломавшись, сдался офицерам СМЕРШа сам.

Власова перехватили по дороге в штаб американской армии в районе чешской деревни Брежи...

* * *

1 августа 1946 года членам Комитета освобождения народов России начали зачитывать приговор Военной Коллегии Верховного Суда...

Жиленков, Малышкин, Благовещенский и еще шестеро их изможденных соратников с обреченными лицами, босыми стояли на грубо сколоченных табуретах, с наброшенными на шею веревочными петлями.

Чуть в стороне под особыми перекладинами:

на таких же табуретах высились две огромные тяжелые фигуры — Федора Трухина и Андрея Власова. Они неотрывно смотрели на большие железные крюки, которые мерно покачивались перед их остановившимися глазами. К перекладинам были приставлены лестницы, наверху сидели два равнодушных сержанта, готовых по команде подцепить изменников.

Приговор гласил:

— ...по обвинению в измене Родине и в том, что они, будучи агентами германской разведки, проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против Советского Союза. («Измена Родине» — понятно. Но «агенты», «шпионы», «диверсанты», «террористы» — откуда взято это? — *А.Л.*) Все обвиняемые признали себя виновными. (Опять ложь. Ряд исследователей власовского движения указывают: допросы власовцев явно сфальсифицированы, но и по ним заметно, что «во всем признался» лишь Благовещенский, а Трухин, например, и вовсе отказался «сотрудничать» со следствием и на суде держал себя достойно, резко и непримиримо. — *А.Л.*) В соответствии с пунктом 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила обвиняемых: Власова, Малышкина, Жиленкова, Трухина, Благовещенского, Закутного, Меандрова, Буянченко, Зверева, Корбукова и Шатова — к смертной казни через повешение... Приговор привести в исполнение!

Из-под ног осужденных стали один за другим выбивать табуреты... Они коротко всхрипывали и, неестественно вытягиваясь, постепенно высовывали языки...

Последними подставки вытолкнули из-под Трухина и Власова. Обоих подвесили на крюках, поддетых под основания черепов. Через несколько секунд на лица генералов уже невозможно было смотреть...

А Рузвельт с Черчиллем продолжали и продолжали передавать Сталину в руки все новые и новые жертвы из гигантского числа военнопленных, не желающих возвращаться домой.

Даже через два года после окончания войны эти «отцы западной демократии» услужливо репатриировали в СССР из Англии и других стран Европы уже тех, кто в мировой войне не принимал непосредственного участия — русских и украинских крестьян, бежавших туда от большевизма, как только предоставлялась такая возможность. Они там осели, начали укореняться и вдруг — всех подчистую. И каково же число этих абсолютно безвинных людей? Один миллион! Миллион человеческих жизней! Все они были отправлены в Гулаг на уничтожение.

Эту тайную, подлую и невысказанно равнодушную выдачу (будто эту акцию проделали роботы, а не живые ревнители прав человека по всему миру) «цивилизованному» Западу удавалось скрывать от общественности аж 25 лет!

Так что, Ялтинская конференция оказалась не просто «близорукой» (по А. Солженицыну) — она впервые «законно» (в виде конкретного договора) попрала и обесценила понятие общечеловеческого права и по сути поставила окончательный знак равенства между обезбоженной демократией и обезбоженным социализмом.

Воистину, национальный эгоизм убивает и сердце и разум, и... опровергает свои же гражданские идеалы по принципу: «В политике нет постоянных врагов и друзей, есть постоянные интересы». Эти слова, изреченные американским президентом Джорджем Вашингтоном, означают не что иное, как откровенный призыв к безнравственности в межгосударственных делах.

А впрочем... Политический цинизм — он ведь существовал во все времена. Однако человечество живо и до сих пор. Ушли в небытие и Гитлер, и Сталин, и Черчилль, и Рузвельт, и Власов, который мог создать страшный гибрид антибольшевистской России под управлением нацистов. Канули в Лету и массы тиранов и политических авантюристов. И как бы ни влияли те или иные личности на ход Истории, все же решающий фактор ее развития — это народ. Вернее, народы. Именно в них заложен тот мощный инстинкт самосохранения, который помогает им преодолевать любые мировые катаклизмы. Нашему времени принадлежит мысль о том, что «человечность — это путь к человеко-вечности». А посему представляется, грядущим поколениям людей, которые непременно перейдут от стадии *человека разумного* — к *человеку нравственному*, предстоит еще долгая и полноценная жизнь.

Ибо... с нами Бог!

Содержание

От автора

5

Часть первая
СМЕРТНИКИ

7

Часть вторая
«ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ АРМЕНИИ»

103

Часть третья
**НЕРОДИВШИЙСЯ
ТРЕТИЙ ДЬЯВОЛ**

191

Александр Лапшин

**РОКОВАЯ СХВАТКА. ВЛАСОВ, СТАЛИН,
АЛЛИЛУЕВА, ГИТЛЕР, БЕРИЯ
И ДРУГИЕ — НЕИЗВЕСТНОЕ**

Корректоры *М. Мерецкова, Г. Данилова*
Технический редактор *Т. Кулагина*
Компьютерная верстка *Е. Коптевой*
OCR - Давид Титиевский, июль 2017 г., Хайфа

ЛР 064134 («КРОН-ПРЕСС»)

Подписано в печать с готовых диапозитивов 27.12.96.
Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая. Бумага газетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 16,8. Тираж 15 000 экз.
Заказ 11.

ООО Издательский Дом «КРОН-ПРЕСС»
103030, Москва, ул. Новослободская, 18, а/я 54.

По вопросам реализации обращаться по адресу:
Москва, Огородный проезд, 6
Телефоны: 218-30-03, 219-82-14

Посетите магазин «КРОН-ПРЕСС» по адресу:
Москва, ул. Новослободская, 18'
Телефон: 972-14-23

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России.
144003, г. Электросталь Московской обл.,
ул. Тевосяна, 25.

ISBN 5-232-00496-4

Александр Лапшин

РОКОВАЯ СХВАТКА

Власов
Сталин
Аллилуева
Гитлер
Берия
и другие –

неизвестное